

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Б.В. АНАНЬИЧ

**РОССИЙСКОЕ
САМОДЕРЖАВИЕ
И ВЫВОЗ КАПИТАЛОВ**

1895
—
1914

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Б. В. АНАНЬИЧ

РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ВЫВОЗ КАПИТАЛОВ

1895—1914 гг.

(по материалам
Учетно-ссудного банка
Персии)

ЦНБ ХНУ
Дата повернения:

- 1 СЕН 2000

Издательство
«НАУКА»
Ленинградское
отделение
Ленинград
1975

Монография посвящена проблеме экспорта капиталов из России в конце XIX—начале XX в. Несмотря на нехватку свободных капиталов в стране, русское самодержавие в небольшом количестве экспортировало капиталы, прежде всего — в виде займов. Вывоз капиталов осуществлялся, как правило, через банки, находившиеся под контролем Министерства финансов. К числу таковых принадлежал и Учетно-ссудный банк Персии, по материалам которого выполнена настоящая работа. В ней показана роль государства в экспорте капиталов, характер и формы их вывоза.

Издание рассчитано на историков.

А $\frac{10604-567}{042 (02)-75}$ 2-75

© Издательство «Наука», 19

ВВЕДЕНИЕ

Предлагаемая книга посвящена проблеме вывоза капиталов из России в конце XIX—начале XX в. Проблема эта специально не привлекала внимания историков да и, пожалуй, экономистов, ибо Россия как экспортер капиталов в конце XIX—начале XX в. не играла значительной роли в мировой экономике. Однако изучение вывоза капиталов из России представляет несомненный интерес для понимания природы российского монополистического капитализма, его эволюции на протяжении двух десятилетий, предшествовавших первой мировой войне. Это и побудило автора попытаться проследить на материалах Учетно-ссудного банка Персии, служившего каналом для вывоза капиталов на Средний Восток, особенности и характер российских финансовых операций за границей, связанных с торговой политикой, предоставлением займов другим странам или приобретением концессий.

Все эти вопросы рассматриваются в книге с учетом общего направления экономической политики русского самодержавия.

Для экономического развития России конца XIX—начала XX в. характерна высокая степень государственного вмешательства в хозяйственную жизнь страны. Это явление наложило отпечаток на деятельность русского Государственного банка. В отличие от центральных эмиссионных банков стран Запада он находился в непосредственном распоряжении Министерства финансов и использовался в интересах экономической политики пра-

вительства.¹ В частности, через Государственный банк проводились в большинстве своем операции, связанные с вывозом капиталов.

Россия принадлежала к разряду стран, интенсивно ввозивших иностранные капиталы в виде займов и инвестиций. На привлечении иностранных капиталов зиждлась программа экономического развития страны, осуществлявшаяся царским правительством в конце 90-х — начале 1900-х годов. В известной зависимости от притока иностранных капиталов падало и золотое денежное обращение, введенное в результате реформы 1895—1897 гг. Однако, несмотря на постоянную нехватку в стране свободных капиталов, Россия сама выступала в качестве кредитора по отношению к некоторым странам Востока и Балканского полуострова. Вывоз капиталов из России был связан с ее обязательствами по международным займам, а также с политикой на Балканах, на Среднем и Дальнем Востоке.² Он осуществлялся или непосредственно Государственным банком, или с его помощью через банки, находившиеся под контролем Министерства финансов.

Для заграничных операций Министерство финансов в конце 90-х годов широко пользовалось услугами С.-Петербургского международного коммерческого банка. В эти годы во главе банка стоял А. Ю. Ротштейн, видный финансовый деятель и доверенное лицо министра финансов

¹ Гиндин И. Ф. Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960, с. 3, 121—122. — В 1907 г. С. Ю. Витте, находившийся уже в отставке, с сожалением писал о том, что Государственному банку при проведении денежной реформы 1895—1897 гг. не была предоставлена полная независимость как эмиссионному учреждению, в результате чего Министерство финансов могло покушаться на его золотой запас, и настаивал на отделении банка от Министерства финансов и сохранении в неприкосновенности золотого фонда банка как обеспечивающего только денежное обращение. См.: Апаньич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970, с. 258.

² По данным А. Л. Вайнштейна, на 1 января 1914 г. задолженность русскому правительству Китая составляла 300 млн золотых руб., Внешней Монголии — 5, Персии — 62, Турции — 103,7, Греции — 7,3, Болгарии — 40,9 млн. Кроме того, стоимость русского материального имущества в Китае достигала 328 млн золотых руб., во Внешней Монголии — 6, в Персии — 48 млн (Вайнштейн А. Л. Народное богатство и народнохозяйственное накопление предреволюционной России. М., 1960, с. 434, 444).

С. Ю. Витте. Однако начиная с 900-х годов роль Международного банка в зарубежных операциях русского правительства стала менее значительной. Это было связано с учреждением под эгидой Министерства финансов в конце 90-х годов специальных банков для вывоза русских капиталов на Дальний и Средний Восток и для усиления там экономического влияния России.

С 1894 по 1897 г. было учреждено три таких банка — Русско-Китайский, Русско-Корейский и Учетно-ссудный банк Персии. Банки эти должны были способствовать осуществлению политики «мирного» экономического проникновения России на рынки Дальнего и Среднего Востока, являвшейся частью общеэкономической программы промышленного развития России, провозглашенной Министерством финансов в конце 90-х годов. Несмотря на некоторые особенности, присущие каждому из этих банков, по своей природе они были родственны друг другу, и прежде всего потому, что основным источником кредитования их являлось государство.

В 1895 г. по инициативе Министерства финансов для содействия развитию экономических связей России со странами Дальнего Востока был создан Русско-Китайский банк. В учреждении банка приняли участие С.-Петербургский международный коммерческий банк и группа французских банков. Складочный капитал банка был определен в 9 млн руб., но затем увеличен до 15 млн руб. В виде оборотного вклада 5.5 млн руб. внесло в банк китайское правительство. К началу 900-х годов основной капитал банка достигал 20.5 млн руб., а запасной — 3.7 млн.³

«В целях сохранения за русским правительством полного влияния на направление деятельности банка» в его устав было включено правило, предусматривавшее непременное утверждение министром финансов членов правления, избравшихся общим собранием. Кроме того, к 1904 г. в руках русского правительства было сосредоточено около 33 000 акций из общего числа 80 000 акций, а «для наблюдения за правильным и соответствующим общим государственным интересам ходом дел банка» с «соизволения» Николая II в правление банка были

³ Всеподданнейший доклад В. Н. Коковцова «О деятельности Русско-Китайского банка» 16/29 июля 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 583, оп. 4, д. 317, л. 83—83 об.

введены четыре члена из чинов Мипистерства финансов.⁴ Устав Русско-Китайского банка допускал целый ряд операций, не предусмотренных уставами обычных акционерных банков, действовавших в пределах России. Так, Русско-Китайский банк мог заниматься покупкой за свой счет и по поручению частных лиц товаров, страхованием и продажей за счет третьих лиц недвижимостей, ему были разрешены покупка и продажа иностранных государственных или гарантированных иностранными государствами процентных бумаг, выпуск собственных банковых билетов, производство операций, имевших отношение к местному Государственному казначейству. Вместе с тем в пределах России ему были запрещены сделки, которые могли бы отвлечь капиталы от основных операций, связанных с производством ссуд, открытием кредитов под залог процентных бумаг, товаров, консаментов и т. д.

Русско-Китайский банк начал свою деятельность «со скромных сравнительно оборотов в Шанхае», где им «было приобретено местное отделение французского банка „Comptoir National d'Escompte“». Накануне русско-японской войны помимо Шанхая банк уже имел отделения в Пекине, Тяньцзине, Гонконге, Ханькоу и в ряде более мелких пунктов Китая. Кроме того, банком было открыто более 50 отделений в Японии, Маньчжурии, Северной Америке, Индии, Сибири и Туркестане. К началу русско-японской войны по своим оборотам среди действовавших на территории Китая десяти иностранных кредитных учреждений Русско-Китайский банк занимал второе место после английского Гопконг-Шанхайского банка. С 1899 по 1903 г. годовой оборот Русско-Китайского банка вырос с 6.7 до 14.5 млрд руб. Чистая прибыль банка за 1903 г. составила 4.3 млн руб.⁵ К началу русско-японской войны банк стал основным каналом для вывоза русских капиталов на Дальний Восток во всех его формах.⁶

⁴ Там же, л. 84, 87 об. — В акции были вложены средства Государственного казначейства. Начиная с 1899 г. и до русско-японской войны банк выдавал «дивиденд в 15 рублей на акцию, что в зависимости от цен приобретения акций (215—240 р.)» составляло «от 6 до 7% на затраченный капитал».

⁵ Там же.

⁶ Подробно о возникновении Русско-Китайского банка и его роли в политике России на Дальнем Востоке см.: Романов Б. А.

В конце 1897 г. в Петербурге был утвержден устав Русско-Корейского банка с капиталом в 500 тыс. руб. Из общего количества акций банка 51% акций брало на себя русское правительство, что обеспечивало ему «безусловное влияние на ход дела» этого кредитного учреждения, а 49% — Русско-Китайский банк без права продавать эти акции в течение определенного времени. Русско-Корейский банк создавался «в видах усиления экономического влияния России в Корее и развития русско-корейской торговли».⁷ К моменту создания банка торговый оборот между двумя странами был незначительным, но в Министерстве финансов надеялись на «расширение... сбыта» в Корее русского керосина и сукон и рассчитывали, что новое кредитное учреждение будет служить «интересам русской торговли и промышленности» при «постоянно возрастающей на Корейском полуострове торгово-промышленной конкуренции европейских держав, Америки, Китая и Японии».⁸ Предполагалось, кроме того, что со временем банк будет допущен корейским правительством к операциям корейского казначейства, связанным с приемом платежей в счет податей, налогов, таможенных пошлин, с чеканкой монет.⁹

Проект устава Русско-Корейского банка был составлен по образцу устава Русско-Китайского банка. Однако, поскольку русско-корейские экономические отношения только завязывались и Русско-Корейскому банку предстояло действовать в связи с этим в сложных условиях, ему по сравнению с Русско-Китайским банком было предоставлено «несколько более свободы относительно развития операций».¹⁰

Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, с. 13—14, 90—94; Рачинский А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895. М., 1956, с. 791—792.

⁷ Всеобщий доклад С. Ю. Витте «По вопросу об основании Русско-Корейского банка», не позднее 24 октября (6 ноября) 1897 г. ЦГА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 374, л. 1 об.

⁸ Представление С. Ю. Витте в Комитет финансов 11/24 декабря 1897 г. ЦГА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 374, л. 14—17.

⁹ Витте Дамздорфу, 17 (30) апреля 1901 г. ЦГА СССР, ф. 563, оп. 28, д. 77, л. 147—148.

¹⁰ Русско-Корейский банк имел право приобретать за свой счет без ограничения товары и процентные бумаги, не гарантированные первоклассными европейскими государствами, в то время как Русско-Китайскому банку эта операция была разрешена только в размере своего складочного капитала. Выпуск собствен-

Учредителями нового банка выступили лица, тесно связанные с Русско-Китайским и Петербургским международными банками. Из этого же круга лиц намечался состав правления и дирекции Русско-Корейского банка.¹¹ В декабре 1897 г. С. Ю. Витте обратился к Николаю II со всеподданнейшим докладом и получил согласие царя на введение в состав правления Русско-Корейского банка директора Общей канцелярии министра финансов И. П. Шипова, подобно тому как в состав правления Русско-Китайского банка был введен его предшественник на этом посту П. М. Романов. Специальное разрешение царя в данном случае было необходимо, ибо совмещение постов директора канцелярии и члена правления частного банка официально было запрещено.¹²

Таким образом, Русско-Корейский банк, если бы ему суждено было развернуть свои операции, работал бы параллельно с Русско-Китайским банком и был бы ему подобен. Разница состояла лишь в том, что в момент организации Русско-Корейского банка неясен был вопрос о создании его отделений за пределами Кореи и, в частности, в самой России.

Однако царское правительство не сумело воспользоваться для укрепления своих позиций на Дальнем Вос-

ных билетов» Русско-Китайскому банку был разрешен в размере складочного и запасного капиталов, для Русско-Корейского банка размер этой операции определялся Министерством финансов. Согласно кредитному уставу, сумма обязательств банков не должна была превышать более чем в 5 раз складочный и запасный капиталы. Для Русско-Китайского банка это соотношение было увеличено до 10-кратного, для Русско-Корейского банка — до 20-кратного. Русско-Корейскому банку разрешено было не соблюдать и другое правило кредитного устава, согласно которому кредит, открывавшийся каждому из отдельных клиентов банка, не должен был превышать $\frac{1}{10}$ складочного капитала. См.: Представление С. Ю. Витте в Комитет финансов 11 (24) ноября 1897 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 374, л. 14—17. См. также Устав Русско-Корейского банка (ПСЗ III, т. XVII, ст. 1897).

¹¹ Учредителями банка выступили Э. Э. Ухтомский, А. Ю. Ротштейн, С. И. Кербедз, А. Ф. Кох, Ф. К. Нотгафт. В состав директоров вошли Э. Э. Ухтомский, П. М. Романов, Ф. К. Нотгафт, А. Верт, Д. Д. Покотилов, К. Алексеев, А. Ф. Ротштейн. См.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928, с. 178.

¹² Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О разрешении директору Общей канцелярии министра финансов Шипову состоять членом правления Русско-Корейского банка». Не позднее 13 декабря 1897 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 77, л. 101 и об.

токе услугами еще одного кредитного учреждения. Русско-Корейский банк был образован в конце 1897 г. В начале 1898 г. в русско-корейских отношениях наступило резкое охлаждение и банк вынужден был закрыть свое «Сеульское отделение, просуществовавшее едва только месяц и не успевшее за столь короткий промежуток времени приступить к операциям». К 1901 г. все дела русского банка в Корее были ликвидированы.¹³

Русско-Китайский и Русско-Корейский банки были учреждены на капиталы русской казны и при значительном участии французских капиталов. В отличие от этих двух банков образованный в 1894 г. Учетно-ссудный банк Персии с самого начала своего существования совершенно не был связан с иностранными капиталами, кредитовался преимущественно за счет Государственного банка и Государственного казначейства и в известной мере мог рассматриваться как филиал Государственного банка. Поэтому деятельность Учетно-ссудного банка Персии в большей степени даже, чем Русско-Китайского, позволяет проследить самый механизм участия государства в операциях, связанных с вывозом капиталов.

Обращение именно к материалам Учетно-ссудного банка Персии для изучения проблемы вывоза капиталов из России оправдано еще и тем, что банк этот с 1894 г. не прекращал своих операций не только на протяжении всего интересующего нас периода, но и вплоть до 1917 г.

Учетно-ссудный банк Персии возник и работал в условиях острого англо-русского соперничества на Среднем Востоке, в значительной степени определившего направление его деятельности. Поэтому история банка, естественно, рассматривается в книге на фоне борьбы Англии и России за политическое и экономическое влияние в Персии в конце XIX—начале XX в.

¹³ Витте — Ламздорфу, 17 (30) апреля 1901 г.; Ламздорф — Витте, 9 (22) мая 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 77, л. 147—149 об.

УЧЕТНО-ССУДНЫЙ БАНК ПЕРСИИ В 1895—1905 гг.

Англо-русское соперничество на Среднем Востоке
в конце XIX в. Учреждение Учетно-ссудного банка
Персии. Роль банка в организации займов, в концессионной
и торговой политике царского правительства

Во второй половине XIX в. Персия стала объектом резко усилившейся экономической экспансии европейских держав, главным образом Англии и России, и попала, подобно Китаю и Турции, в разряд полукOLONИАЛЬНЫХ стран.

В начале 60-х годов Англия вынудила Персию выдать английским телеграфным компаниям концессии на строительство телеграфных линий в различных частях страны, из которых наиболее важное значение имела концессия, предоставленная акционерной Индо-Европейской телеграфной компании на строительство телеграфной линии Джульфа—Тавриз—Тегеран, соединявшейся на персидской границе с индийской телеграфной сетью, а в Европе — через Тифлис, Одессу, Варшаву и Торн — с Лондоном. Другая телеграфная линия от Багдада, пересекавшая Персию с севера на юг через Хапскин—Тегеран—Исфаган, у Бушира выходила на побережье залива и продолжалась подводным кабелем через Фао—Джаск—Маскат до Карачи. Постройка на персидской территории английских телеграфных линий, соединивших через Персию метрополию с Индией, повлекла за собой усиление зависимости Персии от Англии. Англо-персидские соглашения о выдаче концессий были составлены таким образом, что Персия, предоставившая Англии право постройки телеграфных линий на своей территории, должна была еще и оплачивать расходы по строительству и всего через несколько лет после подписания соглаше-

ний задолжала Англии в связи со строительными работами 47 тыс. фунтов стерлингов, которые обязана была выплатить в рассрочку в течение 20 лет.

О хищническом характере английских концессий дают возможность судить условия знаменитой концессии барона Рейтера. В июле 1872 г. Рейтер при поддержке английского посланника в Тегеране Друммонда Вольфа получил от шаха концессию на монопольную эксплуатацию природных богатств Персии, на строительство железных и шоссейных дорог и ирригационных сооружений; Рейтер приобрел права контроля над всеми таможами страны и освобождался от уплаты всех внутренних и ввозных пошлин. В качестве компенсации за предоставленные привилегии Рейтер обязан был выплачивать шахскому правительству от 15 до 20% чистой прибыли концессионных предприятий. Только протест русского правительства и возмущение, которое вызвала в стране эта сделка, вынудили шаха аннулировать концессию. Однако 17 лет спустя, в 1889 г., под давлением английского правительства шах предоставил Рейтеру (в качестве компенсации за якобы понесенные им убытки в связи с расторжением соглашения 1872 г.) новую концессию на организацию банка в Персии.

В 1889 г. в Персии начал свою деятельность английский Имперский банк (Imperial Bank of Persia), пазывавшийся также Шахиншахским. Хотя по условиям концессионного соглашения капитал банка был установлен в 4 млн фунтов стерлингов, банк был образован с капиталом в 1 млн фунтов (3.5 млн туманов). К 1900 г. основной капитал его сократился до 650 тыс. фунтов стерлингов, в то время как резервный составлял 72 556 фунтов.¹ Банк получил исключительные права на выпуск банкнот и эксплуатацию минеральных богатств Персии, а позднее — дополнительные права монопольного ввоза серебра и чеканки монеты. С момента своего возникновения банк действовал как учреждение, защищавшее в Персии интересы английского правительства. Он получил королевскую хартию и освобождался от всякого контроля со стороны персидского правительства: правление банка на-

¹ Сеидов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX века. М., 1974, с. 40—42.

ходило в Лондоне, учреждения банка в Персии пользовались правами экстерриториальности.²

Вскоре после учреждения Шахиншахского банка в марте 1890 г. англичанин майор Дж. Тальбот получил права на табачную монополию в Персии сроком на 50 лет с условием выплаты шаху ежегодной ренты в 15 тыс. фунтов стерлингов и отчисления четвертой части чистой прибыли. Два месяца спустя Тальбот продал концессионные права синдикату «Eastern Concession Syndicat Co», который в свою очередь в ноябре того же года перепродал их за 300 тыс. фунтов стерлингов компании «Imperial Tobacco Corporation». Новое общество было образовано с капиталом в 650 тыс. фунтов стерлингов.

Получив право контроля над вывозом и продажей табачной продукции страны, английские концессионеры в погоне за прибылями учинили открытый грабеж персидского населения. Произвол и хищническая политика английских концессионеров вызвали в стране взрыв народного возмущения. В 1891 г. в ряде городов Персии начались митинги и демонстрации. На стенах домов появились надписи, призывавшие к расправе с иностранцами, если табачная концессия не будет аннулирована.³ Напуганное народными выступлениями шахское правительство прибегло к помощи оружия. Для охраны иностранцев в европейских кварталах Тегерана были размещены войска, солдаты нападали на безоружное население, несколько сот человек было убито, но попытки подавить народное движение силой не имели успеха. В начале 1892 г. шах объявил о ликвидации концессии.

² Главная контора английского банка помещалась в Тегеране, а отделения — в Тавризе, Казвине, Реште, Бушире, Иезде, Исфагане и других крупных городах Персии. См.: Кулагина Л. М. Из истории закабаления Ирана английским капитализмом (Шахиншахский банк в последнее десятилетие XIX в.). — Краткие сообщения Института востоковедения АН СССР, 1956, № XIX, с. 5—7. — Об условиях английских концессий в Персии во второй половине XIX в. см. также: Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia, 1864—1914, New Haven—London, 1968.

³ Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957, с. 59; Строева Л. В. Борьба иранского народа против английской табачной монополии в Иране в 1891—1892 гг. — В кн.: Проблемы истории национально-освободительного движения в странах Азии. Л., 1963, с. 160—182.

В связи с ликвидацией концессии представители компании потребовали от персидского правительства возмещения убытков в размере 500 тыс. фунтов стерлингов. Эту баснословно высокую сумму, ничего общего не имевшую с действительными затратами концессионеров и почти равнявшуюся всему акционерному капиталу компании, шахское правительство смогло уплатить, только сделав немедленный 6-процентный заем в Шахиншахском банке как раз на сумму долга.

Жульнический характер действий представителей английской компании был настолько очевиден, что даже вызвал возмущение группы депутатов английского парламента. Во время дебатов в парламенте всплыли некоторые закулисные махинации концессионеров, бросавшие тень на английское правительство. Прежде всего не вызывал сомнений тот факт, что шах согласился уплатить неоправданно высокую компенсацию под давлением английских дипломатических представителей в Тегеране. Оставалось неясным, каким способом была получена концессия и кто ее финансировал. Зато получившие огласку некоторые сведения об одном из главных концессионеров, Дж. Тальботе, давали повод для далеко идущих предположений. Как стало известно, брат концессионера занимал пост политического резидента индийского правительства на побережье Персидского залива, а оба они состояли в родственных связях с английским премьер-министром лордом Солсбэри. И в парламенте довольно ясно намекали, что Дж. Тальбот получил концессию благодаря своим связям, продал ее фиктивной компании, а затем перепродал уже от лица этой компании доставшиеся ему без всяких затрат концессионные права за 300 тыс. фунтов стерлингов «Imperial Tobacco Corporation».⁴ Скапдальная история табачной монополии возбудила ненависть к англичанам в массах персидского населения и в значительной степени подорвала английское влияние в стране.

Активное русское экономическое пропикновение в Персию началось в конце 70-х годов. В 1879 г. в Тегеране был создан под командованием русских офицеров первый

⁴ Parliamentary Debates, House of Commons, 26th May, 1892, vol. IV, p. 1945; Строева Л. В. Борьба иранского народа..., с. 181.

казачий полк, превратившийся позднее в казачью бригаду. В том же году русские капиталисты получили концессию на постройку телеграфной линии на севере Персии — между городами Астрабад и Чикишляр.

В целях защиты русских торговых интересов в Персии русское правительство вновь запретило в 1883 г. транзит европейских товаров в Персию через Кавказ. Эта мера должна была оградить русскую торговлю в северной части страны от конкуренции остальных европейских экспортеров, ибо перевозка товаров на север по двум другим наиболее удобным торговым путям — через Багдад, Хаппекип или Персидский залив — требовала много времени и обходилась дорого. Чтобы избежать угрозы железнодорожного вторжения в северные районы Персии своих соперников, русское правительство принудило шаха в 1889 г. подписать соглашение о запрещении строительства железных дорог в стране на десятилетний срок, вплоть до 1900 г.

Действительно, после 1883 г. русская торговля с Персией в значительной степени возросла, и к началу 90-х годов Россия по размерам торгового оборота начала догонять Англию.⁵ Одновременно с развитием русско-персидских торговых связей начался и вывоз в Персию капиталов из России.

*

Первыми наиболее видными российскими концессионерами в Персии были известные капиталисты братья Поляковы. В 1889 г. Л. С. Поляков образовал «Товарищество промышленности и торговли в Персии и Средней Азии» с отделениями в Тегеране, Реште, Мешхеде и других крупных городах Персии, в 1892 г. он же открыл в Тегеране «Персидское страховое и транспортное общество», начал строительство там спичечной фабрики, скупил три четверти акций бельгийской компании, содержавшей в Тегеране конку. В 1893 г. Л. С. Поляков получил концессию

⁵ Командующий войсками Закаспийской области А. Н. Куропаткин в своем отчете о поездке в Персию в 1895 г. называл следующие цифры роста русского торгового оборота с Персией по десятилетиям после 1873 г.: 1840 г. — 4,2 млн руб., 1873 г. — 6, 1883 г. — 11,2, 1893 г. — 27,3 млн руб. (Отчет о поездке в Персию в 1895 г. ЦГИАЛ СССР, ф. 560, оп. 28, д. 27, л. 55).

на постройку шоссе от побережья Каспийского моря первоначально до Казвина, а позднее (в 1895 г.) — до Тегерана. В 1890 г. брат Л. С. Полякова — Я. С. Поляков — приобрел концессию сроком на 75 лет на устройство в Персии банка с правами заниматься ссудными операциями под залог ценных бумаг, векселей и товаров и организовывать аукционы. Капитал банка был определен в 5 млн франков, из которых 1 млн должен был быть внесен концессионером в течение первых шести месяцев, а остальные — последовательными взносами в сроки, установленные администрацией банка. По условиям концессии 10% чистой прибыли от банковских операций должны были поступать в шахскую казну, 25% — в пользу учредителей и 65% — в пользу акционеров. За дарованное банку право устраивать аукционные продажи в Тегеране Поляков должен был особо по истечении каждого года платить шахскому правительству тысячу туманов.

Однако созданный в мае 1891 г. банк Я. С. Полякова (первоначально названный «Ссудное общество Персии») просуществовал всего около трех лет, так и не развернув широко свои операции, и был приобретен в апреле 1894 г. русским Министерством финансов.

Интерес, проявленный царским правительством к акционерному делу Полякова, не был случайным и находился в прямой связи с тем, что самодержавие в начале 90-х годов XIX в. приступило к активной экономической политике на восточных окраинах России. Истоки этой политики восходят к 1893 г., когда С. Ю. Витте «немедленно по вступлении в управление Министерством финансов» поставил вопрос о необходимости расширения «русско-азиатской торговли» на том основании, что пограничные с Россией «страны Азии» «служат рынками сбыта» русских мануфактурных изделий и «торговое в этих странах значение России находится в самой тесной связи» с ее «политическим влиянием».⁶

В апреле 1893 г. по инициативе Витте при Министерстве финансов было создано «Особое совещание по торговле с азиатскими государствами» из представителей трех министерств — финансов, военного и иностранных

⁶ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте. Не позднее 25 марта (6 апреля) 1894 г. ЦГИА СССР, ф. 40, оп. 1, д. 46, л. 70—71.

дел — под председательством Д. Ф. Кобеко. К началу 1894 г. совещание уже обсудило некоторые вопросы о торговле с Персией, Афганистаном и Бухарой и специально занялось рассмотрением вопроса о расширении торговли с Китаем в связи со строительством Сибирской железной дороги. Что же касается русско-персидской торговли, то в целях ее улучшения совещание в первую очередь «признало желательным» приобретение в собственность казны Ссудного общества Персии. В самом начале апреля 1894 г. Витте, ссылаясь, в частности, на решение Особого совещания, представил в Комитет финансов подробный проект покупки Государственным банком акционерного дела Полякова. В проекте подчеркивалось, что развитию русской торговли в Персии может способствовать только «кредитное учреждение с большими средствами» и что эта задача не по плечу ни Ссудному обществу Персии, ни работавшему в Персии отделению Московского международного банка, которые недостаточно сильны и не могут противостоять там английскому влиянию.⁷ Между тем по сведениям, которыми располагало Министерство финансов, обстановка для активной деятельности в Персии сильного русского кредитного учреждения представлялась благоприятной, так как дела имперского банка пошатнулись, ценность его акций упала на 50—60% и администрация банка готова была будто бы «уступить» Я. С. Полякову свое предприятие, за исключением выделившегося из него общества для эксплуатации минеральных богатств Персии.⁸ Однако Поляков оказался не в состоянии воспользоваться предложением администрации английского банка и захватить в свои руки ведение всех финансовых операций в Персии.

Ссылаясь на то, что Ссудное общество Полякова не имеет никаких перспектив укрепить свое положение, так как «московские торговые фирмы, обладающие значительными средствами... уклоняются от собрания капитала, необходимого для учреждения в Персии сильного русского банка», а «Государственный банк не может открыть в Тегеране свое отделение» по политическим соображениям, Витте и выступил с проектом, предусмат-

⁷ Представление Витте в Комитет финансов 4 (16) апреля 1894 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 331, л. 4.

⁸ Там же.

ривавшим превращение Ссудного общества Персии в предприятие государственного типа, имеющего, однако, внешние признаки частного банка. 4 апреля 1894 г. проект был обсужден в Комитете финансов, двенадцать дней спустя утвержден Александром III, а к 1 мая 1894 г. Государственный банк уже вступил в управление Ссудным обществом Персии, переименованным к тому времени в Ссудный банк Персии.

Я. С. Поляков получил от русского правительства 225 тыс. руб. за уступку всех акций на сумму в 5 млн франков = 1875 тыс. руб. (которые к моменту продажи банка считались оплаченными на 2 млн франков = 750 тыс. руб.), инвентаря, концессии и устава, а также в возмещение расходов «по обзаведению и устройству».⁹

Таким образом, с 1894 г. Ссудный банк Персии начал действовать в Тегеране формально как частное учреждение, а в действительности — как филиал русского Государственного банка, который не только оплатил расходы, связанные с покупкой Ссудного банка Персии, но и предоставил его администрации в виде оборотного капитала 375 тыс. руб.¹⁰ На заседании Комитета финансов 4 (16) апреля 1894 г., утвердившего предложение Витте о приобретении акционерного дела Я. С. Полякова, были определены и задачи вновь образованного банка: содействовать «развитию активной торговли русских в Персии, сбыту туда русских фабрикатов, распространению среди персидского населения российских кредитных билетов, а равно вытеснению из Персии английских произведений».¹¹

Открытие русского банка в Тегеране ознаменовало собой непосредственный переход самодержавия к активной экономической политике в Персии, рассчитанной на завоевание персидского рынка и вытеснение из Персии английского соперника. Меньше чем через год после поездки командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина в 1895 г. во главе чрезвычайного посольства в Тегеран эта политика как бы окончательно получила официальное утверждение, и

⁹ Там же, л. 12.

¹⁰ В 1902 г. Ссудный банк Персии был переименован в Учетно-ссудный банк Персии. Далее он так и будет именоваться во всех случаях.

¹¹ Журнал Комитета финансов 4 (16) апреля 1894 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 334, л. 16.

было провозглашено, что соревнование с Англией отныне «должно выражаться прежде всего в сфере экономических интересов».¹²

*

С 1895 г. в Персию устремляются через Учетно-ссудный банк русские государственные капиталы, которые вкладываются в займы, концессии на постройку дорог, чеканку монеты и т. д. Последние 5—6 лет XIX в. оказали решающее влияние на результаты англо-русского экономического соперничества в Персии. За эти годы Россия достигла значительных успехов в освоении персидского рынка, быстро догнала Англию в объеме торгового оборота с Персией и заняла монопольное положение на северных рынках страны. На протяжении этих лет самодержавие добилося также исключительного права финансировать персидское правительство и установило через Учетно-ссудный банк контроль над персидскими финансами.

Дело в том, что после крупного персидского займа, сделанного в Лондоне в 1892 г., шахское казначейство попало в долговую зависимость от Англии. С этого момента началась сплошная полоса финансовых кризисов персидского правительства. В поисках выхода из создавшегося положения правительство Персии в 1895 г. открыло переговоры о займе в России, которые прервались, однако, в связи с убийством в 1896 г. Насер эд-Дип-шаха. Но если переговоры в 1895—1896 гг. о большом займе в России оказались пока что бесплодными, то персидскому правительству сразу же был открыт краткосрочный кредит в Учетно-ссудном банке Персии, который после его перехода в собственность Государственного банка взял курс на регулярную финансовую поддержку персидского правительства. Первая ссуда шахскому казначейству была

¹² Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1. — А. Н. Куропаткин в представленном Николаю II отчете о результатах своей поездки высказался за активную экономическую политику в Персии. И хотя сам Куропаткин считал, что Россия в данный момент не заинтересована в персидском рынке, смысл этой политики он видел в освоении персидского рынка впрок.

выдана Учетно-ссудным банком в мае—июне 1895 г. в размере 100 тыс. туманов сроком на год «в виде аванса под векселя тегеранского монетного двора». Несмотря на то что оно не сумело погасить свою задолженность в срок и расчеты по ссуде затянулись на два года, в 1896 г. Учетно-ссудный банк Персии удовлетворил новую просьбу шаха, поддержанную русскими дипломатическими представителями в Тегеране, и произвел учет краткосрочных векселей шахского казначейства (бератов) на сумму в 156 390 туманов сроком на шесть месяцев.¹³

После смерти Насер эд-Дин-шаха персидское правительство делало попытки заключить заем при содействии группы нидерландских и французских банкиров с тем, чтобы избежать займа в Англии или России, но не получило поддержки французского правительства, и заем не состоялся. Эта неудача вынудила нового шаха просить в феврале 1898 г. в английском Имперском банке ссуду, которую он получил в размере 50 тыс. фунтов стерлингов под залог таможен побережья Персидского залива.

По истечении срока ссуды английское правительство решило воспользоваться финансовыми затруднениями шаха и потребовало немедленного погашения не только последней ссуды, но и долгов по прежним займам в размере 150 тыс. фунтов стерлингов, угрожая в противном случае продлить на 6 лет контроль над персидскими таможнями. Персидское правительство оказалось в критическом положении. Правда, шаху удалось осенью 1898 г. получить в Учетно-ссудном банке Персии новую ссуду в размере 1.5 млн руб., которая обеспечивалась доходами семи персидских северных таможен и арендной платой с рыбных промыслов на Каспийском море,¹⁴ но эта сумма пошла только на частичное погашение английского долга, и персидское правительство вынуждено было продолжить поиски крупного займа. Попытки договориться с Англией окончились полной неудачей: в Лондоне готовы были выдать Персии новый заем, но только на кабальных условиях — установление полного и немедленного контроля над южными таможнями страны.

К началу 1899 г. вокруг подготовлявшегося персидского займа завертелась настоящая финансово-диплома-

¹³ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 9.

¹⁴ Там же, л. 9 об.

тическая карусель с участием банкиров и политических деятелей Англии, России и Франции. Переговоры о нем попали в фокус большой европейской политики, и на поверхность неожиданно всплыл проект коллективного англо-франко-русского займа Персии со всеми вытекающими из этого шага для англо-русских отношений последствиями.

Участие совместно с Россией в кредитовании шаха не противоречило общему направлению английской политики в Персии. Еще в январе 1898 г. английский премьер-министр лорд Солсбери выступил с фантастической по размаху программой англо-русского сближения, предусматривавшего определение районов преимущественных интересов Англии и России на Дальнем и Ближнем Востоке. В результате ее обсуждения было достигнуто и подписано 16(28) апреля 1899 г. всего лишь соглашение о сферах железнодорожных интересов двух держав в Китае.¹⁵ Но и оно было воспринято в английских дипломатических кругах как первый шаг «на пути к выходу Англии» из состояния «блестящей изоляции» и как «основа» для возможного в будущем сотрудничества с Россией.¹⁶ Открыв в начале 1898 г. переговоры с русским Министерством иностранных дел, Солсбери, видимо, не прочь был позондировать почву о возможности раздела Персии на сферы экономического влияния. Однако из опубликованной английской официальной дипломатической переписки неясно, решилась ли английская дипломатия в связи с обсуждением программы Солсбери прямо обратиться к России с предложением о разделе Персии на сферы влияния. Не дает ответа на этот вопрос и известная русская дипломатическая документация. Тем больший интерес представляют, несмотря на предельную их лаконичность, записи содержания всеподданнейших докладов товарища министра иностранных дел В. Н. Ламздорфа, сохранившиеся в его личном архиве. Из них прежде всего следует, что проблемы соглашения с Англией по персидским делам обсуждались в русских правительственных кругах весной 1899 г. по инициативе министра финансов С. Ю. Витте и

¹⁵ См.: Сборник договоров России с другими государствами. 1856—1917 г. М., 1952, с. 315—318.

¹⁶ Попов А. Л. Англо-русское соглашение о разделе Китая (1899 г.). — Красный архив, 1927, т. XXV, с. 133.

в связи с необходимостью предоставления Персии крупного займа, а переговоры о совместном займе несомненно велись как с английской, так и с французской сторонами.

Персидский заем стал упоминаться во всеподданнейших докладах Ламздорфа в самом начале 1899 г., между прочим, параллельно с информацией о ходе англо-русских переговоров по дальневосточным делам. Так, к докладу 26 января 1899 г. (по ст. ст.) Ламздорф записал: «1). Проект ноты великобританскому послу: докладные записки по этому сложному делу. 2). Высочайшее одобрение 9 текущего января записки об общем направлении русской политики на Востоке. Справка по делу персидского займа».¹⁷

Когда именно зародилась мысль о возможности предоставления совместного англо-русского займа Персии, из бумаг Ламздорфа установить невозможно. Но ясно, что к весне 1899 г. план такого займа уже обсуждался в Петербурге. «Письмо министра финансов о персидском займе, — записал Ламздорф к докладу Николаю II 30 марта 1899 г. — Предложение ст. секр. Витте относительно совместного русско-английского займа и разграничения сфер влияния в Персии возбуждает такое множество новых и сложных вопросов, что оно требует всестороннего изучения в связи с весьма щекотливым для нас железнодорожным делом в Персии. По всем этим вопросам изготавливается подробный доклад».¹⁸

Итак, в Петербурге, как и в Лондоне, весной 1899 г. существовал, видимо, свой план англо-русского соглашения относительно Персии. Однако записи Ламздорфа не позволяют установить, что представлял собою этот план и какова его судьба. Зато, как видно из них, дело совместного англо-русского займа Персии уверенно двигалось вперед. К концу апреля 1899 г. была уже, хотя и приблизительно, определена его общая сумма — не выше 60 млн франков.¹⁹ «Относительно персидского займа, — записал Ламздорф к докладу 4 мая 1899 г., — министр

¹⁷ ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 59, л. 5. — В записи к докладу 2 февраля 1899 г. упоминается «ответное письмо министра финансов по вопросу о персидском займе» (там же, л. 8 об.).

¹⁸ Там же, л. 24—25.

¹⁹ См. запись к докладу 27 апреля 1899 г. в Гатчине: ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 59, л. 32 и об.

финансов полагал бы целесообразным и желательным осуществление его втроем Россией, Францией и Англией. Но размер займа в 60 или даже в 50 млн франков кажется преувеличенным, и д. т. с. Зиновьев, долго живший в Персии, полагает, что столь крупный заем не соответствует средствам страны и был бы для нее разорительным. Посланник Аргиропуло запрошен по телеграфу о размере действительно необходимого для Персии займа».²⁰

Как видим, Витте в деле персидского займа хотел еще и опереться на финансовую поддержку Франции. Русский министр финансов рассчитывал, действуя через директора Петербургского международного коммерческого банка А. Ю. Ротштейна, воспользоваться услугами Парижско-Нидерландского банка.

По поручению Витте Ротштейн вступил в переговоры о займе с представителями персидского правительства еще в январе 1898 г.²¹ За спиной Международного банка, разумеется, стояло русское Министерство финансов, и Витте собственноручно правил проект контракта займа, подготовленный Ротштейном к весне 1898 г.²² С самого начала переговоров с уполномоченным персидского правительства Китабджи-ханом Ротштейн обусловил заключение займа предоставлением банку контроля над всеми персидскими таможнями.²³ Однако персидское правительство не спешило связывать себя столь серьезными обязательствами, и переговоры затянулись, а к началу 1899 г. в них включился Парижско-Нидерландский банк. В ответ на запрос персидского посла в Париже о возможности разместить персидский заем во Франции директор Парижско-Нидерландского банка Тор заявил в феврале 1899 г. о своей готовности осуществить эту операцию только совместно с одним из русских банков и при условии, что гарантией займа будут служить доходы персидских таможен.²⁴

²⁰ Там же, л. 33 и об.

²¹ Ротштейн—Витте, 2 (14) июня 1899 г. ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1188, л. 81—89.

²² ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1188, л. 40.

²³ Ротштейн—Витте, 2 (14) июня 1899 г. ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1188, л. 81—89.

²⁴ Тор—Ротштейну, 13 (25) февраля 1899 г. ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1188, л. 60 и об.

Весной 1899 г. между директором Петербургского международного банка Ротштейном и администрацией Парижско-Нидерландского банка завязалась оживленная переписка о совместном участии в персидском займе. Ротштейн и Тор не только держали друг друга в курсе своих переговоров с персидскими представителями, но и занимали согласованную позицию в этих переговорах.

Нет ничего удивительного в том, что Витте доверил именно Ротштейну ведение переговоров о персидском займе. Наделенный большими полномочиями директор Петербургского международного банка еще в самом начале 1899 г. взялся за выполнение ответственного поручения министра финансов — во что бы то ни стало пробиться на американский и английский денежные рынки. К весне 1899 г., когда всплыл проект совместного англо-русского займа Персии, Ротштейн уже вел с Лондоном переговоры о займе для России. Витте, выступивший в конце 90-х годов с обширной программой привлечения в Россию иностранных капиталов, придавал большое значение миссии Ротштейна, тем более что предпринималась уже не первая попытка восстановить когда-то оживленные, но затем утраченные связи с английским банковским миром.

В мае 1898 г. Витте выступил в Комитете министров в пользу укрепления коммерческих и финансовых связей с Англией, предпочтительно даже перед Францией. Неизвестно, какими путями, — но надо полагать, не без участия Витте, — это его выступление 14 (26) апреля 1899 г. было опубликовано на страницах «Таймс» в виде «секретного доклада» министра финансов. Сообщение «Таймс» вызвало серьезное беспокойство в Париже, и Витте распорядился его опровергнуть. Однако опровержение, сделанное в Лондоне агентом Министерства финансов С. С. Татищевым, носило чисто формальный характер и не ослабило впечатления, произведенного на английское общественное мнение публикацией самого доклада.²⁵ Весной и летом 1899 г. в англо-русских отношениях, казалось, были явные признаки наметившегося сближения.

²⁵ А н а н ь и ч Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970, с. 35—37.

Попытки Ротштейна установить прочные отношения с английским денежным рынком в конечном счете потерпели неудачу, однако в июне 1899 г. ему удалось все-таки разместить в Англии через Лондонский банкирский дом «Генри Шредер и К^о» (правда, не без помощи банкирских домов Берлина и Амстердама) 4-процентный облигационный гарантированный правительством заем общества Московско-Виндаво-Рыбинской железной дороги. К июню 1899 г., видимо, были достигнуты какие-то успехи и в подготовке англо-франко-русского займа Персии. «Вопрос о персидском займе — из документов, доставленных в Министерство иностранных дел ст. секр. Витте, видно, что персидское правительство действовало уклончиво в Париже. Ныне, кажется, шах согласился на заем у 3-х держав, но необходимо, чтобы персидский уполномоченный был снабжен точными инструкциями и чтобы в Тегеране знали, что переговоры должны быть обставлены вполне основательно», — эту запись Ламадорф сделал к докладу 8 июня 1899 г.²⁶ Она же — последнее свидетельство того, что в Петербурге все еще считали возможным участвовать вместе с Францией и Англией в коллективном займе Персии.

Впрочем, в первых же числах июня 1899 г. Витте потребовал от Ротштейна отчет о состоянии его переговоров с Парижско-Нидерландским банком и в связи с этим поставил перед Ротштейном вопрос, не считает ли тот целесообразным отказаться от проектируемого займа Персии под гарантией России, Англии и Франции в пользу франко-русского займа.²⁷ Однако, судя по всему, в русском Министерстве финансов до самой осени 1899 г. не расстались окончательно с мыслью о возможности действовать в деле персидского займа совместно с Англией. В сентябре 1899 г. Витте все еще возлагал надежды на английский денежный рынок, тем более что как раз в это время возник конфликт в ходе переговоров с французским правительством по поводу размещения очередного русского займа во Франции. «По моему мнению... пет другого выхода, — писал Витте в связи с этим конфликтом

²⁶ ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 59, л. 7 и об.

²⁷ Охочинский — Витте, 2 (14) 1899 г. ЦГИА СССР, ф. 626, оп. 1, д. 1188, л. 79—80 об.

министру иностранных дел М. Н. Муравьеву в самых последних числах сентября 1899 г., — как обратиться к кредиту Англии или Америки... При этом я думаю, что в Америке также едва ли будет возможность найти прочный кредит — и остается одна Англия».²⁸ Но где-то в эти же осенние месяцы 1899 г. наметившееся было англо-русское сближение застопорилось. В ходе англо-русских переговоров о совместном займе шаху, очевидно, не удалось достичь определенного соглашения, и после обмена мнениями «относительно способа доставления финансовой помощи Персии» в сентябре 1899 г. было условлено, что «взгляды русского правительства на этот предмет будут сообщены по рассмотрении вопроса г-ном Витте» и английскому послу в Петербурге Ч. Скотту, и посланнику в Тегеране А. Гардингу.²⁹

Между тем в последние месяцы 1899 г. русское правительство начало сепаратные переговоры с шахом о займе, завершившиеся подписанием 17(29) января 1900 г. соглашения между персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии о 5-процентном золотом займе на 22.5 млн руб. Заем был рассчитан на 75 лет. Платежи по займу обеспечивались доходами всех таможен страны, за исключением таможен Фарса и побережья Персидского залива. Если бы эти доходы оказались недостаточными для платежей по займу, банку предоставлялось право установить контроль над таможами, а в крайнем случае и вступить в «прямое заведование» ими. Одним из основных условий займа являлось обязательство персидского правительства ликвидировать за его счет долговые обязательства перед Англией и впредь не заключать новых долгосрочных займов где бы то ни было без согласия России.³⁰

²⁸ Более подробно об этом см.: Апанъич Б. В. Россия и международный капитал, с. 41.

²⁹ Меморандум английского правительства, переданный в С.-Петербург 7 (19) февраля 1900 г. ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 1, д. 148, л. 30—31.

³⁰ На погашение английских и русских долгов ушла более чем третья часть всей суммы займа. Из 22.5 млн руб. было уплачено: 1) Учетно-ссудному банку: а) по бератам, которые были учтены в 1896 г., — 340 тыс. руб.; б) по ссуде в 1.5 млн руб. 1898 г. — 1591 тыс. руб.; 2) по 6-процентному персидскому займу 1892 г., реализовавшему в Лондоне на 500 тыс. фунтов стерлингов, —

После того как в русской печати появилось официальное сообщение об условиях займа, Ч. Скотт выразил М. Н. Муравьеву удивление по поводу того, что «сделка была совершена без всякого уведомления» об этом английского правительства. Русский министр ответил, что «дело было ведено г-ном Витте как вопрос исключительно финансовый, а не политический».³¹ Тем не менее английское правительство 7 (19) февраля 1900 г. передало русскому правительству через своего посла в Петербурге специальный меморандум по поводу займа. В меморандуме, в частности, отмечалось, что интересы английского правительства в Персии «не могут считаться ограниченными берегом Персидского залива и областью Фарса», а потому «в видах устранения возможности того соперничества, которого оба правительства согласились избегать», английская сторона хотела бы «узнать в точности, каковы условия нового займа, и откровенно обсудить их с русским правительством с целью достигнуть дружественного и надежного соглашения».³² Однако условия займа были таковы, что обсуждение их с английским правительством для русской стороны теряло уже всякий смысл. В Лондоне не могли не понять огромного политического значения этой сделки. Английская печать осыпала упреками свое правительство, не сумевшее, по мнению газет, еще в 1898 г. оказать необходимую поддержку финансистам и добиться размещения персидского займа в Англии. «История неудачи переговоров 1898 г. о займе на английском рынке, — отмечалось в «Таймс», — хорошо известна. Персы утверждают, что он не состоялся из-за чрезмерно жестоких условий, которые намеревались выставить английские капиталисты. Требование, выдвинутое нашей стороной, о немедленном контроле над таможнями вместо возможного контроля в случае прекращения платежей, на который персы могли бы согласиться, было чрезмерно. Из-за этого подводного камня переговоры и потерпели кораблекрушение. Но есть основание верить, что результат мог бы быть

4103 тыс. руб.; 3) в счет оплаты ссуд из Имперского банка — 2500 тыс. руб. Итого: 8534 тыс. руб. (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 10 об.).

³¹ Меморандум английского правительства, переданный в С.-Петербург 7 (19) февраля 1900 г. ЦГАОР СССР, ф. 568, оп. 4, л. 148, л. 30—31.

³² Там же.

другой, если бы британское правительство проявило больше энергии и оказало бы более решительную поддержку английским капиталистам».³³ В английской публицистике русский заем Персии 1900 г. рассматривался как первопричина всех неудач, которые Англия терпела после 1900 г. в соперничестве с Россией за установление экономического и политического господства в Персии.

Но что же явилось причиной срыва англо-русских переговоров о совместном займе? По мнению Ф. А. Ротштейна, «англо-русский заем был предложен осенью 1899 г. Муравьевым, но был отвергнут иранским правительством», в то время как «тройственный англо-франко-русский заем был отвергнут Англией, не желавшей допустить иностранный контроль на юге» Персии. При этом Ф. А. Ротштейн ссылаясь на перлюстрированную «в царском министерстве телеграмму английской миссии в Тегеране», из которой он и почерпнул эти сведения.³⁴ К сожалению, Ф. А. Ротштейн никак не охарактеризовал этот документ, не сообщил его даты, не цитировал его и даже не указал место его хранения. При чрезвычайно скудных сведениях об англо-русских переговорах летом и осенью 1899 г., которыми мы располагаем, можно только строить предположения относительно причин, помешавших осуществлению совместного англо-русского займа. В случае его удачи, независимо от того, приняла бы в нем участие Франция или нет, это был бы значительный шаг на пути англо-русского сближения. Не случайно, как мы это видели, Витте, готовя переговоры о займе, ставил вопрос и о возможности англо-русского соглашения о сферах влияния в Персии. В связи с этим неудачу англо-русских переговоров в 1899 г. нельзя рассматривать без учета общего характера отношений трех европейских держав к концу 1899 г. и, в частности, напряженности в англо-французских отношениях, все еще носивших на себе следы Фашодского конфликта. Вместе с тем летние и осенние месяцы 1899 г. — важный этап в русско-французских отношениях, определивший их дальнейшее направление. Летом 1899 г. в Петербург приехал министр ино-

³³ The Times, 1900, 5 III, p. 3.

³⁴ Ротштейн Ф. А. Международные отношения в конце XIX века. М.—Л., 1960, с. 640.

странных дел Французской республики Делькассе, тогда же в результате обмена письмами между Ламздорфом и Делькассе 27—28 июня (8—9 августа) 1899 г. был возобновлен франко-русский союз. Вместе с тем как раз осенью 1899 г. вспыхнул очередной конфликт между русским Министерством финансов и французским правительством из-за размещения на Парижской бирже заложных листов Дворянского земельного банка. Осуществление этой операции — с обязательством закончить ее до второй половины октября 1899 г. — взяло на себя одно из крупнейших кредитных учреждений Франции — Лионский кредит. Однако в начале октября 1899 г. по требованию Министерства финансов и Министерства иностранных дел Франции Лионский кредит вынужден был задержать проведение займа. Более того, французское правительство вообще отложило вопрос о допуске к котировке бумаг Дворянского банка до приезда в Париж русского министра иностранных дел М. Н. Муравьева. Когда же Муравьев во время своего пребывания в Париже в октябре стал настаивать на отмене наложенного запрета, французское правительство дало согласие содействовать размещению во Франции этого вида русских ценностей при условии, если русское правительство приступит к постройке стратегической железнодорожной магистрали (на случай возможной войны с Англией) в направлении Оренбург—Ташкент. Мысль о необходимости постройки такой линии возникла во Франции под свежим впечатлением от Фашодского конфликта.

Русское правительство приняло эти условия, а одновременно, разумеется, должно было отложить в сторону на неопределенный срок какие бы то ни было проекты англо-русского сближения.

Огромную сумму в 22.5 млн руб., полученную в России в 1900 г., правительство шаха растратило за каких-нибудь полтора года. Уже в мае 1901 г. директор персидских таможен бельгиец Наус вынужден был обратиться к управляющему Учетно-ссудным банком с ходатайством об учете таможенных векселей на общую сумму в 200 тыс. туманов. Тогда же стало известно о намерении шахского правительства начать переговоры о новом, десятимиллионном займе в России. Переговоры эти затянулись почти на год, и русское правительство предприняло попытку использовать их для получения концессии на строитель-

ство нефтепровода от Каспийского моря к Персидскому заливу.

Бакинские нефтепромышленники были мало заинтересованы в разработке нефтяных богатств Персии, более того, они опасались конкуренции персидской нефти на средневосточных рынках и прежде всего в самой Персии, куда уже с 70-х годов начали поступать русские нефтепродукты. Русская нефть благодаря низкой стоимости и близости бакинских промыслов занимала господствующее положение на персидском рынке. Из Баку нефть доставлялась или водным путем в порты Каспийского моря, или сухопутным — через Красноводск, Ашхабад — в Северную Персию, а затем уже попадала в другие районы страны.

До 1896 г. это была преимущественно сырая нефть, так как керосин, предназначенный для вывоза, облагался акцизом наравне с керосином, потреблявшимся в самой России. В начале 90-х годов в Персии появилось несколько небольших заводов по переработке русской нефти, которые начали поставлять на персидский рынок хотя и плохо очищенный, но довольно дешевый керосин, успешно конкурировавший с бакинским.³⁵ Чтобы облегчить нефтепромышленникам борьбу с этой конкуренцией, русское правительство начиная с 1896 г. стало возвращать экспортные пошлины за обработанную нефть, вывозившуюся в Персию. Это привело к резкому росту вывоза в Персию русского керосина, который вскоре, как и нефть, занял там господствующее положение.

Нельзя, однако, преувеличивать значение персидского нефтяного рынка для России, так как потребление керосина в Персии в конце 1890-х — начале 1900-х годов было сравнительно невелико.³⁶ Как рынок сбыта керосина не меньшее значение для России имела, например, Индия, где русский керосин, по данным журнала «Нефтяное дело», к 1901 г. составлял почти 90% всего местного потребления и успешно конкурировал с американским.³⁷

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 574, оп. 4, д. 440, л. 7—12.

³⁶ По официальным данным, в 1901 г. весь вывоз русских нефтепродуктов достигал 95 079 017 пудов, в то время как вывоз в Персию составлял 2 136 090 пудов (Обзор внешней торговли России за 1901 год. СПб., 1903, табл. IV, с. 76, 78).

³⁷ Нефтяное дело, 1908, № 8, с. 58.

Стремление русских нефтепромышленников экспортировать нефть в Индию и через нее в другие страны Азии усиливало их интерес к Персии как к стране, через которую пролегали наиболее близкие сухопутные пути к этим рынкам. Не случайно поэтому еще на заре развития русской нефтяной промышленности, в 1884 г., в России появился проект постройки керосинопровода через Персию от Каспийского моря к Персидскому заливу, автором которого был известный русский инженер и предприниматель С. Е. Палашковский. В феврале 1884 г. проект Палашковского обсуждался в Особом совещании, принявшем решение «оставить его без последствий».³⁸

В отличие от России Англия стремилась к захвату персидских нефтяных месторождений, давно привлекавших внимание британских предпринимателей. Весной 1901 г. английское правительство, преследуя не только экономические, но и политические цели, помогло английскому подданному австралийцу Уильяму Ноксу д'Арсидобиться у персидского правительства права на разработку нефтяных месторождений в Южной Персии.

Переговоры об этой нефтяной концессии начались еще в 1900 г. в Париже. Находившийся на Парижской выставке главный директор таможенного управления Персии генерал Китабджи-хан встретился там с Эдуардом Коттом, в прошлом секретарем барона Рейтера, и с Генри Друммондом Вольфом, бывшим английским посланником в Тегеране. Переговоры в Париже носили предварительный характер. Некоторое время спустя Китабджи-хан был приглашен в Лондон для продолжения переговоров уже с участием д'Арси. В апреле 1901 г. Китабджи-хан Э. Котт и поверенный д'Арси Альфред Марриот выехали в Тегеран для подписания соглашения о концессии с персидским правительством.³⁹ При этом А. Марриот был снабжен рекомендательным письмом к персидскому премьер-министру от одного из влиятельных членов английского парламента, с которым тогдашний персидский

³⁸ ЦГИА СССР, ф. 1222, оп. XVI, д. 1, л. 6. — Подробнее о столкновении нефтяных интересов европейских держав и США на Среднем Востоке см.: Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика. 1880-е годы — 1918 г. М.—Л., 1965, с. 261—280.

³⁹ Shwadr an B. The Middle East, Oil and the Great Powers. New York, 1955, p. 15.

премьер (садр-азам) находился в дружеских отношениях.⁴⁰

Последний этап переговоров в Тегеране, в котором активное участие принял английский посланник Артур Гардинг, был окружен строжайшей тайной, так что русский посланник в Персии ровно ничего не знал о происшедшем до тех пор, пока соглашение уже не было подписано. Если верить Гардингу, то в русское посольство было отправлено письмо с сообщением об англо-персидских переговорах, написанное, однако, трудночитаемой скорописью на персидском языке с расчетом на то, что русский посланник Аргиропуло не сможет его прочесть до возвращения переводчика, уехавшего на несколько дней из посольства. Между тем, пока письмо лежало в русском посольстве, дожидаясь перевода, а Аргиропуло даже не подозревал о его важности, сделка совершилась.⁴¹ Русский посланник со своей стороны доносил в Петербург, что ему стало известно о состоявшемся соглашении только после его подписания, когда к нему явился представитель садр-азама и официально сообщил об этом. Пытаясь объяснить непонятный для него поступок садр-азама, придерживавшегося в то время русской ориентации, Аргиропуло писал 29 июня (12 июля) 1901 г., что персидским премьером «несомненно руководило желание смягчить недовольство им англичан для прекращения их участия в интригах, направленных против него», и что, «утождая англичанам» в этом случае, он рассчитывал, вероятно, «устранить также противодействие, хотя бы и косвенное, А. Гардинга торговому соглашению с Россией и заставить его простить строгость таможенных порядков, введенных в Южной Персии».⁴² Позднее, в феврале 1902 г., когда от русского финансового агента в Тегеране Э. К. Грубе пришло телеграфное сообщение о том,

⁴⁰ Аргиропуло — Ламздорфу, 29 июня (12) июля 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 7.

⁴¹ Hardinge A. H. A Diplomatist in the East. London, 1928, p. 278—279.

⁴² Аргиропуло — Ламздорфу, 29 июня (12) июля 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 7—8. Имеются в виду переговоры о русско-персидском торговом соглашении, которые были начаты в Тегеране в 1900 г. Соглашение было подписано 27 октября (9 ноября) 1901 г. и после ратификации вступило в силу в феврале 1903 г. Подробнее об этом см. ниже.

что д'Арси уплатил за концессию взятку в размере 50 тыс. туманов, стало ясно, почему садр-азам так легко уступил давлению англичан и не только не искал помощи у русских, но скрыл от них факт переговоров с представителями английского концессионера.⁴³

В июне 1901 г. поведение персидского министра еще оставалось непонятным, а посящие полуоправдательный для садр-азама характер объяснения русского посланника не были приняты во внимание в Петербурге, и посланник получил указание дать понять персидскому премьеру, что «повторение чего-нибудь подобного, пока он будет находиться у власти, не будет ему прощено императорским правительством».⁴⁴ Разумеется, это запоздалое предупреждение в данном случае уже ничего не могло изменить, хотя в Петербурге тщательно изучали условия концессии в надежде найти средство помешать ее осуществлению.

Ознакомление с текстом концессии еще более усилило беспокойство министерств иностранных дел и финансов, вызванное сообщением об англо-персидской сделке. Д'Арси получил концессию на исключительно выгодных условиях. Ему предоставлялось монопольное право на розыски, добычу, транспортировку и продажу нефти и нефтепродуктов в Южной Персии в течение 60 лет. Он добился разрешения на строительство нефтепровода к Персидскому заливу с правом прокладки труб дополнительно от главной магистрали в разных направлениях. Персидское правительство предоставляло даром английскому предпринимателю необработанные земли для строительства заводов и устройства нефтехранилищ. Он освобождался от обложения таможенными сборами за ввоз материалов и вывоз нефтепродуктов.

Со своей стороны д'Арси был обязан не позднее чем через два года создать первое товарищество по добыче нефти и выдать персидскому правительству по 20 тыс. фунтов стерлингов наличными и оплаченными акциями. Товарищество должно было отчислять ему 16% годовых от чистой прибыли.

Петербург обеспокоили не столько эти баснословные выгодные условия, сколько пункт шестой соглашения

⁴³ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 114.

⁴⁴ Аргиропуло — Ламздорфу, 29 июня (12 июля) 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 8.

устанавливавший границы будущей концессии. Согласно этому пункту, права д'Арси как концессионера распространялись, за исключением северных провинций — Азербайджана, Гиляна, Мазандерана, Хорасана и Астрабада, на территорию всей Южной Персии; при этом персидское правительство брало на себя обязательство не выдавать никому разрешение на проведение нефтепроводов к южным рекам и южному побережью Персии.⁴⁵ Это условие концессионного соглашения могло служить препятствием для русских планов торговли бакинской нефтью через Персидский залив.

Дело в том, что в августе 1901 г. в русском Министерстве финансов вновь вернулись к возбужденному в 1884 г., но впоследствии забытому проекту постройки керосинопровода от кавказской границы к Персидскому заливу. Вопрос о постройке керосинопровода через Персию возник непосредственно в связи с кризисом на бакинском нефтяном рынке в 1901 г. С января 1901 г. началось резкое падение цен на нефть. В 1902 г. положение несколько не улучшилось, напротив, кризис прогрессировал и цены продолжали падать.⁴⁶ Кризис на внутреннем рынке усугублялся неблагоприятной конъюнктурой, сложившейся к этому времени для русской нефти и на внешних рынках.

Одной из причин, постоянно препятствовавших развитию русского нефтяного экспорта, являлось отсутствие удобных путей сообщения. Для удешевления перевозки керосина, транспортировавшегося преимущественно по Закавказской железной дороге, правительство приступило к постройке трубопровода Баку-Батуми. К 1901 г. трубы были проложены всего лишь на протяжении 214 верст, до с. Михайлово. Но если бы закавказский трубопровод был проложен до конца и введен в действие, все равно заметного изменения к лучшему не произошло бы: направление на Батуми являлось выгодным главным образом для торговли на Средиземноморье и в Европе, а бакинские нефтепромышленники были заинтересованы прежде всего в торговле на Дальнем Востоке и в Индии, где русский керосин мог успешно конкурировать с аме-

⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 37.

⁴⁶ Обзор бакинской нефтяной промышленности за 1902 г. Баку, 1903, ч. I, с. 389.

риканским и были шансы на значительное расширение рынка керосина в будущем.

Это послужило одним из главных аргументов в защиту проекта постройки керосинопровода через Персию, представленного Николаю II в конце августа 1901 г., три месяца спустя после подписания соглашения о концессии д'Арси. Автор проекта, ссылаясь на кризис бакинской нефтяной промышленности и на «неудовлетворительность» Баку-Батумской железной дороги, предлагал построить керосинопровод через Персию или в дополнение к закавказскому, или в крайнем случае за счет закавказского, используя заготовленные для него материалы.⁴⁷ По предварительным подсчетам автора, оказывалось, что стоимость перевозки одного пуда керосина от Баку до ближайшего порта Индии, в случае если закавказский трубопровод будет действовать на всем протяжении, обойдется в 17 коп., а при помощи керосинопровода через Персию — не более 6 коп., т. е. в три раза дешевле. Постройка этого керосинопровода, по мнению автора, открывала огромные возможности для русской нефтяной промышленности на рынках Азии, где Россия могла бы «занять блистательное положение», совершенно не боясь американской конкуренции.⁴⁸

В проекте обращалось внимание на политическое значение персидской линии: «Прокладка и работа керосинопровода, — писал автор, — во всяком случае создаст в Персидском заливе реальные русские торговые интересы, игнорировать которые никакая держава не будет вправе..., а следовательно, и послужит к увеличению

⁴⁷ Автор проекта неизвестен, так как обнаруженный экземпляр проекта не подписан и даже не датирован, на нем имеется только отметка С. Ю. Витте: «Получено из Копенгагена 25 августа 1901 г.». Вероятнее всего, автором проекта опять-таки был С. Е. Палапковский. В пользу этого предположения говорит сохранившаяся в департаменте железнодорожных дел записка Палапковского о железнодорожном строительстве в Персии, подготовленная им в январе—марте 1902 г. и переданная в июле 1905 г. директору Департамента железнодорожных дел Э. К. Циглеру. Значительное место в ней уделено и строительству керосинопровода к Персидскому заливу. Сравнение этих двух документов дает основание предполагать, что они были составлены одним и тем же лицом (ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 880, л. 77—91).

⁴⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 13—16.

нашего влияния в Персии и на побережье Индийского океана». ⁴⁹

Николай II выразил свое отношение к проекту в довольно неопределенной резолюции. «Вопрос большой важности, о котором нужно серьезно подумать». ⁵⁰ Задачу «серьезно подумать» взял на себя С. Ю. Витте. Получив проект с царской резолюцией, Витте 22 сентября отправил копию его Ламздорфу с просьбой дать заключение, не встретится ли с политической точки зрения препятствий для переговоров с персидским правительством о передаче русскому Учетно-ссудному банку в Персии концессии на постройку нефтепровода и об отправке группы техников для необходимых изысканий. ⁵¹

По-видимому, почти одновременно Витте дал соответствующие указания в Тегеран, так как русский посланник Аргиропуло узнал о проекте раньше, чем получил официальное сообщение Ламздорфа, от управляющего Учетно-ссудным банком, который по предписанию министра финансов в сентябре 1901 г. начал переговоры о концессии с персидским премьер-министром.

Следует отметить, что русский посланник оказался противником проекта. В своих донесениях министру иностранных дел он репительливо доказывал невозможность осуществления концессии, ссылаясь на серьезные политические последствия, дороговизну и фантастичность связанного с большим риском строительства трубопровода, в будущем совершенно не обеспеченного, по его мнению, «от покушений любого добровольного или подкупленного злоумышленника, который в темную ночь и в глухом месте подложил бы под него небольшой динамитный или пороховой патрон». ⁵²

Однако возражения посланника не оказали влияния на ход дела и только вызвали упреки в его адрес со стороны Витте, который с раздражением писал Ламздорфу 10 (23) декабря 1901 г., что он находит «весьма важным» для русских интересов в Персии получение концессии на трубопровод и весьма сожалеет, что «подобного рода концессия без ведома нашего посланника была предо-

⁴⁹ Там же, л. 15 об.

⁵⁰ Там же, л. 13.

⁵¹ Там же, л. 17.

⁵² Там же, л. 49.

ставлена англичанам». «По-видимому, последние, — злоречиво пропизировал Витте, — добиваясь полученной ими не давно концессии на разработку нефтяных богатств Персии, не имели в виду высказываемых тайным советником Аргиропуло соображений и не опасались политических последствий проведения нефтепровода через Персию, ибо в противном случае они не добивались бы этой концессии и не получили бы ее».⁵³

Раздражение Витте было вызвано не столько позицией посланника, сколько неудачей русско-персидских переговоров о концессии, для которых, как и следовало ожидать, камнем преткновения оказался пункт шестой соглашения с д'Арси.

Персидский премьер категорически отказался уступить русским требованиям, ссылаясь на обязательства, данные английскому концессионеру. В свою очередь русская сторона продолжала добиваться концессии, используя с этой целью переговоры о 10-миллионном займе, начатые по инициативе персидского правительства в мае 1901 г.

Принципиальное согласие предоставить Персии просимый заем русское правительство дало только в сентябре 1901 г., выдвинув следующие требования: заключение торгового договора, устранение английского влияния на Монетный двор в Тегеране, выдача концессии на строительство колесной дороги от кавказской границы через Тавриз-Казвин до Тегерана и трубопровода к Персидскому заливу. Последнее, неуклонное, условие предстоящего займа поставило садра-азама в весьма трудное положение.

Персидскому правительству деньги нужны были «безотлагательно» для выдачи жалования войскам и чиновникам, для платежей по долгам и, наконец, для очередной поездки шаха в Европу, намечавшейся на лето 1902 г. Получить же русский заем теперь можно было, только нарушив условия уже подписанного соглашения с английским концессионером, что было чревато серьезными осложнениями с Англией. Правда, 30 октября (12 ноября) 1901 г. на условиях увольнения Маклина (англичанина, заведовавшего Монетным двором в Тегеране) и обязательства, что все таможенные сборы будут

⁵³ Витте — Ламздорфу, 10 (23) декабря 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 51.

поступать в Учетно-ссудный банк, русское правительство выдало шаху временную ссуду в размере 1 млн руб. Но это была всего лишь десятая часть необходимой суммы.

Финансовыми затруднениями персидского правительства поспешил воспользоваться английский посланник, пристально следивший за ходом русско-персидских переговоров о займе. В конце октября 1901 г. он сделал предложение садр-азаму о предоставлении долгосрочной ссуды в 500 тыс. фунтов стерлингов из 4% с условием погашения займа за счет доходов южных таможен. При этом персидскому премьер-министру была обещана взятка. Одновременно посланник прибег к явному паптакжу, угрожая в случае отказа установлением «непосредственных сношений Лондона с Петербургом, минуя Тегеран...», чтобы затормозить ратификацию (русско-персидского, — Б. А.) тарифного договора и заключение займа.⁵⁴

Помимо садр-азамы, предложение об английской ссуде было сделано Маззафар ад-Дину его врачом англичанином Адкоком. Несколько дней спустя, 4 (17) ноября 1901 г., Гардинг предпринял попытку воспользоваться посредничеством Науса, которого он просил убедить шаха вызвать его, Гардинга, и русского посланника и предложить им «снестись с правительствами относительно совместного заключения займа». Гардинг заявил Наусу, что «желает добиться инициативы шаха, чтобы достигнуть общих действий Англии и России в Персии».⁵⁵

Все эти попытки вклиниться в русско-персидские переговоры оказались неудачными. И Наус, и персидский премьер отклонили предложение английского посланника и поспешили сообщить обо всем русским. Со слов садр-азамы управляющий Учетно-ссудным банком в Тегеране Э. К. Грубе доносил в Петербург, что премьер убедил шаха отказаться от английских предложений, указав ему, что переход под контроль англичан южных таможен «может вызвать осложнения с Россией, которых именно

⁵⁴ Грубе — Плеске, 2 (15) ноября 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, л. 247, л. 18.

⁵⁵ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 156, л. 52; см. также: Бопларевский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX—начало XX в.). М., 1968, р. 461—462; Kazemzadeh F. Russia and Britain in Persia... , p. 365—368.

добивается английский посланник в Тегеране, стремящийся вынудить Россию к соглашению с Англией о сферах влияния, последствием которого было бы фактическое уничтожение власти шаха». ⁵⁶

Персидский премьер сообщил Грубе о притязаниях Гардинга, рассчитывая, по-видимому, на то, что в русском Министерстве финансов после этого пойдут на уступки и откажутся от намерения во что бы то ни стало получить концессию на строительство трубопровода. Но этот расчет пока что не оправдался. Витте по-прежнему продолжал настаивать на выполнении всех выдвинутых им условий займа.

В связи с этим Грубе получил через управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске категорическое указание, в котором говорилось, что «поставленные министром условия глубоко продуманы и он не намерен отступаться от них», а персидское правительство необходимо убедить «в непреклонности и основательности» русских требований. «Относительно керосинопровода, — писал в заключение Э. Д. Плеске, — имейте в виду, что мы не преследуем эксплуатацию нефтяных богатств Персии, а хотим открыть транзит нашему керосину к Персидскому заливу и что концессия может быть сохранена в тайне в течение одного года». ⁵⁷ Все это Грубе поспешил довести до сведения персидского премьер-министра.

5 (18) декабря садр-азам пригласил русского посланника и управляющего Учетно-ссудным банком на совещание, специально созванное для того, чтобы общими усилиями найти выход из создавшегося положения. С персидской стороны присутствовали Наус и министры иностранных дел. На совещании было решено запросить юридическую консультацию по двум вопросам: во-первых, возможна ли выдача концессии на трубопровод, если принять во внимание, что он будет использован только для транзитных, а не эксплуатационных целей, и, во-вторых, целесообразно ли провести трубы по территории Северной Персии, а через южные районы, где право прокладки трубопроводов принадлежало д'Арси, доставлять нефть другим способом.

⁵⁶ Грубе — Плеске, 2 (15) ноября 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 18.

⁵⁷ Плеске — Грубе, 5 (18) ноября 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 22.

В частности, Наус предлагал продолжить транспортировку нефти к заливу с помощью обычного канала в грунте.⁵⁸

В связи с решением совещания вопрос о концессии временно был отложен, а в конце декабря персидское правительство получило через Учетно-ссудный банк еще 1 млн руб. с условием, что он будет покрыт впоследствии за счет займа.

Прерванные переговоры возобновились только в январе 1902 г. после того, как русские юристы в Петербурге и бельгиец юрисконсульт при персидском Министерстве иностранных дел в Тегеране дали официальное заключение, что английская концессия не может служить препятствием для разрешения на строительство трубопровода.

К концу января в русско-персидских переговорах наместился явный сдвиг. 23 января (5 февраля) Грубе телеграфировал министру финансов, что садр-азам принял, наконец, русские требования, а через три дня стало известно о согласии шаха, «несмотря на сильное противодействие английского посланника», уступить концессию на керосинопровод, но с оговоркой, что в случае протеста со стороны д'Арси ответственность за нарушение условий английской концессии возьмет на себя русское правительство.⁵⁹

Таким образом, вопрос о керосинопроводе как будто принципиально был разрешен и оставалось только договориться о возмещении убытков английскому концессионеру. Однако как раз в этот момент в переговоры поспешило вмешаться английское правительство.

31 января (13 февраля) британский посол в Петербурге Чарльз Скотт вручил Ламздорфу памятную записку, в которой обращалось внимание русского правительства на то, что требуемая Учетно-ссудным банком концессия в случае ее осуществления нарушила бы права английского подданного, в подтверждение чего приводился текст шестого пункта заключенной концессии.⁶⁰ Одновременно англичане усилили давление на шаха, которому был заявлен решительный протест против выдачи русским концессии на трубопровод.

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 63.

⁵⁹ Грубе — Витте, 23 января (5 февраля) и 26 января (8 февраля) 1901 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 66 и 71.

⁶⁰ Ламздорф — Витте, 2 (15) февраля 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 77 и об.

Результаты британского вмешательства сказались быстро. 26 января (8 февраля) шах согласился на выдачу русским концессии, а уже 3 (16) февраля Аргиропуло доносил Ламздорфу, что персы «боятся не только денежных последствий, но и неудовольствия Англии», и садр-азам «настоятельно просил от имени шаха и по его поручению смягчить условия займа и отложить решение о трубопроводе на некоторое время». ⁶¹ Через несколько дней садр-азам снова обратился к посланнику, заявив, что если русские не откажутся от своих требований, то ему придется немедленно подать в отставку.

Между тем в Петербурге Министерство финансов продолжало готовить концессионный договор, как будто ничего не произошло. Заявление британского посланника, очевидно, не смутило Витте, который советовал Ламздорфу ответить Чарльзу Скотту, что концессия на трубопровод «испрашивается частным учреждением, Учетно-ссудным банком Персии, и потому русское правительство не в состоянии дать какие-либо точные объяснения по содержанию ее, по, насколько известно в Министерстве финансов, концессия эта, как относящаяся исключительно к ввозу и транзиту русской нефти, не может нарушить права д'Арси, который, по смыслу договора его с персидским правительством, получил монополию лишь по отношению к туземной нефти». ⁶²

После предварительного обсуждения проекта соглашения с персидским правительством на совещании в Министерстве финансов 4 февраля окончательно было решено строить трубопровод только для перекачки керосина с тем, чтобы оставить переработку нефти «в русских руках». Совещание пришло к заключению, что при условии заказов в России можно было бы в течение четырех лет построить керосинопровод с пропускной способностью в 60 млн пудов керосина в год. По подсчетам Э. К. Циллера, стоимость всего предприятия при направлении в Бушир обошлась бы в 80 млн руб., а к Индийскому океану — в 110 млн руб.; на погашение всей суммы понадобился бы 20-летний срок. ⁶³

⁶¹ Аргиропуло — Ламздорфу, 3 (16) февраля 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 106.

⁶² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 106.

⁶³ Там же, л. 98—101.

Уже черновые подсчеты доходов от эксплуатации керосинопровода сулили огромные выгоды. Если бы трубопровод был проведен до Бушира и работал в первые годы даже с неполной нагрузкой (с пропускной способностью 30—40 млн пуд. в год), то и тогда он удешевил бы доставку керосина на Дальний Восток на 14.5—20 коп. с пуда по сравнению со стоимостью перевозки морем через Суэцкий канал. «Сооружение трубопровода, — указывал Э. К. Циглер, — значительно удешевит цену на наш керосин и таким образом даст нам крупное преимущество в конкуренции с Америкой», а «удешевление продукта сильно разовьет потребление его как на Дальнем Востоке, так отчасти и в самой Персии».⁶⁴

Хотя русское правительство добивалось концессии весьма упорно, оно не рассчитывало начать строительство керосинопровода в ближайшее время. Это очевидно из текста самого проекта соглашения, разработка которого в Министерстве финансов была закончена к середине февраля 1902 г. О сроках строительства в проекте говорилось, что Учетно-ссудный банк будет хранить в тайне концессию и не приступит к работам в течение двух лет. Через два года он заявит персидскому правительству, намерен он осуществить концессию или нет. Приступить к строительству трубопровода банк обязывался не позднее трех лет со дня этого заявления, а закончить его — не позднее чем через 15 лет после отвода необходимых для строительства земель.

К этому надо прибавить, что проект концессии носил довольно общий характер и даже не устанавливал точного направления будущего трубопровода: вопрос о том, будет ли он проведен до Индийского океана или к Персидскому заливу, оставался открытым. Тем не менее проект был одобрен министром финансов 16 (29) февраля 1902 г. и на следующий же день отправлен в Тегеран Грубе для предъявления садр-азаму.⁶⁵

Проект был отправлен в Тегеран в момент, когда оставалось уже мало надежды на успех, хотя русские представители в Тегеране прилагали все усилия к тому, чтобы получить концессию. Еще 12 (25) февраля Грубе телеграфировал в Петербург, сообщая, что «английский концес-

⁶⁴ Там же, л. 98.

⁶⁵ Там же, л. 127—130 об.

сионер южного трубопровода +⁶⁶ дал до 50 тыс. туманов, получив концессию», и просил у Витте разрешения «обещать подобное же вознаграждение», если требуемая концессия будет дана.⁶⁷ Витте немедленно ответил: «Можете обещать 50 тысяч туманов».⁶⁸

Однако персидское правительство становилось все менее податливым. 13 (26) февраля, т. е. за три дня до отправки в Тегеран проекта концессионного соглашения, садр-азам получил обнадеживающее сообщение от своего посланника в Петербурге, что заем состоится без условий о трубопроводе.⁶⁹ Где почерпнул эти сведения персидский посланник, сказать трудно. Едва ли он мог их получить из Министерства финансов. Вероятнее всего, они исходили из Министерства иностранных дел, так как русский министр иностранных дел в середине февраля, по-видимому, уже решил отказаться от поддержки затеи с персидским трубопроводом. В письме от 15 (28) февраля 1902 г. на имя Витте Ламздорф изложил (правда, в довольно туманной форме) свою точку зрения на этот счет. Начав с того, что он считает нужным продолжать переговоры с персидским правительством и что с политической точки зрения неудобно отступать от поставленных условий, особенно «ввиду вмешательства в дело со стороны великобританского правительства», Ламздорф в заключение писал, что следует все-таки «иметь в виду вероятность согласия нашего на смягчение некоторых условий займа и даже на обмен вышеупомянутой концессии впоследствии на какие-либо другие условия».⁷⁰

В Тегеран тем не менее по линии Министерства иностранных дел никаких новых инструкций отправлено не было, и переговоры продолжались до 20-х чисел февраля, когда вдруг стало неожиданно известно, что персидское правительство ведет секретные переговоры о займе у английского концессионера.

20 февраля (5 марта) Грубе и посланник одновременно сообщили в Петербург, что д'Арси сделал шагу через его

⁶⁶ Знак поставлен вместо неразобранного шифра.

⁶⁷ Грубе — Витте, 12 (25) февраля 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 114.

⁶⁸ Там же, л. 115.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 125 а.

⁷⁰ Ламздорф — Витте, 15 (28) февраля 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 124.

приближенных предложение о ссуде в 200 тыс. фунтов стерлингов (21 февраля (6 марта) Грубе телеграфировал дополнительно, что не 200, а 300 тыс.) из 5%. При этом Грубе высказал предположение, что д'Арси просто «является в данном случае подставным лицом».⁷¹ Оказалось, что персидское правительство уже давно вело секретные переговоры о ссуде у д'Арси, а шах, только и мечтавший о своем новом путешествии в Европу, стремился как можно скорее получить ее. Эти новые сообщения и решили исход дела: русское правительство было вынуждено отказаться от концессии на строительство трубопровода.⁷²

2 (15) марта 1902 г. персидскому правительству была выдана ссуда в 1 млн руб. в счет будущего займа, а 22 марта (4 апреля) был выпущен и 10-миллионный заем на условиях, аналогичных условиям займа 1900 г. (на 75 лет из 5%, с уплатой процентов и погашений по полугодиям).

Оба русских долгосрочных займа — 1900 и 1902 гг. — не были выпущены на денежный рынок, а размещались через государственные учреждения и среди лиц, близких к императорской фамилии. При их реализации как в первом, так и во втором случае была отпечатана и сдана в Государственный банк одна облигация на всю сумму займа. Поскольку займы реализовывались по частям, облигации были заложены на переходные ценности Отделения вкладов на хранение Петербургской конторы банка, которая выдавала членам императорской фамилии, а также фонду сберегательных касс, державшим значительную

⁷¹ Грубе — Витте, 20 февраля (5 марта) и 21 февраля (6 марта). ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 247, л. 136, 138.

⁷² Вопрос о строительстве керосинопровода снова всплыл в русском Министерстве финансов в 1906 г. Н. А. Нотович в июне 1906 г. представил В. Н. Коковцову проект устройства в Персии новых шоссеиных дорог, автомобильного движения и проведения нефтепровода к Персидскому заливу. При этом Нотович утверждал, что им образована для финансирования работ группа во главе с одним из парижских банков. Проект Нотовича по предложению Министерства иностранных дел был отклонен до завершения уже начавшихся тогда переговоров с Англией. После подписания англо-русского соглашения в сентябре 1907 г. Н. А. Нотович приехал в Тегеран, но занялся там финансовыми делами и повел переговоры с персидским правительством об учреждении в Персии русского торгово-промышленного банка (ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 882, л. 132—133; д. 883, л. 68; ф. 560, оп. 28, д. 374, л. 29—30).

Таблица 1

Размещение персидского золотого 5-процентного займа 1900 г.^а

На 1900 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Кабинет е. и. величества	11000000	Кабинет е. и. величества	11000000
Фонд сберегательных касс	7885700	Фонд сберегательных касс	11381800
Вел. кн. Владимир Александрович	2297900	Вел. кн. Владимир Александрович	21900
Вел. кн. Андрей Владимирович	870100	Вел. кн. Кирилл Владимирович	96300
Вел. кн. Кирилл Владимирович	446300		
Итого	22500000	Итого	22500000

Таблица 2

Размещение персидского золотого 5-процентного займа 1902 г.^а

На 1902 г.		На январь 1913 г.	
держатели	сумма (в руб.)	держатели	сумма (в руб.)
Фонд сберегательных касс	8695200	Фонд сберегательных касс	8535074.58
Главное управление уделов	1104800	Вел. кн. Елена Владимировна	1387945.42
Вел. кн. Владимир Александрович	200000	Принц А. П. Ольденбургский: майоратный капитал	33380
		аничковский приданный	32300
			11300
Итого	10000000	Итого	10000000

^а ЦГИА СССР, ф. 588, оп. 2, д. 118, л. 13 и 341.

часть займов, особые удостоверения. Как были размещены займы 1900 и 1902 гг., показывают табл. 1 и 2.

Крупные финансовые операции Учетно-ссудного банка Персии в 1900—1902 гг. не только способствовали увеличению его влияния в Персии, но и значительно усилили там экономические и политические позиции России. В результате этих операций персидское правительство, взявшее на себя обязательство ликвидировать свои долги в Англии, превратилось в должника России. Царское правительство получило в свои руки фактический контроль над северными таможенными странами. По требованию русской стороны персидское правительство согласилось уволить заведовавшего Монетным двором в Тегеране англичанина Маклина, заменив его бельгийцем, и предоставило Учетно-ссудному банку право чеканки монеты наряду с Имперским банком. Учетно-ссудный банк Персии, кроме того, получил концессию на строительство колесной дороги Казвин—Тавриз—Тегеран. И, наконец, в довершение всего состоялось подписание в конце 1901 г. торгового соглашения, открывшего более благоприятные возможности для развития русско-персидского товарооборота.

Как известно, русские торговые отношения с Персией до 1901 г. юридически регулировались ст. 3-й Особого акта Туркманчайского договора 1828 г., предусматривавшей 5-процентную систему обложения *ad valorem* как русских, так и персидских товаров. Эта система взимания таможенных пошлин давала большие преимущества торговым соперникам России в Персии, пользовавшимся правами наибольшего благоприятствования. Товары этих стран, и в частности Англии, облагались при ввозе в Персию обычной 5-процентной пошлиной, в то время как персидские товары почти на всех рынках, кроме русского, облагались зачастую более высокими пошлинами, что было невыгодно для самой Персии и в известной мере для России, так как ее торговые конкуренты пользовались теми же преимуществами, что и она, но зато не были связаны соответствующими обязательствами с Персией.

Заинтересованное в пересмотре системы таможенного обложения, персидское правительство обратилось через Русское посольство в Тегеране с просьбой о пересмотре ст. 3-й Особого акта Туркманчайского трактата. Начавшиеся в связи с этим в 1900 г. переговоры в Тегеране

между представителем русского Министерства финансов В. Я. Голубевым и Наусом затянулись до ноября 1901 г., когда после длительного обсуждения был выработан наконец текст торгового соглашения, подписанный обеими сторонами 27 октября (9 ноября) 1901 г.⁷³

Новое соглашение не только отменяло ст. 3-ю Особого акта Туркманчайского договора и принцип обложения, но и предусматривало коренную перестройку всей таможенной системы Персии. Персидское правительство обязывалось отменить откупную систему взимания таможенных пошлин, упорядочить управление таможнями, выработать единый таможенный устав и упразднить всякого рода таможенные сборы внутри страны. Что же касается системы *ad valorem*, то вместо нее были введены новые тарифы: «А», «Б» и «С». Тариф «А» устанавливал таможенное обложение товаров при ввозе их в Персию, тариф «Б» — при вывозе из Персии в Россию и, наконец, тариф «С» — размеры персидских экспортных пошлин. Согласно новым тарифам, для каждой статьи ввоза устанавливалось специальное таможенное обложение. Соглашение 1901 г. создавало огромные преимущества для русской торговли в Персии. Из 30 видов русских товаров, вывозившихся в Персию и составлявших 9/10 русского экспорта, 8 видов товаров вовсе были изъяты из обложения, а 11 облагались совсем незначительной пошлиной по специальному тарифу — в один кран.⁷⁴

На все основные статьи русского вывоза, как правило, были установлены пошлины меньше 5-процентной. Так, например, сахар, составлявший в денежном выражении третью часть ценности русского вывоза, вместо 5-процентной облагался пошлиной в размере 3.4%. Бумажные ткани — столь же важная статья русского вывоза — облагались по новому тарифу пошлиной в размере 3.7%,

⁷³ Декларация об изменении ст. 3-й дополнительного к Туркманчайскому договору 1828 г. Акта, заключенная с Россией и Персией 27 октября 1901 г. — Сборник торговых договоров и других вытекающих из них соглашений, заключенных между Россией и иностранными государствами. Пгр., 1915, с. 442—481.

⁷⁴ См.: Зопненштраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, с. 184. — Некоторое представление о характере русско-персидского торгового соглашения даст работа Н. Н. Бобынина (Персия, ее экономическое положение и внешняя торговля. 1901—1923. Тифлис, 1923, с. 525—532).

заметно была снижена пошлина на нефтяные продукты. Снижению пошлин на нефтепродукты придавалось особое значение. В. Я. Голубев еще в период подготовки соглашения доносил в Петербург, что вопросу об обложении нефтяных продуктов он уделяет очень много внимания. «По интересу для нашего экспорта, — сообщал Голубев, — нефть и нефтяные продукты стоят почти что в первой очереди... Переговоры по этому предмету ввоза и по вопросу его обложения были очень затруднительны, и на них потрачена была масса труда. К великому удовольствию г. Науса мне удалось достигнуть установления пошлин в чрезвычайно невероятно низких размерах».⁷⁵

Одновременно новое торговое соглашение предусматривало повышение пошлин на целый ряд товаров, во ввозе которых Россия не была заинтересована, для того чтобы персидское Министерство таможен легко могло бы покрыть недобор на русско-персидской границе за счет торговых конкурентов России и в первую очередь Англии в других таможенных странах.

Исключительные права, которые Россия получила по условиям соглашения 1901 г., гарантировались специальным секретным актом, запрещавшим персидскому правительству устанавливать на какой-либо границе более льготный тариф, чем тот, который устанавливался вдоль русско-персидской границы, и заключать без согласия России какие-либо международные договоры, противоречащие соглашению 1901 г.

Переговоры о русско-персидской декларации держались в строжайшем секрете. Тем не менее английская миссия в Тегеране имела, хотя, по-видимому, и не совсем точные, сведения о характере этих переговоров. Предвидя угрозу, которую может представлять для английских торговых интересов новое русско-персидское соглашение, англичане делали все возможное, чтобы сорвать переговоры. Русский посланник в Тегеране сообщал в сентябре 1901 г. в Петербург, что «Гардинг старается повлиять на шаха всеми способами» и прилагает «все усилия, доходящие до угроз, чтобы помешать успеху наших переговоров».⁷⁶ В ход были пущены все обычные в таких слу-

⁷⁵ Зонненштраль-Писковский А. А. Международные торговые договоры Персии, с. 181.

⁷⁶ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 957, л. 34.

чаях приемы, а Наусу даже предлагали крупную взятку только за то, чтобы он сообщил британской миссии некоторые документы о ходе переговоров.⁷⁷ Несмотря на противодействие британской дипломатии, соглашение было подписано, и после обмена ратификационными грамотами в декабре 1902 г. был установлен срок вступления его в силу — 1 февраля 1903 г.

В итоге экономического соперничества с Англией в 1898—1902 гг. царизм добился преимуществ как в сфере финансовой, поставив в результате двух займов — 1900 и 1902 гг. — под контроль всю финансовую систему Персии, так и в сфере торговой, подписав исключительно выгодное для России торговое соглашение, которое после вступления в действие в 1903 г. широко открыло России возможности для завоевания персидского рынка.

Эти преимущества, укрепившие положение России в Северной Персии и ее политическое влияние в Тегеране, создали условия для дальнейшего продвижения России на юг страны. Все это не могло не отразиться на дальнейшей дипломатической борьбе Англии и России вокруг персидского вопроса, ибо, с одной стороны, эти преимущества укрепляли уверенность царизма в своих силах и в намерениях никоим образом не соглашаться на раздел Персии на сферы влияния, а с другой — вызывали серьезное беспокойство английской дипломатии и стимулировали ее стремление любыми средствами добиться раздела Персии и остановить экономическое наступление России к Персидскому заливу.

Экономическая политика самодержавия
и реорганизация Учетно-судного банка Персии в 1903 г.
Развитие торговых операций банка.
Роль банка в дорожном строительстве и организации
страховых и транспортных обществ

В начале 1903 г. в Персию прибыло специальное посольство из Лондона, возглавляемое лордом Дауном, для вручения шаху ордена Подвязки. Приезд английского посольства в Тегеран совпал со вступлением в силу после ратификации шахом русско-персидского торгового согла-

⁷⁷ Зонпештраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии, с. 186.

шения. Английский посланник в Тегеране Артур Гардинг, утверждавший до приезда посольства, что Англия не признает новый тариф, во время первой же аудиенции лорда Дауна у шаха заявил, что английское правительство, «желая избавить Персию от серьезных затруднений», согласно признать русско-персидское соглашение при условии, что персидское правительство заключит подобное же соглашение и с Англией, обеспечив ей те же преимущества, что и России.⁷⁸ Неожидаанное изменение поведения Гардинга можно было объяснить только тем, что лорд Даун привез ему новые инструкции из Лондона, в соответствии с которыми он теперь и действовал.

Персидский премьер-министр (атабек-азам) сразу же сообщил о новых условиях Гардинга русскому посланнику, а тот в свою очередь запросил Петербург. Прошло шесть дней, а ответа из Петербурга все еще не было. Атабек-азам дипломатично заболел, чтобы не встречаться с Гардингом, которому он, разумеется, не мог признаться в том, что ждет получения русским посланником инструкций из Петербурга.⁷⁹

Тут-то и обнаружились подлинные цели приезда в Тегеран лорда Дауна, который вместе с Гардингом начал настаивать на немедленном подписании англо-персидской торговой декларации, ссылаясь на то, что он должен привезти в Англию текст уже подписанного соглашения.⁸⁰ 27 января (9 февраля) Гардинг потребовал подписания декларации в ультимативной форме. Не дождавшись ответа из Петербурга, после долгих колебаний шах уступил.

Англо-персидская торговая декларация 27 января (9 февраля) 1903 г. почти во всех своих пунктах повторяла русско-персидское соглашение. Подписав декларацию, Англия формально не добилаь ничего сверх того, что она и так получала по праву наибольшего благоприятствования. По существу же значение нового соглашения для Англии сводилось к тому, что теперь она становилась как бы третьим участником русско-персидского торгового соглашения и, стало быть, отныне всякий пересмотр тор-

⁷⁸ Грубе — Витте, 12 (25) февраля 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 28, л. 34—35.

⁷⁹ Там же, л. 37.

⁸⁰ Там же.

говых тарифов был бы просто невозможен без ее участия. Именно поэтому, подписав новый тариф, Англия, как это ни казалось парадоксальным, сразу же после его ратификации начала агитацию за пересмотр нового соглашения.

В мае 1903 г. русский агент Министерства финансов Э. К. Грубе сообщал Витте, что из Кербелы поступают многочисленные письма от «главных духовных лиц не только Тегерана, но и провинциальных городов», «полные угроз», с требованием отмены нового тарифа и что премьер-министр «по слогу и содержанию этих писем... подозревает» в них «перевод с английского оригинала».⁸¹ Однако все попытки англичан добиться пересмотра тарифов, установленных русско-персидским соглашением, ни к чему не привели; в 1903 г. оно вступило в силу и начало действовать. Подписание же англо-персидской декларации не отразилось на преимуществах, приобретенных Россией по соглашению 1901 г., и практически не оказало никакого влияния на русско-персидскую торговлю.

За короткий срок после 1900 г. экономическое влияние России в Персии возросло настолько, что в русском Министерстве иностранных дел в 1903 г. снова был возбужден вопрос о дальнейшем направлении там русской торговли и финансовой политики. Вопрос этот возник в связи с очередным финансовым кризисом персидского правительства.

Почти в самом начале 1903 г. стало очевидно, что переговоры о новом займе в России не за горами. Несмотря на то что со времени последнего 10-миллионного русского займа прошло только несколько месяцев и за этот срок персидское правительство успело получить краткосрочную ссуду у персидских купцов и в Шахипшахском банке, Персия была снова накануне финансового банкротства. 1902-й финансовый год окончился для персидского казначейства с дефицитом в 3 млн руб. (1775 тыс. туманов), а так как «финансовая смета текущего (1903-го, — Б. А.) года осталась неизменной», то к концу его дефицит дол-

⁸¹ Грубе — Витте, 16 (29) мая 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 28, л. 67. — О попытках англичан «вызвать беспорядки на тарифной почве в Исфагане, Тегеране» и других городах доносил в Петербург также начальник штаба Кавказского военного округа полковник Черпозубов (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 28, л. 58).

жен был увеличиться по крайней мере вдвое и тем самым достичь огромной цифры в 6 млн руб.⁸²

Все это прекрасно знали в русском Министерстве иностранных дел, там со дня на день ожидали, что Персия обратится с просьбой о займе, и обдумывали пока вопрос о том, какими экономическими и политическими условиями обставить новый заем.

В связи с создавшимся положением русский посол в Тегеране П. М. Власов представил министру внутренних дел В. Н. Ламздорфу свою программу действий. Исходя из необходимости придерживаться «в сношениях с шахом и его правительством строгой корректности», Власов предлагал продолжать «настойчиво развивать» русские «торговые операции в Персии путем установления покровительственных пошлин, выдачи субсидий, улучшения условий перевозки». Он считал возможным отказаться «от требований дальнейших обязательств от Персии, осуществить на деле приобретаемые концессии и открыть шахскому правительству текущий счет в Учетно-ссудном банке».⁸³

Николай II, которому Ламздорф представил депешу Власова, высказался в пользу этого предложения.⁸⁴

Основная мысль программы, утвержденной теперь Николаем II, не была новой, тем более для Витте, который после 1895 г., т. е. со времени провозглашения политики экономического соперничества с Англией в Персии, выступал инициатором почти всех крупных мероприятий, имевших целью укрепление экономического влияния в Персии, а теперь, в апреле 1903 г., как нечто новое получил от Ламздорфа «программу», составленную в Министерстве иностранных дел и одобренную царем. Естественно, что такой образ действия министра иностранных дел вызвал у Витте раздражение. Он и ответил Ламздорфу, что общее направление русской экономической политики в Персии было выработано «задолго до приезда» посланника в Тегеран.⁸⁵ В подтверждение этого

⁸² Власов — Ламздорфу, 2 (15) мая 1908 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 3 об.

⁸³ Ламздорф — Витте, 17 (30) апреля 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 147—148.

⁸⁴ Там же, л. 148.

⁸⁵ Витте — Ламздорфу, 24 апреля (7 мая) 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 162.

Витте назвал Ламздорфу целый перечень «мероприятий», проведенных Министерством финансов за последние два года в целях укрепления экономических позиций России в Персии.⁸⁶ Предложение же посланника об открытии шаху текущего счета в Учетно-ссудном банке Витте вообще отверг, объяснив, что текущий счет может быть открыт лишь при наличии вклада, который клиент имеет в банке, а так как шахская казна «страдает хроническим безденежьем» и не располагает средствами для образования текущего счета, речь может идти только о займе, который он готов предоставить на сумму в 2 млн туманов при наличии соответствующей гарантии.

Обмен мнениями между Ламздорфом и Витте по существу не вскрыл разногласий между двумя министрами, а обнаружившаяся общность взглядов дает основание предполагать, что «мероприятия» Витте и «программа» посланника, утвержденная Николаем II, послужили основой той политики, которой царизм придерживался в Персии начиная с 1903 г. и которая позднее в русском Министерстве финансов получила название политики «капиталистического завоевания» Персии.⁸⁷

Экономическая политика самодержавия в отношении Персии после 1903 г. по существу мало отличалась от политики, провозглашенной в 1895 г. Разница состояла лишь в том, что теперь речь шла об экономической экспансии в более широких размерах и за счет привлечения в большом количестве государственных капиталов. Возможности же для этого открылись как в связи с теми изменениями, которые произошли во внутреннем экономическом положении России к 1903 г., так и в связи с успехами, достигнутыми царизмом на Среднем Востоке к этому времени.

⁸⁶ Там же, л. 162. — Витте назвал шесть таких мероприятий: 1) увеличение капитала Учетно-ссудного банка и открытие отделений банка в Тавризе, Реште, Мешхеде и агентств в Энзели, Баку, Москве; 2) подписание торгового договора с Персией; 3) переход в ведение чиновников Министерства финансов управления обществом Энзели-Тегеранской дороги; 4) авансирование Учетно-ссудным банком строительства дороги Казвин—Хамадан; 5) приобретение этим же Банком концессии на строительство дороги от кавказской границы через Тавриз—Казвин и 6) приобретение Учетно-ссудным банком транспортного общества Л. С. Полякова.

⁸⁷ Журнал заседания Комитета финансов, 18 ноября (1 декабря) 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 583, оп. 19, д. 65, л. 9—10.

Что касается общего экономического состояния России, то оно после особенно мрачных кризисных 1901—1902 гг. несколько улучшилось в 1903 г. Финансовое же положение царизма в результате двух крупных внешних займов, сделанных в Европе — во Франции в 1901 г. (на сумму 159 млн руб.) и в Германии в 1902 г. (на сумму в 181 259 тыс. руб.), — значительно упрочилось.

С другой стороны, к началу 1903 г. можно было уже говорить и о несомненных успехах политики экономического соперничества с Англией в Персии. Результаты были налицо не только в сфере финансовой, в которой Россия добилась почти монопольного права кредитовать шаха, заставив его оплатить все долги по английским займам и дать обязательство делать долгосрочные займы только в России, но и в сфере торговой. Россия к началу XX в. окончательно обгоняет Англию в общем торговом обороте с Персией и занимает прочные позиции на рынках наиболее развитых в экономическом отношении частях — северной и центральной — страны. Россия становится основным поставщиком таких товаров, как сахар, керосин, железо, строительные материалы, спички и т. д.

Таковы были условия, сделавшие возможной политику «капиталистического завоевания» Персии. Естественно, что в проведении этой политики решающая роль была отведена Учетно-ссудному банку Персии, подвергнутому в 1903 г. в связи с поставленными перед ним новыми задачами значительным преобразованиям, в результате которых начиная с 1903 г. его операции как в области торговой, так и в области вывоза капиталов приняли еще более широкий размах.

В феврале 1903 г. Комитет финансов принял решение о реорганизации Учетно-ссудного банка Персии. В целях расширения деятельности банка и принимая во внимание, что долгосрочный характер большинства его операций обременителен для Государственного банка, Комитет финансов постановил прежде всего перевести Учетно-ссудный банк Персии в собственность казны с возмещением Государственному банку из Государственного казначейства сумм, затраченных им на приобретение предприятия и выпуск акций.⁸⁸

⁸⁸ Журнал Комитета финансов, 20 февраля (5 марта) 1903 г. ЦГАИ СССР, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 39.

По решению Комитета финансов Учетно-ссудный банк образовал самостоятельный капитал путем а) «полной оплаты акций первого выпуска на 5 млн франков нарицательных в размере оставшихся неоплаченными 2 млн франков = 750 тыс. руб.» и б) нового выпуска акций на нарицательный капитал в 26 660 тыс. франков = 10 млн руб. Новый выпуск акций, как и акции, принадлежавшие прежде Государственному банку, был зачислен в портфель ценных бумаг Государственного казначейства, поскольку Комитет финансов признал «нежелательной» публичную подписку, которая открывала бы доступ «частным лицам, как русским подданным, так и иностранцам», к участию в предприятии, «имеющем государственное значение».⁸⁹ Как уже говорилось выше, с 1894 г. и до момента перехода в казну Учетно-ссудный банк фактически принадлежал Государственному банку, который являлся почти единственным источником его кредитования, так как вклады частных лиц в Учетно-ссудный банк составляли незначительную сумму:⁹⁰

	Вклады частных лиц в Учетно-ссудном банке (в тыс. руб.)	Средняя задолженность Учетно-ссудного банка Государственному банку (в тыс. руб.)
1896 г.	77	1032
1897 г.	73	1409
1898 г.	107	1517
1899 г.	109	2914
1900 г.	163	3294
1901 г.	178	4020
1 ноября		
1902 г.	1085	12407

В Государственном банке с 1903 г. Учетно-ссудному банку Персии открывался кредит в размере 10 млн руб. Для возмещения Государственному казначейству расходов на усиление средств Учетно-ссудного банка Персии Комитет финансов предоставил министру финансов право выпуска одной серии государственной 4-процентной ренты на нарицательный капитал 10 млн руб. Непокрытую же реализацией 4-процентной ренты часть расходов решено

⁸⁹ Там же.

⁹⁰ Там же, д. 421, л. 2—3.

было отнестись «на свободную паличность Государственного казначейства с показанием ее сверхсметным чрезвычайным расходом по росписи на 1903 г.». ⁹¹

Все эти мероприятия, проводившиеся за счет казны и направленные на расширение сферы влияния Учетно-ссудного банка, преследовали в первую очередь цели политического характера. ⁹² Так именно и формулировались задачи банка в отчете за 1903 г., предоставленном министром финансов в Комитет финансов в апреле 1905 г. «Всемирно содействуя вывозу русских товаров в Персию, — говорилось в отчете, — Ссудный банк Персии своей умелой деятельностью в значительной степени способствует мирному завоеванию рынков шахских владений; но этой стороной еще не исчерпывается его политическое значение, зачастую это предприятие является прямым политическим орудием в руках императорского правительства, и по настоянию министра иностранных дел на банк возлагаются поручения прямо убыточные в смысле коммерческих операций, с чем надо считаться при оценке финансовых результатов деятельности банка». ⁹³

✱

В итоге проведенных реформ Учетно-ссудный банк действительно превратился в орудие экономической политики паризма в Персии. С 1903 г. банк сосредоточил в своих руках все операции, связанные с вывозом и продажей в Персии русских товаров, выступая преимущественно в качестве посредника между русскими фабрикантами и персидскими купцами — клиентами банка. При этом управление банка, увлеченное предоставленными банку возможностями, стремясь «поработать на себя», в некоторых случаях вступало на путь конкуренции с отечественными торговыми фирмами.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 421, л. 9.

⁹² Справка о капитальных затратах Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 51. — Общие затраты Государственного казначейства на Учетно-ссудный банк составили на 16 февраля 1904 г. 16,6 млн руб. (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 1 об.).

⁹³ Журнал Комитета финансов, 20 апреля (3 мая) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 43.

Так, в январе 1903 г. правление товариществ мануфактур «Эмиль Циндель», Ясюнинских, Барановых, открывшие в Тегеране еще в 1901 г. «на компанейских началах» торговые склады, обратились к Витте с жалобой на конкуренцию со стороны банка, который не только лишил эти торговые предприятия возможности пользоваться льготным кредитом и неофициально предложил им ликвидировать свое дело, но и распространил среди персидского купечества слухи об их якобы несостоятельности и в конце концов вынудил закрыть склады.⁹⁴ Разумеется, такая деятельность банка шла вразрез с интересами Министерства финансов, и Витте распорядился «строго внушить» Грубе, что «банк должен содействовать самостоятельности торговцев, а никак не заводить с ними конкуренцию».⁹⁵

Тем не менее самый факт такой конкуренции свидетельствовал о размахе торговых операций банка, претендовавшего на абсолютную монополию в персидской торговле.⁹⁶ Это подтверждается и стоимостью товарных заказов банка, возросшей с 900 тыс. руб. в 1901 г. до 7141 тыс. руб. в 1903 г.⁹⁷ В результате торговой деятельности банка, в частности после открытия на тегеранском рынке его специального отделения, русские товары за-

⁹⁴ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 2, д. 1373, л. 1—2; оп. 10, д. 215, л. 52; Лаверычев В. Я. К вопросу об особенностях экспорта ткапей из России в конце XIX—начале XX века. — Вестник Московского университета, серия IX, история, 1965, № 6, с. 62—63. — Как показал В. Я. Лаверычев, от «песумелых действий и близоруккой политики Учетно-ссудного банка Персии» пострадали также товарищества Прохоровской трехгорной мануфактуры и С. Морозова, открывшие свои торговые склады в Ширазе и Исфагани. В декабре 1906 г. в своем письме в Московский биржевой комитет директор Товарищества Трехгорной мануфактуры Н. И. Прохоров «резко критиковал» политику царского правительства в отношении Персии и «довольно прозрачно намекал на бесполезность попыток утвердиться в южной части страны, где трудно бороться с английским влиянием». «В силу географического положения, — писал он, — северная граница Персии представляет все преимущества для правильного развития прочих торговых отношений России с Персией, и все заботы правительства должны быть обращены на использование этого преимущественного положения» (там же, с. 63).

⁹⁵ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 2, д. 1373, л. 1—2.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Журнал Комитета финансов, 20 апреля (3 мая) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

пяти преобладающее положение на рынках Северной и Центральной Персии и почти вытеснили товары других стран с тегеранского рынка. В отчете банка за 1903 г. сообщалось, что с тегеранского рынка исчезла «английская бумажная мануфактура и дала место русской; хорошее бомбейское стекло уступило плохому бекуновскому; дешевый ламповый товар Кокорева, Корженковых, Фикерт и др. фирм вытеснил изящный венский и стамбульский; дешевые памфиловские стаканы теснят превосходные бакара; посуда Кузнецова и других фабрик успешно конкурирует с французской и бомбейской; французского сахара уже нет больше на базаре, его заменил русский; кожаная обувь бомбейских, лондонских и французских фирм замещается русской».⁹⁸

На 1903 г. Учетно-ссудный банк заключил соглашения с целым рядом астраханских, тульских, московских, ростовских, нижегородских, варшавских, лодзинских, екатеринославских фабрикантов. Одновременно он выступал посредником в торговых операциях по сбыту в Персии продукции таких московских фирм, как А. Баранова, А. Гюбнера, Ю. Ю. Гейнца, М. С. Кузнецова, а также Саввы Морозова, А. И. Манташева и др.

С целью распространения русских товаров в южных и юго-восточных районах Персии Учетно-ссудный банк в апреле 1903 г. отправил на свои средства караван русских товаров — главным образом мануфактуры, сахара, керосина — из Мешхеда в отдаленные районы Сеистана, к индийской границе. Экспедиция, несмотря на противо-

⁹⁸ Докладная записка помощника бухгалтера банка Б. Атаманова Э. К. Грубе, 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 248, л. 12—13. — Атаманов, по-видимому, преувеличивает низкое качество русских товаров. Английский торговый агент в Персии Маклин писал в том же 1904 г. о русских товарах в Персии нечто прямо противоположное. «...фаянсовые изделия, — писал Маклин, — конкурируют с импортом других стран не только в цене, но и по виду и по качеству; изделия из стекла успешно конкурируют с французскими и богемскими изделиями того же класса; металлические изделия — лампы, подсвечники, эмалированные изделия — лучше по качеству и дешевле, чем обычно» (Blue Book. Trade with Persia. Report on the Condition and Prospects of British Trade in Persia, by H. W. Maclean, special Commissioner of the Commercial intelligence committee of the Board of Trade. London, 1904, p. 7). См.: Доклад генерального консула в Хорасане, 31 мая (13 июня) 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 85.

действие английского консульства в Мешхеде, пытавшиеся скупить всех верблюдов, чтобы сорвать отправку каравана, в начале июня 1903 г. прибыла в Хуссейнабад и открыла торговые операции. Торговля в Сеистане «шла чрезвычайно бойко», и вся партия товаров была распродана в течение каких-нибудь двух недель.⁹⁹

В сентябре 1903 г. в Сеистан была отправлена вторая партия товаров, в Хуссейнабаде открылся постоянный русский магазин; туда же был командирован для ведения банковых и торговых операций специальный агент Учетно-ссудного банка.¹⁰⁰

По инициативе русского консула в Сеистане Миллера, поддержанной в Министерстве иностранных дел и, в частности, самим Ламздорфом, придававшим большое «значение вытеснению английских товаров из Сеистана», было принято решение в целях укрепления торговых связей с этим районом Персии организовать и вывоз оттуда сырья.¹⁰¹ В связи с этим Мешхедское отделение Учетно-ссудного банка заключило соглашение с московской фирмой «Стукен и К^о» относительно закупки в Сеистане шерсти. Кроме того, банк принял меры к тому, чтобы пшеница, служившая основным предметом вывоза из Сеистана в Индию, ввозилась во внутренние районы Персии, прежде всего в соседнюю с ней Хорасанскую провинцию.¹⁰²

Несмотря на убыточность торговых операций в Сеистане (убыток от торговых операций в 1903 г. составил 15 675 руб. и был покрыт банком из кредита в 30 тыс. руб., специально отчисленного из прибыли этого года), с точки зрения политической, результаты экспедиции были признаны «весьма благоприятными».¹⁰³

⁹⁹ Дешеша Миллера, 21 августа (3 сентября) 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 93.

¹⁰⁰ Справка о русской политике в Сеистане, 11 (24) марта 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 2, д. 1349, л. 186.

¹⁰¹ Ламздорф — Романову, 11 (24) ноября 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 110. — В Министерстве иностранных дел особое значение придавали торговым экспедициям в Сеистан в связи с ожидавшимся в 1903 г. соединением Нушки с сетью индийских железных дорог, что должно было значительно затруднить для России торговую конкуренцию с Англией в Сеистане.

¹⁰² Справка о русской политике в Сеистане, 11 (25) октября 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 2, д. 1349, л. 186.

¹⁰³ Там же.

По настоянию Министерства иностранных дел экономические связи с Сеистаном поддерживались исключительно в политических целях вплоть до англо-русского соглашения 1907 г. Для финансирования этих связей в 1906 г. в Учетно-ссудном банке был открыт постоянный кредит — 15 тыс. руб. в год.¹⁰⁴

Наряду с организованными через Учетно-ссудный банк Персии торговыми экспедициями в Сеистан в программе экономической экспансии царизма в Персии важное место отводилось рейсам русских торговых судов в Персидский залив, где до 1901 г. Россия не вела никаких торговых операций и вся торговля была сосредоточена в руках Англии.

В 1901 и 1902 гг. по инициативе Витте и с «высочайшего разрешения» были совершены четыре пробных рейса в залив русским Обществом пароходства и торговли. Пароход «Корнилов» совершил первый рейс из Одессы в залив в феврале 1901 г., второй — в августе, третий — в январе и четвертый — в мае 1903 г. Основными предметами вывоза в порты Персидского залива являлись хлопчатобумажные ткани, сахар, керосин, фарфоровые изделия. Несмотря на то что русские товары, и в особенности керосин (Нобеля и Манташева), хорошо разошлись, рейсы потребовали казенной дотации, по сведениям Государственного контроля, в размере 202 525 руб.¹⁰⁵

Если принять во внимание, что всего за четыре рейса было вывезено 230 280 пуд. грузов, то приплата со стороны Государственного казначейства за каждый пуд равнялась 88 коп. При этом стоимость пуда основного предмета вывоза — керосина, которого было отправлено 154 137 пуд., т. е. $\frac{2}{3}$ всего экспорта, не превышала 30 коп. в Батуми. Стало быть, премия Государственного казначейства, в частности для керосина, равнялась троекратной цене самого товара. Естественно, что заседание Государственного совета в Соединенных департаментах промышленности, наук и торговли, законов и государственной экономики, состоявшееся 7 (20) марта 1903 г. и специально посвященное вопросу о рейсах русских коммерческих судов в Персидский залив, вынуждено было признать, что пер-

¹⁰⁴ Там же.

¹⁰⁵ Журнал Государственного совета, 7 (20) марта 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 57.

вые попытки с точки зрения экономической принесли «сравнительно скромный» успех.¹⁰⁶ Тем не менее совещание признало необходимым установление регулярных рейсов русских судов в залив, исходя из того, «что в настоящем деле первенствующее значение имеют действительные задачи политического характера».¹⁰⁷ Так окончательно был решен вопрос об установлении регулярных рейсов русских судов в Персидский залив, на поддержание которых Государственное казначейство по соглашению с Обществом пароходства и торговли должно было выдавать последнему ежегодную дотацию в размере 200 тыс. руб. в течение 12 лет.¹⁰⁸

В целях укрепления и развития русской торговли на юге Персии в порты Персидского залива в 1904, 1905 и 1906 гг. были отправлены специальные торговые экспедиции при участии представителей русского купечества.¹⁰⁹ Несмотря на принятые меры, доля участия России в обороте портов Персидского залива оставалась незначительной, что видно из табл. 3.¹¹⁰

Т а б л и ц а 3

Торговые обороты портов Персидского залива в 1902—1903 гг.
(в фунтах стерлингов)

Страна	Ввоз			Вывоз		
	1902	1903	1904	1902	1903	1904
Англия	2241180	2266224	488640	1506604	1681840	88227
Индия	—	—	1294813	—	—	1259556
Россия	4483	3350	45912	1696	114	7538

П р и м е ч а н и е. Общий оборот портов Персидского залива составлял по ввозу: в 1902 г. — 3 675 163 фунта стерлингов, в 1903 г. — 3 582 016, в 1904 г. — 2 787 970 фунтов стерлингов, по вывозу: в 1902 г. — 2 710 368 фунтов стерлингов, в 1903 г. — 2 811 602, в 1904 г. — 2 116 275 фунтов стерлингов. Приведенные данные взяты из отчетов английских консулов (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 41).

¹⁰⁶ Там же, л. 58.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ ПСЗ III, 1903, № 22767.

¹⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 95, оп. 18, д. 258, л. 45—46.

¹¹⁰ Там же, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 32.

Экспедиции в Сеистан, рейсы русских торговых судов в Персидский залив и торговая конкуренция русских промышленных товаров с английскими в районах Персии, не смежных с Россией, едва ли были бы возможны без широко организованной Государственным казначейством премиальной системы. Впрочем, даже в тех районах Персии, где русские купцы имели значительные преимущества по сравнению с английскими в смысле затрат на перевозку товаров, эти преимущества вместе с премиальной системой порой не могли покрыть разницы, существовавшей между стоимостью английских и русских товаров. Так, например, в Мешхед английские товары доставлялись через несколько перевалочных пунктов: из Манчестера до Бомбея и от Бомбея до Бендер-Аббаса морем, а затем выючным путем через Иезд. Перевозки морем обходились в 50 коп. с пуда, по суше — 5 р. 50 к., итого 6 руб. с пуда, а время, необходимое для доставки товаров, составляло около шести с половиной месяцев. Привоз же русских товаров в Мешхед обходился всего лишь в 2 р. 25 к. с пуда, и они паходились в пути не более трех месяцев.¹¹¹ Однако русские текстильные товары зачастую стоили дороже английских, так как их производство в России было намного дороже, чем в Англии. Пуд бумажной пряжи в Манчестере, например, стоил 12 руб., а в Петербурге — 20 руб. Поэтому, несмотря на издержки по перевозке в 6 руб. за пуд, английский текстиль продавался на мешхедском рынке дешевле русского.¹¹² Как правило, указанная разница покрывалась за счет государственной дотации, благодаря которой русские товары на персидском рынке продавались по ценам более низким, чем в России, что позволяло им конкурировать с английскими. Английский торговый агент в Персии Маклин доносил в своем отчете за 1904 г.: «... в Персии чай, сахар, керосин и ситцы — всё дешевле, чем на русских рынках, откуда эти товары вывезены».¹¹³

¹¹¹ Выписка из донесения управляющего Мешхедским отделением Учетно-судного банка, 18 (31) августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 245, л. 59 об.

¹¹² Там же. — Управляющий Мешхедским отделением доносил, что в Мешхеде английская кисея, будучи шире и лучше русской, стоит 5,5 коп. аршин, а русская — 7 коп.; ситец английский — 8,25 коп., а русский — 13,25 коп. за аршин.

¹¹³ Blue Book. Trade with Persia..., p. 3.

Разумеется, что такая торговая политика требовала жертв от русской казны. В 1902 г. Казначейство уплатило за вывоз в Персию только сахара и осветительных масел премиальные (возвратило акциз) на сумму 72 150 руб.¹¹⁴ при стоимости всего вывоза в 24 648 189 руб.¹¹⁵ Следует учесть, что речь идет о вывозе только двух видов товаров, хотя и составлявших значительную часть русского экспорта.

Кроме того, премиальная система предусматривала установление льготных железнодорожных тарифов на товары, идущие на побережье Персидского залива, освобождение от обложения товаров, привозившихся оттуда, и выдачу зачетных квитанций за мануфактуру.¹¹⁶

Так русский царизм, выступавший в Персии в империалистическом обличии, состязался в торговой конкуренции со своим английским соперником, приплачивая за свою отсталость — таков уж парадокс истории — деньгами, полученными им на европейских же биржах.

Особенно быстро влияние России на персидском рынке начало расти после 1903 г. Это явление находилось в прямой связи с расширением торговых операций Учетно-судного банка, на который после его реорганизации были возложены задачи «знакомить русских фабрикантов с местными рынками, способствовать успешной конкуренции русских товаров с иностранными и вместе с тем создавать благоприятные условия для вывоза персидского сырья в видах увеличения покупательной способности персид-

¹¹⁴ Выписка из донесения управляющего Мешхедским отделением Учетно-судного банка, 18 (31) августа 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 215, л. 54 об.

¹¹⁵ Обзор внешней торговли России за 1907 г. СПб., 1908 г. с. 40, табл. 5.

¹¹⁶ Справка о капитальных затратах русского Государственного казначейства в Персии и о финансовых ресурсах шахского правительства, 16 (29) февраля 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 3. — Один из армянских кушцов (Крикориан Абэказль), занимавшийся торговыми операциями в Персии, представил в 1901 г. на имя Витте обзор торговли России с Персией, в котором называл цифру общих расходов казны на торговые операции — 12 млн руб. в год (при стоимости всего вывоза в 1901 г. в 20 млн руб.), подразделяя их на прямые затраты в пользу вывозимых товаров (8200 тыс. руб.) и на косвенные потери, вызванные запрещением транзитного ввоза иностранных товаров в Персию через Закавказье и Каспийское море (3 млн руб.) (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 526, л. 84 об.).

ского населения». ¹¹⁷ За короткий срок, с 1903 по 1906 г., торговый оборот России с Персией увеличился на 83%, в том числе ввоз поднялся на 62, а вывоз — на 60%. За то же время торговый оборот Англии с Персией увеличился всего на 23%. ¹¹⁸

Выступая на европейских рынках большей частью как поставщик сырья или полуобработанных материалов, на персидском рынке Россия сбывала преимущественно промышленные товары, одновременно вывозя персидское сырье.

Персия служила одним из основных рынков сбыта русского сахара, ввоз которого в Персию достиг к 1907 г. 36% от общего российского экспорта. ¹¹⁹

Второе место в русском экспорте в Персию занимали ткани, в особенности хлопчатобумажные, как известно, в большинстве своем сбывавшиеся на азиатских рынках, среди которых преобладал персидский рынок. ¹²⁰ Следует, однако, иметь в виду, что торговля тканями была значительно менее успешной, чем торговля сахаром. Русские ткани, включая и хлопчатобумажные, уступали манчестерским. Так, по данным за 1910—1911 гг., из всего количества потреблявшихся в Персии тканей на долю английских приходилось 57%, а на долю русских — только 39%. ¹²¹ Правда, только по двум из важных статей персидского ввоза, по мануфактуре и чаю, первенство принадлежало Англии, по остальным статьям оно сохранилось за Россией.

Еще в большей степени, чем по ввозу, Россия превосходила Англию по вывозу товаров из Персии. Россия являлась основным рынком сбыта персидского сырья и вместе с тем единственной крупной европейской державой, с которой Персия после 1905 г. в течение ряда лет имела активный торговый баланс, в то время как общий

¹¹⁷ Журнал Комитета финансов, 20 апреля (3 мая) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 459, л. 41.

¹¹⁸ Гартвиг — Извольскому, 23 февраля (8 марта) 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 24, д. 990, л. 67. — В общей торговле с Персией на 1905—1906 гг. доля участия России составляла 57%, Англии — 13, Британской Индии — 8,9, Турции — 8,8, Франции — 2,4, Афганистана — 1,6, Германии — 1%.

¹¹⁹ Обзор внешней торговли России за 1907 г., с. 277.

¹²⁰ Там же, с. 27.

¹²¹ Соболевский Л. А. Персия. Статистико-экономический очерк. СПб., 1913, с. 200.

торговый баланс Персии в эти годы, как правило, был пассивным.

Некоторые статьи персидского вывоза представляли большую ценность для русской промышленности, в частности хлопок. Приблизительно к концу первого десятилетия XX в. русская текстильная промышленность потребляла 22—24 млн пуд. хлопка в год, из которых половина закупалась за границей. По данным за 1903—1905 гг. Персия была на пятом месте среди экспортеров хлопка в Россию, вслед за США, Германией, Англией и Египтом.¹²² По вывозу в Россию сушеных фруктов, овощей и ягод Персия значительно превосходила даже такого мирового экспортера фруктов, как Италия. Персия вывозила в Россию 99% урожая риса, рыбу, кожи, табак, жемчужные ковры, шелковые и даже хлопчатобумажные ткани правда в незначительном количестве.¹²³

Льготная система, установленная для вывоза русских товаров в Персию, распространилась и на ввоз персидских товаров в Россию, что способствовало значительному расширению русско-персидской торговли, в особенности же увеличению ввоза персидского хлопка. «Сырой хлопок, — доносил в своем отчете Маклин, — наиболее прибыльным хорасанский продукт, и он особенно обильно экспортируется в Россию из Исфагани и даже Иезда и Кермана, зато экспорт через залив носит случайный характер, и признаки его роста очень незначительны. При ввозе хлопка в Россию Персия платила 40 коп. с пуда, а другие государства — 4 р. 15 к. Он продается в Москве на 2 руб. (т. е. на 20%) дешевле американского хлопка».¹²⁴ Льготные условия распространялись и на целый ряд других товаров, вывозившихся в Россию из Персии.

Введение льготных условий для персидского ввоза в Россию способствовало распространению русского влияния на южные и центральные рынки Персии не в меньшей степени, чем поощрение русского вывоза, так как во многих случаях оказывалось выгоднее перевозить товары с юга и торговать на севере с Россией, чем с другими го-

¹²² Там же, с. 211.

¹²³ К 1907 г. Россия вывозила из Персии: хлопка на сумму до 7 млн руб., рыбы — до 7, фруктов — от 5 до 6, риса — до 5,3, кож — на 1,5, ковров — на 1,5 млн руб. (ЦИА СССР, ф. 23, оп. 22 д. 990, л. 68).

¹²⁴ Blue Book. Trade with Persia..., p. 7.

сударствами через Персидский залив. Что же касается Северной Персии, то она благодаря смежным границам, сравнительно удобным путям сообщения и выгоды торговли была более тесно связана экономически с Россией, чем с Южной Персией. По этому поводу тот же Маклин сообщал в своем отчете следующее: «Сельскохозяйственное развитие Северной Персии, вызванное такими благоприятными условиями, как связь с русскими и другими рынками и защита персидских товаров на русских рынках, способствовало росту благосостояния этих провинций и, следовательно, росту их покупательной способности».¹²⁵ Маклин, обследовавший состояние не только северных, но и южных персидских рынков, пришел к выводу, что районы с преобладанием экономического влияния Англии отличаются от северных провинций Персии отсталостью и низкой покупательной способностью. «Можно спросить, — писал Маклин, — почему районы Южной Персии, находящиеся под нашим влиянием, не могли бы развиваться таким же образом, как районы северной провинции: Луристан, Бахтиарские земли, Арабиستان обладают хорошо орошаемыми и плодородными почвами».¹²⁶

Так русский империализм «втягивал» в торговый оборот районы Северной, а затем и Центральной Персии, обращая их лицом к России, и устремлялся к югу, где торговые позиции России были еще крайне слабыми, а экономическое господство Англии безусловным. Однако в общем торговом обороте Персии южные районы занимали как раз незначительное место ввиду их экономической отсталости, и, следовательно, влияние Англии на общеперсидском рынке значительно уступало русскому.

Для Англии Персия была прежде всего рынком сбыта тканей, в особенности дешевых, ярко окрашенных манчестерских ситцев, которые являлись одной из основных статей вывоза в Персию из метрополии. Прочие значительные предметы британского экспорта, такие как чай и индиго, рис, кофе и др., вывозились из Британской Индии, занимавшей важное место в общеимперской торговле с Персией. По данным Торгового департамента, в 1903 г. из стоимости общего торгового оборота Великобритании с Персией в 2.7 млн фунтов стерлингов около $\frac{2}{3}$ приходи-

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Ibid., p. 4—7.

лось на долю метрополии и не менее $\frac{1}{3}$ — на долю Индии.¹²⁷ Кроме того, Англия вывозила еще в Персию металлические изделия (особенно медные), оружие, спички, сахар и ряд других товаров, не имевших большого значения для персидского рынка и составлявших в денежном выражении незначительную часть всего британского экспорта. Последний, как правило, в три-четыре раза превосходил персидский экспорт в Англию. Персия поставляла в Англию жемчуг, опиум, фрукты, ковры и в незначительном количестве промышленное сырье.¹²⁸

Резко пассивный для Персии торговый баланс с Англией приводил к экономическому упадку южноперсидских рынков и падению покупательной способности населения. По сообщению персидского генерального консула в Петербурге Сободинского, Англия с помощью торговли «выкачивала» из Персии значительные денежные средства. «Ежегодно, — писал Сободинский, — Великобритания со своими колониями заставляет Персию выплачивать ей коммерческую контрибуцию в размере от 2.4 млн кран до 2.5 млн кран».¹²⁹ Для английских капиталистов Персия была, таким образом, типичным колониальным рынком.

Как видно из вышесказанного, русская торговая политика в Персии создавала для русских товаров значительные преимущества. Правда, преимущества эти были временные, а окончательный результат русской торговой политики в Персии находился в прямой зависимости от того, хватит ли царизму сил и средств, чтобы вытеснить английского конкурента не только из северных, но и из

¹²⁷ British Documents on the Origins of the War. 1898—1914 London, 1926—1938 (далее: BD), vol. IV, № 321, p. 366.

¹²⁸ Вывоз персидских ковров кустарного производства приносил английским купцам огромные прибыли. По подсчетам Уитэма, персидский ковер средней величины, производство которого обошлось бы в Англии в 120 фунтов, на лондонском рынке продавался за 12 фунтов, включая 30% надбавки к цене. «Никакая машина, — констатировал Уитэм, — не может работать дешевле персидской женщины» (Whigham H. J. The Persian Problem. London, 1903, p. 300). Когда в 1904 г. персидское правительство издало постановление, ограничившее работу на фабриках женщин и детей, английский посланник в Тегеране обратился к русскому с предложением сделать совместное представление об отмене этого «стеснительного для иностранных предпринимателей» постановления, но получил отказ (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 527, л. 169).

¹²⁹ Сободинский Л. С. Персия..., с. 142.

южных районов страны. Однако в 1903 г. это был еще вопрос будущего. Пока же царизм продолжал щедро оплачивать расходы, связанные с политикой «капиталистического завоевания» Персии, не только в сфере торговой, но и в сфере вывоза капиталов.¹³⁰

Вывоз в Персию русского капитала во всех его формах и торговля находились под контролем Учетно-ссудного банка, т. е. Государственного казначейства.

*

Государственный капитал не только вывозился в Персию через Учетно-ссудный банк в виде займов, но и вкладывался в страховые и транспортные кампании или в дорожное строительство. Последнему придавалось особенно большое значение в связи с той ролью, которую призваны были сыграть дороги в распространении русской экономической экспансии на персидском рынке. В частности, большое значение придавалось вопросу о железнодорожном строительстве в Персии. Еще в феврале 1900 г. Витте собирался командировать в Персию директора Петербургской конторы Государственного банка П. Л. Барка для переговоров с персидским правительством о выдаче Учетно-ссудному банку железнодорожной концессии. Эта поездка была задумана всерьез, и в Министерстве финансов был даже выработан проект контракта на строительство русской железной дороги в Персии по образцу контрактов на эксплуатацию КВЖД и южно-маньчжурской ее ветки, заключенных с китайским правительством 27 августа 1896 г. и 24 июня 1898 г. Новый проект отличался только тем, что в нем дополнительно предусматривались (ст. 8) предоставление прав концессионеру на разработку залежей угля и нефти на расстоянии 50 км по обе стороны дороги, а также постройка веток от основной магистрали к разработкам месторождений и, наконец, пользование казенными лесами в полосе отчуждения.¹³¹

¹³⁰ По официальным сведениям, затраты русского Казначейства в Персии, исключая расходы, связанные с торговлей, составляли на 7 сентября 1906 г. 72 204 754 руб. См.: Журнал совещания 7 сентября 1906 г. — Красный архив, 1933, № 56, с. 61.

¹³¹ Витте — Муравьеву, 18 февраля 1900 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 28, д. 177, л. 17—18.

Однако эта инициатива Витте в том же 1900 г. встретила решительные возражения со стороны министров иностранных дел Муравьева. Последний высказался против поездки Барка, сославшись на то, что приобретение железнодорожной концессии даст повод англичанам требовать аналогичной концессии на юге Персии, чего «ни в коем случае» не следовало допускать.¹³²

Состоявшееся в марте 1900 г. Особое совещание при Министерстве финансов решило вопрос в пользу не железной, а грунтовой дороги Казвин—Тавриз—Тегеран, предложив Учетно-ссудному банку подписать с персидским правительством дополнительное секретное соглашение о превращении впоследствии этой дороги в железнодорожное полотно.¹³³ Проекты основного и дополнительного секретных соглашений Барк повез в Париж (а не в Тегеран, как предполагалось первоначально) летом 1900 г., чтобы вступить в переговоры с персидским премьером, сопровождавшим шаха в его поездке по Европе.

Итак, в 1900 г. железнодорожная затея Витте не удалась.

Несмотря на неудачу, Витте не отказался от мысли о железнодорожном строительстве в Персии. И через два

¹³² Муравьев — Витте, февраль 1900 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 117, л. 19—20. — В феврале 1900 г. Англия еще не имела формальных прав требовать железнодорожной концессии в случае, если ее получит Россия. Однако два месяца спустя английская дипломатия добилась этого. История вопроса такова. В 1898 г. после подписания русско-персидского соглашения о запрещении строительства железных дорог в Персии в ближайшие 10 лет лондонский кабинет заявил русскому правительству о своем намерении присоединиться к запретительному соглашению с тем условием, «чтобы шах обязался по истечении 10-летнего срока посоветоваться с императорским и английским правительствами относительно постройки железных дорог». После того как русское правительство отклонило предложение лондонского кабинета, англичане в апреле 1900 г. вынудили шаха повторить обязательство 1898 г.: во-первых, не предоставлять никаких железнодорожных концессий на юге Персии без согласия Англии и, во-вторых, обеспечить выдачу концессий британской компании на юге в случае, если такую концессию получит какое-нибудь государство в Северной Персии (Секретная записка И. А. Зиновьева. — Красный архив. М., 1935, т. 2—3 (69—70), с. 13—14; см. также: ВД, vol. IV, № 321a).

¹³³ Журнал совещания о выработке договора с персидским правительством и Учетно-ссудным банком Персии о грунтовой дороге через Тавриз в Тегеран, 10 и 13 марта 1900 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 117, л. 83.

года по этому вопросу между ним и министром иностранных дел возобновилась переписка. Поводом к тому послужил вопрос о необходимости потребовать от персидского правительства компенсацию за уступку англичанам концессии на эксплуатацию нефти в Южной Персии. Как и в 1900 г., речь шла не столько о том, чтобы немедленно приступить к строительству железной дороги в Персии, сколько о необходимости «заручиться» концессией впрок и тем самым «предупредить англичан и немцев в выборе и обеспечении себе выгодных направлений».¹³⁴

Витте был противником распространенной в правящих кругах России точки зрения о необходимости строительства русской железной дороги через Персию к Персидскому заливу. По его мнению, такая дорога могла бы стоить «громадных денег» и открыла бы «доступ английским товарам с юга» в зону русского торгового влияния. Поэтому Витте отдавал предпочтение постройке ответвлений, с одной стороны, от Закавказской дороги через Тавриз, а с другой — от Закаспийской через Мешхед, с тем чтобы сомкнуть их позднее у Тегерана.¹³⁵ Этот план железнодорожного строительства преследовал далеко идущие цели не только соединения в будущем индийской железнодорожной сети с европейской при помощи дополнительных ветвей от Мешхеда до Сеистана или от Кушки через Герат, но и усиления русского влияния в Сеистане, о чем Витте прямо писал Ламздорфу.¹³⁶

В 1903 г. проект Витте получил поддержку Министерства иностранных дел, и вопрос о концессии на строительство железной дороги в Северной Персии был поставлен перед персидским правительством в связи с переговорами в Тегеране о новом займе, которые начались в январе—феврале 1903 г., после приезда туда П. Л. Барка. В ответ на просьбу о займе в 7.5 млн руб. (если бы он был выдан, сумма долга персидского правительства России достигла бы 40 млн руб.) Барк предъявил шаху сразу десять требований, большинство которых касалось как раз железнодорожного строительства.

¹³⁴ Требования уступки России концессии на эту дорогу вошли в условия займа 1902 г. См.: Витте — Ламздорфу, 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 6 об.

¹³⁵ Витте — Ламздорфу, 1902 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 159, л. 6 об.

¹³⁶ Там же.

Согласно предъявленным условиям, шах должен был дать обязательство не предоставлять иностранцам концессий на строительство дорог от Персидского залива и Индийского океана к Каспийскому морю, а также от Сефидстана к Мешхеду и на постройку дорог, которые соединяли бы индийские пути с малоазиатскими; в то же время он должен был предоставить России концессии на железные дороги от Кушки к Мешхеду с продолжением на Тегеран и от русской границы к Тавризу с продолжением на Кавказ и Тегеран. Прочие требования предусматривали обязательства Персии не изменять условий уже существовавшей концессии английской дороги на Шуштер, не выдавать без согласия России никаких горнопромышленных концессий в Северной Персии, не заключать никаких контрактов о чеканке серебра без согласия Учетно-ссудного банка, не делать никаких позаймствований, даже краткосрочных, в английском банке и, наконец, правительство шаха должно было заявить о том, что оно не имеет никаких претензий к обществу Энзели-Тегеранской дороги.¹³⁷

Предъявленные условия показались персидскому правительству настолько тяжелыми, что оно, несмотря на крайнюю нужду в деньгах, предпочло не делать долгосрочного займа в России. После категорического отказа Барка предоставить хотя бы 500 тыс. туманов авансом в счет будущего займа персидское правительство возобновило ходатайство о краткосрочной ссуде в 1 млн туманов на шесть месяцев под гарантии платежей русской фирмы Лианозова, арендовавшей рыбные промыслы на Каспийском море.¹³⁸

¹³⁷ Справка о финансовой поддержке персидского правительства со стороны Учетно-ссудного банка Персии. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 12 об.

¹³⁸ Сделка не состоялась, так как шахское правительство сочло более удобным для себя произвести учет платежей Лианозова в Шахиншахском банке. Тем не менее до конца года русское правительство оказало Персии следующую финансовую поддержку: а) произвело учет таможенных векселей на 200 тыс. туманов (22 мая (4 июня) 1903 г.); б) открыло персидскому правительству кредит в 300 тыс. туманов из 9% на срок в 18 месяцев «на содержание войска» (27 июня (10 июля)); в) открыло кредит в 400 тыс. туманов из 9% под обеспечение таможенных доходов (25 октября (7 ноября)). Все эти ссуды были выданы без предъявления политических условий (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 170, л. 13 об.—14 об.).

Переговоры о долгосрочном займе на 7.5 млн руб. были прерваны, и железнодорожная программа Витте как часть общей политики «капиталистического завоевания» Персии так и осталась неосуществленной. Русскому Министерству финансов пока приходилось довольствоваться тем, что оно захватило и держало в своих руках все основные колесные магистрали в Персии, в том числе и главную из них — Энзели-Тегеранскую шоссепную дорогу.

Еще в 1893 г. Персидское страховое и транспортное общество Л. С. Полякова приобрело концессию на строительство дороги Энзели—Казвин. В связи с этим было образовано общество Энзели-Казвинской дороги, которое в 1895 г. получило право продолжить дорогу до Тегерана и Хамадана. Общество располагало акционерным капиталом, составленным из трех выпусков в 1.5 млн руб. Из 15 тыс. акций 12 350 принадлежали торговому дому Л. С. Полякова в Москве. В 1895, 1897 и 1898 гг. обществу были разрешены выпуски 4, 5-процентных облигаций общей стоимостью в 4.1 млн руб. Все они были полностью приобретены Государственным казначейством по цене 96 за 100. В 1900 г. обществу был разрешен выпуск облигаций еще на 900 тыс. руб. Как видно, к 1902 г. казначейство уже приобрело значительную часть акций общества Энзели-Тегеранской дороги, что позволяло Министерству финансов до известной степени контролировать работу общества. Однако это, по-видимому, не удовлетворяло Витте. По его предложению в 1902 г. Государственное казначейство еще приобрело на 5.2 млн руб. привилегированные акции общества, выпущенные для консолидации долгов и для обмена прежних выпусков облигаций на 5 млн руб.¹³⁹

Таким образом, к концу 1902 г. из всех акций на сумму в 6.7 млн руб. правительство имело акции на 5.2 млн руб., или 77% общего количества, и стало «фактическим хозяином дела».¹⁴⁰ Весь контроль за деятельностью Энзели-Тегеранской дороги оказался сосредоточенным в руках министра финансов. На общем собрании акционеров 2 (15) октября 1902 г. в связи с ока-

¹³⁹ Записка «Об источниках на покрытие расходов по сооружению Тавризской дороги, по улучшению Энзели-Тегеранской дороги и на предприятия, с нею связанные», 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 875, л. 119—120.

¹⁴⁰ Там же, л. 120 об.

занным давлением на Л. С. Полякова старый состав правления вынужден был подать в отставку; было принято решение о перенесении правления из Москвы в Петербург, а новый состав правления был избран «по указанию министра финансов» из лиц, состоявших на государственной службе и в большинстве своем уже являвшихся членами правления общества Таврической дороги.¹⁴¹ Что же касается последнего, то оно с самого момента своего возникновения в 1902 г. было фактически чисто государственным предприятием. В предоставленной Витте в 1903 г. Департаментом железнодорожных дел записка об обществе Таврической дороги прямо говорилось, что «общество это по существу своему такого же характера, как и общество Китайской Восточной железной дороги, т. е. фиктивное, и хотя по уставу его предусматривается капитал в 9 млн руб., но в действительности акции в публичное обращение не пущены и целиком остались в портфеле Учетно-ссудного банка».¹⁴² Излишняя прямолинейность изложения явно не понравилась Витте, который, зачеркнув слово «фиктивное», с укоризной пометил на полях: «это так, но об этом нечего говорить».¹⁴³

Таким образом, к концу 1902 г. все дорожное строительство в Персии оказалось фактически в полном распоряжении министра финансов.

Несколько большие усилия Витте пришлось затратить на то, чтобы прибрать к рукам страховое и транспортное общество Полякова, а также и другие русские страховые и транспортные общества, функционировавшие в Персии.

Основав в 1890 г. Персидское страховое и транспортное общество первоначально с акционерным капиталом в 2 млн франков (175 тыс. руб.), Поляков, однако, не собиравшись сам эксплуатировать полученную концессию, а рассчитывая найти контрагента и пытаясь несколько раз вступить в соглашение с какой-нибудь русской страховой или транспортной компанией, но всякий раз неудачно, пока судьбой поляковской концессии не заинтересовалось Министерство финансов.

В 1901 г. по инициативе Министерства финансов транспортная компания «Надежда», получив из Государ-

ственного банка на льготных условиях долгосрочную ссуду, приобрела на 2.4 млн франков акции дополнительного выпуска Персидского страхового и транспортного общества, которые дали ей право иметь 3/4 голосов на общих собраниях общества. Затем в январе 1902 г. Витте распорядился купить все акции Персидского страхового и транспортного общества на средства Учетно-ссудного банка, но, так как Поляков отказался уступить свою часть акций (первый выпуск на 2 млн франков) по приемлемой для Министерства финансов цене, Учетно-ссудный банк приобрел только те акции, которые принадлежали компании «Надежда», получив тем самым 3/4 голосов на общем собрании. Расходы, связанные с приобретением акций общества Полякова для Государственного казначейства, оказались необременительными. Уплатив держателям акций второго выпуска 180 120 руб., оно одновременно получило в свое ведение кассу общества, в которой значились поступления первого взноса в размере 180 000 руб. Таким образом, «фактические издержки» на приобретение предприятия свелись к уплате правительством компании «Надежда» незначительной суммы в возмещение комиссионных расходов, которые были сделаны ею в связи с покупкой акций Полякова в 1901 г.¹⁴⁴

Дальше последовала уже обычная процедура: 3/4 голосов, полученных Министерством финансов, оказались достаточными, чтобы изменить состав правления точно таким же образом, как и в случае с Обществом Энзели-Тегеранской дороги. В марте 1902 г. в правление, в котором из прежнего состава остался только Л. С. Поляков, были введены П. Л. Барк, Э. К. Грубе и другие чиновники финансового ведомства. С. К. Подгурский, избранный председателем правления, уже занимал этот пост в правлениях Таврической и Энзели-Тегеранской дорог. Основным же держателем акций Персидского страхового и транспортного общества остался Учетно-ссудный банк Персии. Об этом свидетельствует список акционеров Персидского страхового и транспортного общества, представленный к общему собранию 25 сентября (7 октября) 1903 г.:¹⁴⁵

¹⁴¹ Там же, л. 121.

¹⁴² Там же, л. 119—120.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Записка Подгурского, 13 (26) февраля 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 888, л. 218.

¹⁴⁵ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 54.

Владельцы акций первого выпуска	Количество акций	Число голосов
Владельцы акций второго выпуска	Акций не представлено	
1. Барк Петр Львович	400	40
2. Брандес Альберт Августович	160	16
3. Вестфаль Анатолий Федорович	160	16
4. Виндельбанд Василий Васильевич	160	16
5. Грубе Эрнест Карлович	400	40
6. Коншин Алексей Владимирович	160	16
7. Наумов Михаил Архипович	160	16
8. Подгурский Станислав Карлович	400	40
9. Скипетров Михаил Иванович	400	40
10. Учетно-ссудный банк Персии	2400	240
	4800	480

В 1903 г. Персидское страховое и транспортное общество заключило соглашения с обществами «Кавказ и Меркурий», «Российское транспортное и страховое общество», «Восточное общество товарных складов, страхования и транспортирования товаров с выдачей ссуд», предоставив им право заниматься страховыми и транспортными операциями в Персии и сохранив за собой право контроля над этими операциями.¹⁴⁶

Таким образом, к концу 1903 г. царское правительство овладело почти всеми видами русского частного предпринимательства в Персии, завершив тем самым компанию, которую Витте начал еще в 1894 г. приобретением в ведение Министерства финансов Учетно-ссудного банка. Сам же Учетно-ссудный банк Персии превратился к этому времени в предприятие, сосредоточившее в своих руках все нити управления русским государственным хозяйством в Персии.

Такая высокая степень участия русского государственного капитала в экономической экспансии типична только в отношении Персии. Как известно, «капиталистический империализм новейшего типа вполне показал себя в политике царизма» не только в Персии, но и в Маньчжурии и Монголии.¹⁴⁷ Причем во всех этих странах как цели, так и методы экономической экспансии царизма были во многих отношениях идентичны. Но если в Персию

¹⁴⁶ Записка управляющего консульством в Гиляне, 1905 г. ЦГИАЛ. ф. 600, оп. 4, д. 377, л. 119.

¹⁴⁷ Ленин В. И. ПСС, т. 26, с. 318.

к 1903 г. вывозился капитал почти только в государственной форме и только русский, то в Маньчжурии царизм охотно прибегал к помощи иностранного капитала, при этом избегая связывать свою политику с капиталом исключительно какой-нибудь одной национальности.¹⁴⁸

Разница в этом отношении между политикой царизма в Персии и Маньчжурии бросается в глаза уже при одном сопоставлении банков, служивших проводниками русской экономической экспансии в этих странах. В Персии действовал Учетно-ссудный банк, работавший исключительно на русских капиталах и даже без привлечения частных; в Маньчжурии — Петербургский международный и Русско-Китайский банки: первый — с участием немецкого и французского капиталов, а второй — только французского капитала.¹⁴⁹ Та же картина получается, если сопоставить русские займы Персии (1900 и 1902 гг.) и Китаю (1895 г.). Впрочем, и в Персии царизм едва не пошел маньчжурским путем — если бы не французские займы, самодержавие не могло бы в 1900 г. предоставить Персии столь значительную сумму без участия Англии.¹⁵⁰

После же 1900 г., когда в Европе были сделаны еще два успешных займа в 1901 и 1902 гг., царизм и не помышлял о привлечении каких бы то ни было иностранных капиталов в Персию, тщательно оберегая там свою монополию, и, не считаясь с расходами, упорно осуществлял политику капиталистического завоевания страны. Из этого, конечно, не следует, что именно деньги, полученные на иностранных биржах, шли непосредственно на расходы, связанные с экономической политикой в Персии. Для покрытия расходов, которые несло Государственное казначейство в Персии, в 1903 г. были выпущены на рус-

¹⁴⁸ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907 гг. М.—Л., 1955, с. 197.

¹⁴⁹ Что касается Русско-Китайского банка, то, согласно сведениям, сообщенным В. Н. Коковцовым в 1904 г. Советанию для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке, 40% акций этого банка находились в портфеле Департамента Государственного казначейства, 48% или 50% от остального числа акций — в руках иностранных держателей (размер иностранных вкладов достигал в 1902 г. 28 млн руб.). См.: ЦГИА СССР, ф. 1237, оп. XVI, д. 1, л. 112.

¹⁵⁰ Телеграмма Муравьева посланнику в Тегеране, 40 (22) апреля 1899 г. ЦГИАЛ, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 104.

ском внутреннем рынке две серии государственной 4-процентной ренты на нарицательную стоимость в 20 млн руб. Чистая выручка от этой операции составляла 19 525 тыс. руб., из которых 16 373 тыс. были потрачены на Учетно-ссудный банк и покупку акций Энзели-Теганской дороги. В официальном отчете Государственного контроля эта сумма была обозначена как употребленная на «возмещение Государственному казначейству расходов на усиление средств предприятия, имеющего общегосударственное значение, и на приобретение облигаций некоторых частных предприятий, имеющих общегосударственное значение».¹⁵¹

Столь значительная роль государства в вывозе капиталов из России в Персию и в торговых операциях с ней объясняется в значительной степени экономической отсталостью России и относительной слабостью русского капитализма. Она проявлялась не только в неспособности русского купечества конкурировать со своим экономическим соперником на рынках Центральной и Южной Персии без значительных государственных дотаций, но и в сравнительно малой его заинтересованности в этих рынках, трудно доступных и отличавшихся низкой покупательной способностью. В связи с последним обстоятельством большой интерес представляют соображения, изложенные на этот счет в составленной в Департаменте железнодорожных дел и поступившей к Витте в 1903 г. записке о русской дорожной политике в Персии. В этом документе говорилось о необходимости развивать русские экономические интересы в Персии, «припимая во внимание, что на Востоке экономическое влияние идет рука об руку с политическим преобладанием», а не смотреть «хладнокровно», как Персия будет постепенно захватываться иностранцами. Вместе с тем в записке подчеркивалось, что в отличие от обрабатывающей промышленности соперников для которой приобретение «новых внешних рынков сбыта представляется насущным жизненным вопросом», русская обрабатывающая промышленность «едва может удовлетворять даже внутреннему спросу» и потому не заинтересована в такой степени в освоении персидских рынков.¹⁵²

¹⁵¹ Мигулин П. П. Русский государственный кредит. Харьков, 1907, т. III, с. 1111.

¹⁵² ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 875, л. 114.

Витте сразу же возразил против сказанного, пометив на полях, что так было «до последних лет, но теперь многие отрасли требуют вывоза».¹⁵³ Замечание о том, что русская промышленность не нуждается в персидском рынке, конечно, задело Витте за живое. Витте смотрел вперед, а ему напоминали о прошлом. Он понимал экономическую политику на Востоке и, в частности, в Персии как тесно связанную с общей задачей «экономического и финансового развития России», которую он считал возможным разрешить с помощью внешних займов и за счет притока иностранных капиталов.¹⁵⁴ А отсюда стремление к захвату впрок новых рынков для развивавшейся русской промышленности, которое ни для кого не было секретом. Не случайно лондонская газета «Таймс», ревниво следившая за экономической экспансией России в Персии и на протяжении 1902—1903 гг. регулярно публиковавшая статьи, посвященные этому вопросу, ставила в прямую зависимость политику русского самодержавия в Персии от внутренней политики Витте в области промышленности. Известный английский журналист и сотрудник газеты Валентин Чирол в одной из своих статей о Персии в октябре 1902 г. писал, что финансовая политика русского правительства в Персии, которая преследует цель «установления как экономического, так и политического превосходства России», — только часть общеполитической программы Витте. «Импульс, — пояснял далее свою мысль Чирол, — который Витте придал развитию русской промышленности усилением системы покровительства, делает для него совершенно необходимым поиски новых рынков для продуктов русской промышленности».¹⁵⁵

У Витте, конечно, были основания возражать автору записки о железнодорожной политике в Персии, но, с другой стороны, Витте лучше, чем кто-нибудь другой, знал, сколько усилий требовалось для того, чтобы не только проложить дорогу русскому купечеству к далеким рынкам Южной и Центральной Персии, но и вовлечь его в постоянные активные торговые операции в этих районах. Трудно себе представить, чтобы появившиеся в 1902—1903 гг. в «Вестнике финансов» многочисленные статьи,

¹⁵³ Там же.

¹⁵⁴ Записка Витте, 3 (16) марта 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 1044, оп. 1, д. 34, л. 56—72.

¹⁵⁵ «The Times», 1902, 27 X, p. 6.

призывавшие русское купечество к энергичным торговым операциям в Персии, печатались помимо Витте и без его ведома, а тон этих статей далеко не всегда был проникнут оптимизмом. «Правительству свойственно споспешествовать успехам торговли необходимыми для нее мероприятиями, в крайнем случае даже войной, — говорилось в одной из статей «Вестника финансов» за 1903 г. — Так поступала и Англия. Но ведь и мы пролили немало русской крови, частью для подчинения себе самой Персии, а частью для обуздания диких племен, препятствовавших нашим сношениям с нею. А все-таки торговать за своих подчиненных наше правительство не может, торговать они должны сами».¹⁵⁶

Этот призыв, раздававшийся со страниц официального органа Министерства финансов, очень уж походил на сигнал бедствия; единственным кажущимся спасением против него пока оставалось продолжение уже начатой политики экономической экспансии за счет государственных субсидий, которая внешне, казалось, давала неплохие результаты.

Но ведь у этой политики была сторона не только внешняя, но и внутренняя, российская, и роковая связь этих двух явлений не могла не беспокоить умы даже тех, кто фактически являлся прямым исполнителем этой политики. Это беспокойство и порождало порой мрачные, но довольно меткие замечания по адресу финансовой политики Витте, например, что это де «активная политика за счет голодного мужицкого брюха»¹⁵⁷ или что «министр финансов — лихой наездник, но конь не выкормлен и замучен — это простая крестьянская лошадка, правда, очень выносливая, но как ее ни шпорить и ни гнать кнутом, быстроты кровной лошади она достигнуть не может».¹⁵⁸

Однако от этого беспокойства далеко было до трезвого понимания, что Россия находится почти на краю серьезного военного испытания, финансового кризиса и, главное, невиданного революционного потрясения.

¹⁵⁶ Вестник финансов, промышленности и торговли, 1903, т. IV, № 48, с. 366.

¹⁵⁷ Коковцов — Сабурову, 30 апреля (13 мая) 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 1044, оп. 1, д. 14, л. 149.

¹⁵⁸ Сабуров — Милютину, 17 (30) марта 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 1044, оп. 1, д. 18, л. 17—18.

Англо-русские отношения накануне русско-японской войны. Вопрос о дальнейшем направлении экономической политики царского правительства в Персии в связи с началом военных действий. Кризис русской экономической политики в Персии в годы русско-японской войны

Экономическое соперничество Англии и России в Персии накануне русско-японской войны находилось в самой тесной связи с общим направлением политики, которую обе державы проводили на Среднем Востоке.

Что касается России, то в 1903 г. она меньше чем когда-либо была заинтересована в разделе Персии на сферы влияния, и все ее усилия были направлены только на то, чтобы еще больше укрепить там свои экономические и политические позиции. Эта цель русской политики несколько позднее ясно была изложена в известной инструкции Министерства иностранных дел А. Н. Шпейеру при назначении его посланником в Тегеран в сентябре 1904 г. В инструкции говорилось: «Главная цель, которая преследовалась нами в зависимости от исторических условий различными путями и средствами в течение многолетних сношений с Персией, может быть определена нижеследующим образом: сохранить целость и неприкосновенность владений шаха, не ища для себя территориальных приращений, не допуская преобладания третьей державы, постепенно подчинить Персию своему господствующему влиянию без нарушения, однако, как внешних признаков ее самостоятельности, так и внутреннего ее строя».¹⁵⁹

Что же касается Англии, то русское экономическое наступление в Персии только усиливало ее стремление добиться раздела страны на сферы влияния и тем самым оградить районы Южной и Юго-Восточной Персии от проникновения России.

Поскольку Россия, проводя политику «капиталистического завоевания» Персии, вместе с тем оказывала полную поддержку центральному, т. е. шахскому, правительству, находившемуся в зависимом от нее положении, Англия стремилась поддерживать те силы, которые можно было бы противопоставить и шахской власти, и русскому влиянию в Тегеране.

¹⁵⁹ Красный архив, 1932, т. 4 (53), с. 34.

В русском Министерстве иностранных дел, как и в Министерстве финансов, в 1903 г. существовало мнение, что ради того, чтобы вынудить Россию к соглашению о разделе Персии, Англия не прочь была бы вызвать даже активное вооруженное вмешательство со стороны России в персидские дела, используя с этой целью революционное движение в Персии.

В частности, не лишены интереса соображения по этому вопросу агента Министерства финансов в Персии Э. К. Грубе, о которых он сообщал Витте из Тегерана еще в июле 1903 г. «Я всегда держался и еще держусь того мнения, — писал Грубе, — что англичане всеми способами желают вызвать общие беспорядки, чтобы в случае нашего активного вмешательства с севера ответить тем же на юге и таким образом вызвать нас на открытое и определенное совместное обсуждение персидского вопроса. Причина, почему они так торопятся создать „назревший вопрос“, мне кажется вполне ясной: на севере нас уже знают, а англичане, очевидно, опасаются, что если пройдет некоторое время, то мы проникнем и на юг, где их консулы, телеграфные чиновники и прочие представители занимают почти что исключительное положение».¹⁶⁰

Раздел Персии на сферы влияния всегда рассматривался английской дипломатией как часть программы соглашения с Россией на всем Среднем Востоке, включая и Тибет. Так было и в конце 1903 г., когда английский кабинет вновь обратился к русскому правительству с предложением начать переговоры одновременно и по маньчжурскому вопросу, и по средневосточным делам. На этот раз английская дипломатия воспользовалась французским посредничеством.

Наметившееся в начале 1902 г. англо-французское сближение означало коренную перемену английской дипломатической ориентации в Европе. Обострение англо-германского антагонизма не могло не сказаться на положении России. К концу 1902 г. уже достаточно ясно обозначилась та дипломатическая борьба за Россию между Англией и Германией, которая стала важным фактором международных отношений в Европе после русско-японской войны. Нельзя этого не учитывать, рассматривая

¹⁶⁰ Грубе — Витте, 8 (21) июля 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 28, л. 85.

причины, побудившие Англию в 1903 г. сделать попытку вступить в переговоры с Россией.

С другой стороны, они были начаты по инициативе Англии как раз в самый разгар русско-японских переговоров накануне войны. И американский историк Р. Черчилль даже утверждает, что это и побудило Лэнсдоуна постараться вовлечь Россию в обсуждение «неразрешенных» вопросов, включая и маньчжурский.¹⁶¹

Можно предполагать, что английская дипломатия в конце 1903 г. умышленно пошла на сближение с Россией, чтобы дезориентировать русскую дипломатию, сделать ее менее уступчивой перед японскими требованиями и тем самым сыграть на руку японской дипломатии, которая к концу 1903 г. «лихорадочно заработала на разрыв переговоров с царизмом».¹⁶²

Но так или иначе в августе 1903 г. попытки со стороны Англии завязать переговоры с Россией оказались бесплодными.

В октябре 1903 г. во время поездки Ламздорфа в Париж при посредничестве Делькассе Лэнсдоун предложил русскому министру иностранных дел начать переговоры по спорным вопросам. Ламздорф принял английское предложение и здесь же в Париже снабдил русского посла в Лондоне Бенкендорфа инструкциями. Бенкендорф 7 ноября 1903 г. имел первую встречу с Лэнсдоуном. И хотя во время первой официальной встречи Бенкендорф ограничился общими фразами и не назвал конкретно никакой программы переговоров, Лэнсдоун с удовлетворением отмечал, что беседа была «продолжительной и приятной» и «лед был сломан». Но дальше этого дело не пошло, и уже при следующей встрече, через десять дней после первой, оказалось, что русский посол даже не имеет достаточных полномочий, чтобы решать «специальные вопросы».¹⁶³

Бенкендорф выразил готовность обсуждать маньчжурский, среднеазиатский и персидский вопросы: первый — с учетом особых интересов России, второй — с учетом интересов Индии и третий — с учетом обоюдных интере-

¹⁶¹ Churchill R. P. The Anglo-Russian Convention of 1907. Iowa, 1939, p. 54—57.

¹⁶² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, с. 252.

¹⁶³ BD, vol. IV, № 181 (a).

сов Англии и России. Однако по всем этим вопросам англо-русские противоречия оказались в 1903 г. непримиримыми.

В Средней Азии англичане требовали признания Афганистана и Тибета сферой английского влияния и настаивали на разделе Персии. Бенкендорф изъявил готовность пойти на уступки Англии в Тибете и Афганистане и частично признать английские требования, но что касается Персии, то Бенкендорф категорически заявил, что русское правительство не намерено соглашаться на раздел Персии, «поскольку оно не видит причины, по которой развитие русской торговой деятельности должно ограничиваться северной частью страны», но готово признать английское преобладание в заливе, хотя, возможно, и здесь потребует себе «торгового выхода» к заливу.¹⁶⁴ Причем, когда уже не Лэнсдоун, а Гардинг во время встречи с Бенкендорфом 22 ноября пытался выяснить, что собственно тот подразумевает под торговым выходом к заливу, Бенкендорф ответил, что он имеет в виду постройку русской железной дороги на юг «без морской базы укреплений или войска для охраны дороги, как в Маньчжурии». И здесь же предложил Гардингу: «Вы сами можете охранять эту дорогу, если вам это нравится».¹⁶⁵

Позиция, занятая Бенкендорфом, ясно показывала, что Россия не намерена уступать; со своей стороны английская дипломатия тоже проявила упорство, и переговоры, длившиеся в течение месяца и состоявшие из нескольких встреч русского посла с английским министром иностранных дел, неожиданно прервались. Фактически причиной срыва англо-русских переговоров явилась надвигавшаяся русско-японская война. Английская дипломатия утратила интерес к переговорам, когда стало очевидным, что русско-японский конфликт зашел слишком далеко и военная развязка неизбежна. Декабрь 1903 г. и январь 1904 г. были месяцами, когда дыхание приближающейся войны становилось ощутимее с каждым днем. Она началась в ночь

¹⁶⁴ Гардинг — Лэнсдоуну, 22 ноября 1903 г. — BD, vol. IV, № 181(b).

¹⁶⁵ Там же. — Более подробно об англо-русских переговорах 1903 г. см.: Бопдаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. ., с. 484—489.

с 26 на 27 января (по ст. ст.) 1904 г. с внезапного нападения японских миноносцев на русскую эскадру в Порт-Артуре.

*

Русско-японская война застала самодержавие на полдороге в осуществлении его экономической политики и в Маньчжурии, и в Персии, где к 1903 г. С. Ю. Витте поставил под контроль Государственного казначейства управление почти всеми крупными русскими дорожными и торговыми предприятиями. Но это было только средство конкурентной борьбы за экономическое влияние на Среднем Востоке, и с его помощью царское правительство рассчитывало проложить на восточные рынки дорогу «здоровой» частной инициативе.

Однако реальных возможностей заменить в скором времени всю эту систему государственного или полугосударственного хозяйства жизнеспособными частными предприятиями налицо не было. Перспектива оставалась туманной и неясной, в то время как сложная машина государственного хозяйства, созданная и запущенная в Персии усилиями Витте, требовала новых и новых дотаций.

Естественно в связи с этим, что восточная политика Витте стала довольно уязвимым объектом для нападков со стороны его политических противников, особенно после ухода Витте с поста министра финансов, которым не замедлили воспользоваться сторонники А. М. Безобразова, выступившие в конце 1903 г. с проектом «новой экономической программы» для Дальнего Востока. Задачу этой программы Безобразов формулировал следующим образом: «...стремиться к сокращению казенного хозяйства в торгово-промышленных предприятиях и к урегулированию положения министра финансов и подчиненных ему чиновников как блюстителей исключительно интересов казны». Основные мысли безобразовского проекта получили дальнейшее развитие в материалах образованного по инициативе Николая II совещания под председательством графа А. П. Игнатьева, начавшего свою работу в январе 1904 г.¹⁶⁶ В ходе совещания выяснилось, однако,

¹⁶⁶ Предварительное совещание для составления программы вопросов, подлежащих обсуждению и разрешению по финансово-

что безобразовцы под видом меры, необходимой для постепенного «плавного» перехода от казенной в основном системы хозяйства на Дальнем Востоке к частному предпринимательству, намеревались использовать «Восточно-Азиатскую промышленную К^о», которая, по их замыслам, должна была бы «вызвать частную инициативу и капиталы к работе», существуя как «частное общество de jure» и как «орган правительства de facto». Иначе говоря, речь шла о создании в близком будущем еще одного предприятия казенного типа с той только разницей, что оно было бы не подведомственно Министерству финансов. Действительные цели безобразовского проекта стали ясны участникам совещания в первые же дни его работы (первые шесть заседаний состоялись с 13 (26) января по 10 (23) февраля 1904 г.), и вся затея с «новой экономической программой» потерпела фиаско, не получив поддержки с их стороны. Окончательно безобразовский проект был похоронен после выступления на заседании в мае 1904 г. министра финансов В. Н. Коковцова, который был введен в состав членов совещания Николаем II 27 февраля (12 марта) 1904 г.¹⁶⁷

Поскольку основным в проекте Безобразова было требование сокращения государственных расходов на дальневосточную политику, Коковцов прежде всего постарался доказать, что учреждение на Дальнем Востоке новой промышленной компании (на манер английской Chartered Company) ничего не изменит в уже существующей системе государственного хозяйства и только потребует новых средств.

Выступление Коковцова на январско-майском совещании 1904 г. свидетельствовало о том, что новый министр финансов был убежден в необходимости продолжать политику своего предшественника, по крайней мере в Маньчжурии, и не лелеял надежды на скорое изменение всей системы, которая в течение почти уже 10 лет функционировала здесь в значительной степени за счет Государственного казначейства. Эта точка зрения, надо

бым, промышленным и хозяйственным предприятиям России в зарубежных местностях Дальнего Востока. ЦГИА СССР, ф. 1237, оп. XVI, д. 1. — Работа совещания довольно подробно рассмотрена в кн.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Л., 1928, с. 460—465.

¹⁶⁷ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии, с. 462.

сказать, соответствовала и мнению большинства членов совещания, которые, как отмечалось в решении совещания, пришли «к убеждению, что тихоокеанская окраина, как и все окраины империи, будет еще долгое время требовать приплаты из коренных источников России».¹⁶⁸

По существу как это, так и другие решения совещания 1904 г. не имели серьезного практического значения для судеб русской дальневосточной политики, ибо все они были приняты как бы условно, на случай благоприятного для России окончания русско-японской войны.¹⁶⁹ Между тем пока на Дальнем Востоке бушевала война, ни о какой экономической политике там вообще не могло быть и речи. Другое дело Персия. Возникший в конце 1903 г. вопрос о дальнейшем направлении там русской финансово-экономической политики имел серьезное практическое значение. Мысль о необходимости обсуждения этого вопроса (в отличие от дальневосточного, обсуждение которого было вызвано в значительной мере по инициативе безобразовцев) созрела, по-видимому, в недрах самого русского Министерства финансов.

Образование в 1904 г. специального совещания для обсуждения персидских дел произошло также под влиянием беспокойства из-за чрезмерных расходов Государственного казначейства на нужды восточной политики. Непосредственным поводом для созыва совещания послужили пескончаемые требования персидского премьер-министра о денежных ссудах то для шаха, то для наследника, то для нужд персидского казначейства.

Агент Министерства финансов в Тегеране Э. К. Грубе еще в конце 1902 г. обращал внимание С. Ю. Витте на «нежелательность» удовлетворения подобного рода требований персидского правительства и высказывался вообще против «непроизводительной финансовой поддержки, которая является исключительно поддержкой шаха и его приближенных» и не приносит русскому правительству «достаточных реальных выгод».¹⁷⁰

Однако вопрос о финансовых взаимоотношениях на этой почве с персидским правительством был поставлен

¹⁶⁸ ЦГИА СССР, ф. 1237, оп. XVI, д. 1, л. 2—3.

¹⁶⁹ Более подробно о решениях совещания см.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии, с. 460—465.

¹⁷⁰ Грубе — Барку, 15 (28) декабря 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 85 об.

особенно остро только в самом начале 1904 г., как раз в разгар работы совещания по делам дальневосточной политики.

13(26) февраля 1904 г. Коковцов представил Николаю II всеподданнейший доклад о новых ссудах для Персии: речь шла о долгосрочной ссуде в 550 тыс. туманов наследнику и об открытии ему же краткосрочного кредита в 100 тыс. туманов и кредита в 100 тыс. туманов «в случае наступления чрезвычайных обстоятельств» (возможная смерть шаха), а также о выдаче еще ссуды в 500 тыс. туманов шахскому правительству и об отсрочке прежних обязательств этого правительства на 700 тыс. туманов.¹⁷¹ Николай II утвердил доклад министра финансов, но повторил при этом сделанное им еще в октябре 1903 г. указание, запрещавшее какие бы то ни было «дальнейшие выдачи из Учетно-ссудного банка Персии на нужды персидского правительства» впредь до обсуждения в совещании под председательством министра иностранных дел и при участии министра финансов «общего вопроса о дальнейшей экономической политике» России в Персии.¹⁷²

17 февраля (1 марта) 1904 г. Коковцов известил Ламздорфа о решении Николая II и просил министра иностранных дел назначить срок совещания. Причем, давая понять о желательном для него исходе предстоящего обсуждения, Коковцов в том же письме определенно высказался против дальнейшего кредитования персидского правительства, особенно в тех случаях, когда займы не приносят реальной выгоды, мотивируя свою позицию соображениями не только финансового, но и политического порядка. «Кредитование шахского правительства в Учетно-ссудном банке, — писал Коковцов, — ведет лишь к увеличению внешней задолженности Персии, а, по имеющимся сведениям, внешние займы производят неблагоприятное впечатление среди народных масс, так как ложатся тяжелым бременем на население, и по сему оказание дальнейших денежных воспособлений шахской казне может даже повредить нашему престижу в стране».¹⁷³

¹⁷¹ Коковцов — Ламздорфу, 17 февраля (1 марта) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 87.

¹⁷² Там же.

¹⁷³ Там же, л. 87 об.

Позиция, занятая Коковцовым в вопросе о дальнейшем кредитовании персидского правительства, далеко не сразу встретила поддержку русского дипломатического ведомства.

Дело в том, что русский посланник в Тегеране П. М. Власов, излагая в секретной депеше от 14 (27) апреля 1904 г. свои взгляды на русскую политику в Персии, отозвался весьма критически о деятельности русского Министерства финансов. Власов критиковал Министерство финансов прежде всего за то, что оно выдает краткосрочные ссуды персидскому правительству под слишком высокий процент (9%) да еще на «побочных» условиях, вызывая тем самым «неудовольствие и озлобление» персидского правительства. Как сообщал Власов, лица, «заинтересованные непосредственно» в русских ссудах — «министры шаха» — и не заинтересованные в них — «сановники, правители областей и духовенство», — рассматривают «краткосрочные и даже долгосрочные, до 5 лет, ссуды Персии из 9% годовых» как «взаимное одолжение заинтересованных сторон». «Все они, — писал Власов, — высказывают при этом убеждение в том, что, выдавая Персии ежегодно в ссуду миллион или полтора туманов под обеспечение ли таможенных доходов или без всякого обеспечения и тем увеличивая задолженность ее, Россия при этом ничем не рискует, ибо задолженность Персии ей одной ставит первую в необходимость рано или поздно отдать свою судьбу в руки последней и следовать только ее указаниям».¹⁷⁴

На основании сделанных им наблюдений Власов приходил к выводу, что при «возбуждении персидским правительством» новых ходатайств о выдаче ему краткосрочных или долгосрочных ссуд, не превышающих своим размером миллиона туманов, русскому правительству следует или «совсем отклонять» такие ходатайства, «предоставляя» Персии «одной выпутываться из своих финансовых затруднений», или продолжать выдавать персидскому правительству требуемые им ссуды, не ставя ему при этом никаких условий, «кроме срока уплаты и количества процента».¹⁷⁵

¹⁷⁴ Власов — Ламздорфу, 14 (27) апреля 1904 г., ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 109—110.

¹⁷⁵ Там же.

Видимо, точку зрения русского посланника в Тегеране разделял и Ламздорф, так как депеша Власова была представлена Николаю II и тот оставил на ней помету: «Мне кажется, что этот взгляд правильный».¹⁷⁶

Хотя предложение Власова и носило альтернативный характер, по смыслу донесения легко можно было понять, что посланник настроен в пользу ежегодных выдач персидскому правительству денежных ссуд без каких бы то ни было политических условий. Достаточно ли ясно понимал это Николай II и означала ли его помета одобрение именно регулярного финансирования персидского правительства?

Что касается Коковцова, то он только так и понял донесение Власова, не пожелав даже заметить в его предложениях оттенка альтернативности. Получив от Ламздорфа 7 (20) мая копию донесения Власова и сообщение о помете Николая II, Коковцов весьма недвусмысленно дал понять министру иностранных дел, что он опасается поддерживать далее политику, цель которой заключается в том, чтобы «поставить Персию в полную финансовую зависимость от русского правительства».¹⁷⁷ Возможно, что вскрывшиеся между финансовым и дипломатическим ведомствами разногласия по поводу политики в Персии несколько отсрочили созыв намечавшегося совещания, которое состоялось только в июне 1904 г. Однако они, по-видимому, на этот раз еще не достигли значительной остроты и были урегулированы до созыва совещания, так как в журнале совещания нет уже никаких следов разногласий, не считая того, что само содержание этого документа носит довольно противоречивый характер.¹⁷⁸ Политика Министерства финансов (если судить по журналу совещания), изложенная в выступлении В. Н. Коковцова, получила единодушную поддержку всех его участников. В своем выступлении Коковцов исходил прежде всего из всяческого одобрения до сих пор проводившейся в Персии русской экономической политики, которая, по его мнению, обеспечила «совершенно исключи-

¹⁷⁶ Коковцов — Ламздорфу, 12 (25) мая 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 164, л. 111.

¹⁷⁷ Там же, л. 113.

¹⁷⁸ Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии, 7 июня 1904 г. — Красный архив, 1933, т. I (56), с. 49—55.

тельные отношения между обеими странами, усилив соединяющие их дружественные узы и укрепив непосредственное влияние императорского правительства в Тегеране».

Из этого основного положения, высказанного Коковцовым, естественно, уже вытекало и другое, что «ввиду общего политического значения Персии для России и положенных уже значительных усилий к пасаждению в ней русских начинаний» русское правительство «и впредь не может не относиться с особым вниманием ко всем условиям ее государственной жизни».¹⁷⁹

Как видно, в Персии, равно как и в Маньчжурии, Коковцов намеревался проводить ту же политику, что и его предшественник на посту министра финансов. Но поскольку в Персии (в отличие от Маньчжурии) речь шла о политике на завтра, Коковцов вынужден был выступить с рядом предложений, вносивших коррективы в те принципы, которых придерживался С. Ю. Витте.

Коковцовым прежде всего был поставлен вопрос о сокращении непроизводительных расходов русского казначейства в Персии, под которыми он подразумевал «ссуды без определенного назначения», т. е. ссуды шахскому правительству. Такие ссуды, как заявлял Коковцов, «вообще не должны иметь места и могут быть разрешаемы лишь в исключительных случаях, причем желательно выговаривать известные для нас выгоды». Однако, рассуждая о том, что «затраты в пользу Персии средств русской казны в то время, когда много самых настоятельных потребностей внутри империи остаются неудовлетворенными, допустимы лишь при том условии, если эти затраты приносят реальные выгоды нашим интересам»,¹⁸⁰ Коковцов вовсе не собирался отказываться от субсидирования русских предприятий, так или иначе связанных с экономической политикой царизма в Персии. Напротив того, на совещании даже был поставлен вопрос «о постепенном расширении» подобного рода предприятий «для приобретения прочного преобладания над иностранцами, которое должно служить нам лучшим залогом усиления общего влияния России в Персии». Совещание высказалось также в пользу приобретения русским правительством новых

¹⁷⁹ Там же, с. 50, 51.

¹⁸⁰ Там же, с. 51.

предприятий в случае, если они окажутся «достаточно выгодными сами по себе».¹⁸¹ Вместо с тем в журнале совещания специально отмечалось, что необходимо «по возможности» поддерживать предприятия, находящиеся только в пределах «Северной Персии, не далее линии, проходящей через Исфагань», с тем, чтобы избежать «чрезвычайно затруднительной» конкуренции с «иностранными державами» и «особенно с Англией».¹⁸² Из этого заявления отнюдь не следует, что совещание в июне 1904 г. приняло решение вовсе отказаться от распространения русского влияния на южные области Персии и тем самым как бы уже предопределило состоявшийся в 1907 г. раздел Персии на сферы влияния Англии и России.

Как видно из журнала, совещание допускало продолжение соперничества с Англией, в том числе и в южных областях Персии, но призывало вести это соперничество с «крайней осмотрительностью», чтобы не вызвать «обострения отношений» с Англией.¹⁸³ Совещание признало также правильной политику, проводившуюся в отношении дорожного строительства в Персии, и приняло постановление, состоявшее из шести пунктов.

«1. Отклонять по возможности всякие просьбы персидского правительства о денежной помощи.

2. Допускать ссуды денег лишь в самых исключительных случаях, по особо важным соображениям политического или экономического характера и при наличии достаточных гарантий.

3. Не домогаться никаких новых концессий, не оправдаваемых собственными выгодами дела.

4. Развивать и усовершенствовать существующие в Персии русские предприятия — банковое, дорожное, транспортное и пр.

5. Противодействовать развитию железнодорожного строительства в Персии.

6. Принимать участие в расширении телеграфной сети как дополнительного к дорожным сооружениям предприятия».¹⁸⁴

¹⁸¹ Там же, с. 53.

¹⁸² Там же, с. 51.

¹⁸³ Там же, с. 53.

¹⁸⁴ Там же, с. 55.

Итак, что же нового вносили решения июньского совещания 1904 г. в русскую политику в Персии? Новое состояло в том, что под влиянием изменившейся обстановки, в условиях, когда каждый день войны неумолимо поглощал золотые запасы Государственного казначейства, царизм вынужден был несколько сократить масштабы экономической экспансии в Персии, приостановив «капиталистическое наступление», которое он вел на персидском рынке в 1903 г., и, главное, ввести в более строгое русло контроля финансовые операции, связанные с расходованием денег в момент, когда само самодержавие так в них нуждалось. То, что царизм получил в апреле—мае 1904 г. 350-миллионный французский заем и временно, до начала 1905 г., обеспечил себя депозитами на военные расходы, не вносило коренного изменения в положение русских финансов и только означало некоторую отсрочку надвигавшегося финансового кризиса. И все-таки самодержавие не хотело отказываться от основных принципов проводившейся им политики в Персии: главные решения июньского совещания 1904 г. об ограничениях при выдаче ссуд были приняты с оговорками или, как говорил Ламздорф, обладали «значительной эластичностью»,¹⁸⁵ что позволяло в зависимости от обстоятельств действовать или в прямом соответствии с ними, или в обход их. В июне 1904 г. в Министерстве иностранных дел еще не потеряли надежды на успешный исход войны, а соответственно и на возможность поправить денежные дела в стране и восстановить равновесие. Да и не только в июне, но и в сентябре 1904 г. министр иностранных дел в инструкции новому русскому посланнику в Тегеране А. Н. Шлейеру (сменившему на этом посту умершего Власова) так сформулировал основные задачи русской политики в Персии, как если бы инструкция была составлена не в разгар военных действий на Дальнем Востоке, а задолго до войны.

«Наша задача, — писал в инструкции для нового посланника Ламздорф, — политически сделать Персию послушным и полезным, то есть достаточно сильным, орудием в наших руках, экономически сохранить за собою обширный персидский рынок для свободного применения на оном русского труда и капиталов, причем тесное со-

¹⁸⁵ Инструкция А. Н. Шлейеру от 30 сентября (13 октября) 1904 г. — Красный архив, 1932, т. 4 (53), с. 34.

отношение и взаимодействие политических и экономических результатов, уже достигнутых нами, создает ту прочную почву, на которой мы должны развивать плодотворную деятельность нашу в Персии».¹⁸⁶ Из этой же инструкции видно, что русское Министерство иностранных дел не изменило в 1904 г. своего отношения и к вопросу о возможности соглашения с Англией за счет раздела персидской территории на сферы влияния, считая, как и прежде, что даже самый факт вступления в переговоры по этому предмету может принести «серьезный вред, подорвав доверие к России» со стороны персидского правительства.¹⁸⁷

Несомненно одно, что и в конце 1904 г. самодержавие, будучи твердо уверено в конечном успехе своей политики, не собиралось пересматривать основные ее принципы, намереваясь действовать до наступления более благоприятного момента по сокращенной программе военного времени.

В соответствии с этой программой, несмотря на последовавшее значительное сокращение кредитов по росписи 1904 г., был сохранен в значительной мере отпуск средств на основные строительные работы, производившиеся русским правительством в Персии. В частности, 3 500 000 руб. было ассигновано на сооружение Джульфа-Тавризской и Казвино-Хамаданской дорог, 400 000 руб. — на оборудование Энзелийского порта.¹⁸⁸ Кроме того, в соответствии с утвержденным Николаем II 24 апреля (7 мая) 1904 г. положением Комитета финансов для переустройства ближайшего к Каспийскому морю Гилянского участка Энзели-Тегеранской дороги было ассигновано еще

¹⁸⁶ Там же, с. 14. — Следует отметить, что Ламздорф подчеркивал полную согласованность программы, изложенной в инструкции, с решениями июньского совещания, считая оба этих документа как бы дополняющими друг друга (там же, с. 34).

¹⁸⁷ Там же, с. 18.

¹⁸⁸ Там же, с. 34. — Неизвестно, погашались ли из этих сумм многочисленные побочные расходы, которые порой, как можно судить по дошедшим до нас источникам, были довольно значительными. Так, например, на строительство Казвино-Хамаданской дороги (начато в апреле 1904 г.) в 1904 г. было ассигновано 2 240 000 руб., в то время как только на взятки различным духовным лицам и персидским чиновникам, так или иначе причастным к строительству, предполагалось затратить в том же году около 9 тыс. руб. См.: Отчет по командировке С. К. Подгурского в Персию 9 мая—21 июня 1904 г., представлен 30 июня (13 июля) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 779, л. 6—6 об.

761 000 руб. «сверх 60 000, расходуемых из эксплуатационных средств дороги».¹⁸⁹

Помимо этих прямых расходов, большие суммы должны были пойти и на финансирование целого ряда предприятий, планировавшихся на 1904 г. и носивших по преимуществу политический характер, таких как открытие отделения Учетно-ссудного банка в Бендер-Бушире для содействия русским торговым операциям на юге Персии, содержание стационарного судна в Персидском заливе, специальная поездка русского посланника по побережью Персидского залива и т. д.¹⁹⁰

Однако, как показало развитие событий после июньского совещания 1904 г., самодержавие, с одной стороны, не хотело отказываться от основных принципов проводившейся накануне войны русской политики в Персии, но, с другой стороны, как мы это увидим ниже, практически было не в состоянии приспособить ее к условиям военного времени. Даже та система незначительных ограничений с бесчисленными оговорками, которую Коковцову удалось утвердить на июньском совещании, на деле не могла быть приведена в действие и, будучи только что принятой, тут же стала нарушаться. Вот тут-то и оказалось, что самодержавие глубоко увязло в своей восточной политике. Безоговорочно повернуть назад означало признать полную капитуляцию, а двигаться вперед не хватало средств и сил. Смерч надвинувшейся войны застал русское самодержавие в Персии на перепутье, когда оно делало отчаянные попытки вернуть потерянную уже координацию движений, но тщетно.

Главное заключалось в том, что шахское правительство не могло обходиться без ежегодных субсидий, без постоянных финансовых вливаний одряхлевший организм персидской монархии просто уже не мог существовать. Персидская государственная машина в эти годы представляла собой настолько изношенный и расстроенный инструмент государственного управления, что даже для такого русского чиновника, как Коковцов, оценивавшего персид-

¹⁸⁹ Отчет по командировке С. К. Подгурского в Персию 9 мая—21 июня 1904 г., представлен 30 июня (13 июля) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 268, оп. 3, д. 779, л. 1.

¹⁹⁰ Инструкция А. Н. Шпейеру от 30 сентября (13 октября) 1904 г., с. 29.

ское государственное хозяйство с позиций русского самодержавного строя, хозяйство это представлялось воплощением хаоса и беззакония. В глазах Коковцова Персия по сравнению с Россией была страной, где «не существует твердо установленный порядок, управление... зиждется на грубой силе, понятия о законности крайне шатки, как центральные, так и местные власти для достижения своих целей не останавливаются перед произволом».¹⁹¹ Такая картина государственного хозяйства Персии больше всего беспокоила Министерство финансов, где не без основания пеклись о кредитоспособности должника. В связи с этим в конце 1903 г. в России был разработан и подготовлен ряд реформ персидской финансовой системы. Но предложить шахскому правительству провести эти реформы в жизнь самодержавие так и не решилось, поскольку, как отметило июньское совещание 1904 г., намечавшиеся преобразования должны были затронуть «ближайшим образом интересы влиятельных классов населения, правителей и духовенства» и не встречали сочувствия со стороны самого шаха.¹⁹²

Между тем персидское правительство со времени второго крупного русского займа 1902 г. ни разу не сводило свой годовой бюджет без дефицита, который покрывался за счет краткосрочных позаймствований то в русском Учетно-ссудном банке, то в английском Шахиншахском банке под высокий процент (от 9 до 12). Но поскольку по условиям займа 1902 г. персидское правительство обязалось не делать долгосрочные займы у Англии, то основным источником покрытия персидских дефицитов, естественно, оставалась русская казна. Однако рассчитывать на реорганизацию персидских финансов не было, а рассчитывать, что Персия будет иметь активный бюджет, не приходилось. При таких условиях отказывать шахскому правительству в деньгах означало бросить шаха на произвол судьбы и толкнуть тем самым в объятия английского соперника. Для русского прави-

¹⁹¹ Журнал Особого совещания по вопросу о финансово-экономической политике России в Персии, 7 июня 1904 г., с. 51.

¹⁹² Там же, с. 52. — На совещании, кроме того, было признано, что проведение реформ в Персии не под силу одной только России и что надеяться на успех возможно было бы «при совместном настоянии» на реформах со стороны России и Англии.

тельства оставалось одно из двух: или отказаться от проводившейся накануне русско-японской войны политики в Персии, или продолжать регулярную финансовую помощь персидскому правительству. Предпринятая же Коковцовым на июньском совещании 1904 г. попытка приспособить старый политический курс к новым условиям, ограничив денежные выдачи персидскому правительству, сразу же встретила серьезные трудности. Достаточно сказать, что в том же июне 1904 г. русское правительство оказалось втянутым в переговоры о новых, как краткосрочных, так и долгосрочных, выдачах персидскому правительству.

В начале мая 1904 г. русское правительство начало выплату денег по ссуде в 1 200 000 туманов (отсрочка текущих обязательств на 700 000 и выдача вновь 500 000 туманов), разрешение на которую было дано Николаем II еще 13 (26) февраля 1904 г. одновременно с распоряжением о созыве совещания для обсуждения дальнейшего направления русской политики в Персии. По условиям ссуды она подлежала погашению в пятилетний срок, причем персидское таможенное ведомство должно было делать ежемесячные взносы в Учетно-ссудный банк по 20 000 туманов независимо от всяких других взносов персидского казначейства.

Не успело русское правительство закончить выдачу денег по ссуде, как обнаружилось, что в ближайшем году персидское таможенное ведомство не сможет выполнить принятые им на себя по условиям контракта обязательства. 29 июня (10 июля) 1904 г. директор персидских таможен Наус обратился по поручению премьер-министра в Учетно-ссудный банк с ходатайством об отсрочке платежей по ссуде за первый год, составлявших, согласно условиям, 240 000 туманов. Просьба эта мотивировалась «недобором в доходах», вызванным экономическим кризисом и эпидемиями чумы и холеры, сократившими, а «местами даже почти прекратившими всякое торговое движение».¹⁹³

Хотя с точки зрения банковских операций отсрочка платежей была невыгодна, так как Учетно-ссудный банк лишался оборотных средств, а, кроме того, удовлетворение просьбы персидского правительства фактически означало

¹⁹³ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 93.

нарушение решений июньского совещания, «ввиду политических обстоятельств» по настоянию министра иностранных дел в самом начале августа 1904 г. Коковцов разрешил Учетно-ссудному банку «не настаивать на требовании своевременного взноса шахским правительством причитающихся по последней ссуде платежей».¹⁹⁴ Более того, в июне же месяце 1904 г. русское правительство вступило в переговоры о новой ссуде в 2 млн туманов, первоначально запрошенных персидским правительством на реорганизацию армии.

Дальнейшее развитие событий окончательно вскрыло всю несостоятельность попыток приспособить экономическую политику царизма в Персии накануне русско-японской войны к условиям военного времени.

*

В конце июня 1904 г. в Петербурге стало известно о poslanном персидским правительством приглашении австрийским военным инструкторам принять участие в некоторых реформах персидской армии. Русский поверенный в делах А. С. Сомов, сообщивший об этом в донесении от 23 июня (6 июля) 1904 г., одновременно изложил и содержание бесед по этому вопросу, которые он вел с персидским министром иностранных дел и премьер-министром. Как выяснилось позднее, за этим новым маневром персидского правительства прежде всего скрывалась попытка раздобыть очередную ссуду в России. Пока же со слов персидских министров Сомов сообщал, что Персия намерена иметь «свое маленькое обученное и вооруженное войско», без которого она не может давать «должный отпор» англичанам, в то время как те чужими руками «давят Персию с востока», «выставляют вместо себя афганцев, белуджей, курдов, бахтиаров и т. п., вооружают их новейшим скорострельным оружием, даже пушками, а сами прячутся за их спины».¹⁹⁵

Возможно, что персидский премьер и министр иностранных дел, заранее готовясь к разговору с русским дипломатическим представителем, разучили и распреде-

¹⁹⁴ Там же, л. 98.

¹⁹⁵ Сомов — Ламздорфу, 23 июня (6 июля) 1904 г. ЦГИА СССР. Ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 4.

лили свои роли. От министра иностранных дел Сомов узнал, будто шах оскорблен сделанным ему незадолго до того через русского посланника «письменно и устно в резкой форме» заявлением, что «Персия не имеет права приглашать других инструкторов, кроме русских», и потому вопреки русским настояниям, чтобы еще раз подчеркнуть свой суверенитет, он и решился пригласить австрийских офицеров.¹⁹⁶ Это было сказано в достаточно категорической форме. Для того чтобы «смягчить дурное впечатление, произведенное в России приглашением австрийцев», министр иностранных дел изъявил готовность добиться от шаха разрешения пригласить наряду с австрийскими еще двух русских инструкторов. Из разговора же с садр-азамом¹⁹⁷ Сомов, напротив, выяснил, что дело поправимо. Персидский премьер-министр обещал «употребить все усилия, чтобы убедить шаха отделаться от австрийских инструкторов» и пригласить вместо них русских, по требовал выдать на реорганизацию персидской армии «заимоборазно и секретно» 2 млн туманов (около 3.5 млн руб.).¹⁹⁸ Самую просьбу о ссуде садр-азам облек в такую словесную форму, что из сказанного им вытекало: отказ будет воспринят в Персии как признак слабости и финансовой беспомощности России. «Хотя сэр Гардинг (английский посланник, — Б. А.) и заявляет, что у России нет более ни одного свободного рубля и ни одного солдата», объяснил Сомову персидский премьер, тем не менее он, садр-азам, «решается» все-таки просить императорское правительство «о денежном пособии», он понимает, что «ни одному персидскому министру не приходилось просить денег у России в столь неудобную для нее минуту, но ни один из них не выказывал ей еще такого доверия и не впадал в ее руки такого важного оружия против англичан».¹⁹⁹

Как бы то ни было, весь этот нехитрый водевиль, разыгранный персидскими министрами для русского дип-

¹⁹⁶ Там же, л. 3.

¹⁹⁷ Садр-азам (Айн эд-Доуле) — персидский премьер-министр, сменивший на этом посту атабек-азама (Али-Аскер-хана), придерживавшегося прорусской ориентации.

¹⁹⁸ Сомов — Ламздорфу, 23 июня (6 июля) 1904 г. ЦГИА СССР. Ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 4—5.

¹⁹⁹ Там же, л. 4 об.

ломатического представителя, был передан Сомовым в Петербург и произвел там нужное впечатление.

Высказанная садр-азамом готовность убедить шаха пригласить для реорганизации персидской армии русских военных инструкторов вместо австрийских сразу же встретила поддержку в русском Военном министерстве и в Министерстве иностранных дел. Ни военный министр, ни министр иностранных дел не считали нужным интересоваться финансовой стороной дела, хотя, естественно, вопрос о новой ссуде в 2 млн туманов, затребовавшихся садр-азамом на проведение реорганизации армии, сразу же оказался в центре переговоров. Сколько ни пытался Коковцов убедить своих коллег в том, что казначейству придется «урезывать кредиты, необходимые на дело нашей обороны», ради «усиления военного значения другого государства»,²⁰⁰ ни В. В. Сахаров, ни Ламздорф не изменили своего отношения к предстоявшим переговорам. Не помогли и ссылки Коковцова на решения июньского совещания.²⁰¹

Между тем персидское правительство продолжало действовать. 20 октября (2 ноября) 1904 г. Сомов известил Ламздорфа о готовившейся в Тегеране посылке в Петербург с чрезвычайным посольством принца Мирза-Риза-хана. Формальным поводом для назначения чрезвычайного персидского посольства в Россию послужило подписание персидского ордена родившемуся в июле 1904 г. наследнику и подарка императрице. Основное же поручение, возложенное на принца Мирза-Риза-хана персид-

²⁰⁰ Коковцов — Сахарову, 29 июля (11 августа) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 11.

²⁰¹ В полемике Коковцова с Ламздорфом по вопросу об оказании финансовой поддержки персидскому правительству для реорганизации армии отразился противоречивый характер решений июньского совещания 1904 г. В то время как Коковцов высказывался против новых субсидий персидскому правительству и призывал к «осторожному» расходованию средств, ссылаясь на 1-й пункт решения июньского совещания, Ламздорф, напротив, настаивал на необходимости выдать ссуду и ссылался на пункт 2-й решения совещания, заявляя, что, согласно этому пункту, ссуда должна быть выдана, поскольку выдача ее мотивируется «особо важными соображениями политического характера». См.: Коковцов — Ламздорфу, 29 июля (11 августа) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 8; Ламздорф — Коковцову, 22 июля (4 августа) 1904 г. Там же, л. 2.

ским премьер-министром, состояло в том, чтобы хлопотать в России об открытии персидскому правительству в Учетно-ссудном банке текущего счета в 5 млн руб.²⁰² Эти 5 млн руб., по сведениям, полученным Сомовым от самого принца Мирза-Риза-хана, садр-азам собирался употребить на реорганизацию армии и проведение реформы, будто бы предусматривающей введение гильдий и обложение купечества. Погашение сумм, предоставленных по текущему счету, если бы он был открыт, садр-азам рассчитывал производить за счет доходов от введения гильдий. На случай, если в ссуде будет отказано, садр-азам поручил Мирза-Риза-хану просить разрешения русского правительства «устроить» Персии текущий счет в английском банке и «не считать шаг этот за враждебный».²⁰³

В ответ на известие о готовящемся приезде Мирза-Риза-хана в Военном министерстве решено было немедленно созвать совещание, чтобы обсудить окончательно вопрос о реорганизации персидской армии и подготовиться тем самым к возможным переговорам с персидским чрезвычайным послом. Такое совещание и было созвано 24 ноября (5 декабря) под председательством временно исполняющего дела начальника главного штаба генерал-лейтенанта Фролова и при участии в качестве представителя от Министерства иностранных дел русского посланника в Тегеране Шпейера. Из представителей Министерства финансов никто не был приглашен на это совещание, а о решениях совещания Коковцов узнал от военного министра В. В. Сахарова только через несколько дней после того, как оно закончило свою работу. Решения же, принятые совещанием, прямо противоречили той позиции, которую министр финансов занимал в вопросе о реформе персидской армии. Совещание признало необходимым представить персидскому правительству кредиты на реорганизацию вооруженных сил и при обсуждении вопроса о гарантиях предстоящей ссуды единодушно поддержало посланника, заявившего, что де о гарантиях печего особенно беспокоиться, так как даже при «затяжке» платежей «большая задолженность Персии только

²⁰² Сомов — Ламздорфу, 20 октября (2 ноября) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 29.

²⁰³ Там же.

выгодна» для осуществления стоящих перед Россией в Персии «исторических задач».²⁰⁴

Таким образом, Шпейер без труда провел через совещание в Военном министерстве тот самый принцип русской политики в Персии, который русское Министерство иностранных дел (тогда в лице Власова) отстаивало в июне 1904 г. и против которого Коковцов решительно выступал накануне июньского совещания. На этот раз Коковцов был поставлен перед свершившимся фактом и мог только объявить о своем несогласии с зафиксированным в результативной части журнала заявлением Шпейера.²⁰⁵ В основном же вопросе о ссуде Коковцов уступил требованиям военного министра и министра иностранных дел. Правда, Коковцов обусловил свое согласие требованием, чтобы, во-первых, до выдачи денег точно была установлена окончательная общая цифра ссуды, во-вторых, чтобы персидское правительство представило «надежное обеспечение возврата ссуды и уплаты процентов», а также «обязательство, что оно не обратится за помощью в военном деле к другой иностранной державе», и, наконец, в-третьих, чтобы ссуда выплачивалась «в зависимости от состояния Государственного казначейства, притом в большей части не ранее окончания войны с Японией». Все эти три условия Коковцов сообщил в Тегеран 22 декабря (4 января 1905 г.) 1904 г. Грубе, который должен был поступить «в полное распоряжение послапника» для ведения переговоров с персидским правительством о точных условиях выдачи ссуды.²⁰⁶

Стоило, однако, переговорам о реорганизации персидской армии перейти на деловую почву, как обнаружилось, что персидское правительство всерьез интересовал только вопрос о ссуде и не более. В конце января 1905 г. стало известно, что шах не отказался от приглашения австрийских инструкторов и в Вене подписан контракт о приня-

²⁰⁴ Журнал совещания о реорганизации персидской армии при помощи наших инструкторов, 24 ноября (5 декабря) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 41. — Коковцов получил журнал совещания с сопроводительным письмом В. В. Сахарова от 30 ноября (11 декабря) 1904 г.

²⁰⁵ Коковцов — Ламздорфу, 11—12 (24—25) декабря 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 42—43 об.

²⁰⁶ Коковцов — Грубе, 22 декабря (4 января 1905 г.) 1904 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 55, 55 об.

тии на персидскую военную службу четырех отставных австрийских офицеров, в том числе одного полковника, которому в Персии был обещан генеральский чин.²⁰⁷ Попытки убедить садр-азама вначале не подписывать, а затем разорвать контракт с австрийскими инструкторами ни к чему не привели; безуспешными оказались и переговоры непосредственно с шахом, у которого посланник утром 5 (18) марта 1905 г. добился специальной аудиенции. Шах отклонил русские претензии, сославшись на протест, заявленный английским посланником, и на его требование в случае допущения русских допустить и английских инструкторов в персидскую армию. В целом же в результате аудиенции у посланника осталось впечатление, что воспику реформу вообще не предполагалось проводить и переговоры о ней лишь служили предлогом для того, чтобы просить ссуду.²⁰⁸

После того как вопрос о реорганизации армии отпал, вопрос о кредитах продолжал оставаться для персидского правительства столь же острым, как и прежде. Но теперь у него не было другого выхода, как откровенно заявить, что деньги нужны на поездку шаха в Европу, намечавшуюся на апрель 1905 г., и наследнику (валиахду) на управление страной в отсутствие шаха. А чтобы все-таки заставить русское правительство выдать нужную ссуду, была сделана попытка вновь сыграть на англо-русских противоречиях. Через несколько дней после того как русскому правительству стало известно, что деньги необходимы на поездку шаха и наследнику, 29 марта (11 апреля) к Грубе явился секретарь садр-азама и сообщил ему, что английский посланник уже предлагал без всяких политических условий ссуду в 2 млн туманов и что предложение это будет принято, если премьер-министр не получит денег в России. Одновременно из другого персидского источника русский посланник получил сведения, будто Гардинг предлагал полтора миллиона фунтов стер-

²⁰⁷ Телеграммы Грубе от 17 (30) января и 3 (16) февраля 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 61, 64, 64 об.

²⁰⁸ Грубе — Коковцову, 5 (18) марта 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 303, л. 80. — Видимо, не желая обострять отношения с Россией, а может быть, и в самом деле не нуждаясь в австрийских инструкторах, шах распорядился после подписания контрактов отложить их выезд в Персию до его поездки в Европу.

лишгов «взамен обязательств персидского правительства» не делать России «никогда» и «никаких уступок на юге Персии», причем тот же источник сообщил Шпейеру, что минувшим летом англичане вообще будто бы предлагали купить Сеистан.²⁰⁹ Английское правительство действительно активно вмешалось в русско-персидские переговоры о пово́й ссуде правительству шаха. Вскоре русские дипломатическое и финансовое ведомства получили возможность точно и подробно узнать о шагах, предпринимавшихся английским посланником с целью вклиниться в русско-персидские переговоры и навязать персидскому правительству на выгодных для английской стороны условиях предоставление ссуды, в которой оно пуждалось. Известно это стало в самом конце апреля—начале мая, когда директор Учетно-ссудного банка А. Остроградский через Науса ознакомился с официальной секретной перепиской, которую последний вел с английским посланником с того момента, когда Гардингу стало известно о русско-персидских переговорах в «связи с реорганизацией армии. Несмотря на короткий срок, в течение которого велась эта переписка, как сообщал Остроградский, она «разрослась в объемистое dossier», так как Гардинг, «помимо личных ежедневных визитов» к Наусу, буквально засыпал директора таможен своими письмами, отправляя ему по три-четыре письма в день.²¹⁰

Как понял Остроградский из этой переписки, Артур Гардинг одновременно с протестом против приглашения русских инструкторов сделал персидскому правительству предложение о беспроцентной ссуде в 1 млн фунтов стерлингов, из которых 500 тыс. были бы выданы в виде безвозвратной субсидии, а остальные 500 тыс. числились бы за персидским правительством в виде долга до тех пор, пока шах не смог бы «дать Англии железнодорожную монопольную концессию на юге» страны.²¹¹

По довольно точной квалификации Остроградского, сделка эта означала бы покупку Гардингом за 1 млн фун-

²⁰⁹ Грубе — Коковцову, 29 марта (11 апреля) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 3, 3 об.

²¹⁰ Остроградский — Барку, 7 (20) мая 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 43 об.—44.

²¹¹ Там же, л. 42.

тов стерлингов исключительного права на железнодорожное строительство в Южной Персии с отнесением срока действительной выдачи концессии до той поры, когда Персия освободится от обязательств, данных России, вообще не строить у себя железных дорог.

Предложение английского посланника персидский премьер-министр отклонил точно так же, как и русские предложения о приглашении инструкторов (инициатором которых, как мы помним, был сам персидский премьер-министр). «Очевидно садр-азам считал, — комментировал этот поступок персидского премьера Остроградский, — что еще не назрел вопрос о продаже Персии с аукциона, кроме того, считал наши 2 000 000 туманов слишком скромным эквивалентом тех прав, которые давало реформирование армии под исключительным надзором русских инструкторов, а английский миллион фунтов был слишком незначителен, чтобы целиком расплатиться с Россией и тем окончательно избавиться от прежних обязательств и открыто „переменить“ курс».²¹²

Как удалось выяснить Остроградскому все из той же переписки Науса с Гардингом, садр-азам, отклонив поначалу и русские, и английские предложения, очень скоро в поисках денег вынужден был все-таки вновь обратиться в английский банк. Персидский премьер сделал попытку воспользоваться тем, что персидское правительство имело право по условиям концессионного соглашения пользоваться в Шахиншахском банке специальным текущим счетом в размере 1 млн туманов. К маю 1905 г. долг персидского правительства банку достиг 1 300 000 туманов. В связи с этим садр-азам и предложил директору Шахиншахского банка Рабино записать 1 млн туманов в счет основного долга, а остальные 300 тыс. числить по текущему счету, на котором в результате остались бы свободными еще 700 тыс. туманов. Эту операцию, представлявшую собой не что иное, как обычный заем, только в несколько замаскированной форме, правление английского банка сразу же отклонило. Но зато оно охотно согласилось на другую операцию, предложенную персидским правительством взамен первой: учесть за 40 лет вперед те суммы, которые английский банк обязан был выплачивать

²¹² Там же, л. 42 об.

ежегодно (по условиям концессионного соглашения) за право выпуска банкнот, что составило бы в общей сложности 150 тыс. фунтов стерлингов. Намеченная сделка почти уже состоялась, когда в переговоры между банком и персидским правительством вмешался Гардинг, потребовавший от Рабино предъявления садр-азаму условий политического характера. Гардинг настаивал, чтобы персидское правительство дало обязательство предоставить английской миссии в Тегеране право выбора лиц (посторонних) для участия в намечавшихся работах по орошению долины р. Карун.²¹³

По сведениям, почерпнутым Остроградским из переписки Науса с Гардингом, именно вмешательство английского посланника со своими требованиями побудило садр-азаму «впервые после перерыва переговоров об инструкторах» поручить Наусу снова хлопотать о ссуде в русском банке.

Итак, в конце марта—начале апреля 1905 г. переговоры о ссуде в России фактически вступили в новую фазу: вопрос о реорганизации персидской армии бесповоротно отпал, и теперь в центре внимания переговоров оказались предстоящая поездка шаха за границу и оказание денежной поддержки наследнику для управления Персией во время путешествия шаха по Европе.

На этот раз еще острее, чем прежде, проявились противоречия между Министерством финансов и Министерством иностранных дел по вопросу о финансовой политике в Персии. Как можно судить по донесениям представителей Министерства финансов в Персии, русский посланник в Тегеране по-прежнему отстаивал принцип «возможно большего задалживания Персии России, видя в этом единственное средство добиться полного преобладания» русского влияния в империи шаха.²¹⁴

Естественно, что А. П. Шпейер и поступал в соответствии с этим принципом. После провала переговоров о приглашении русских инструкторов он по собственной инициативе поднял вопрос сначала о выдаче персидскому правительству ссуды в 2 млн руб. без каких бы то ни было политических условий, затем о финансовой под-

²¹³ Остроградский — Барку, 7 (20) мая 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 174, л. 43 об.

²¹⁴ Там же, л. 44 об.

держке наследника (без точного определения суммы этой поддержки) и, наконец, снова о выдаче миллионной ссуды персидскому казначейству.²¹⁵ Все эти действия посланник предпринимал независимо от действий русского финансового агента Э. К. Грубе, который в свою очередь уже после официального обращения персидского правительства с просьбой о ссуде вел переговоры с Наусом, пытаясь выяснить, какая же сумма в самом деле необходима персидскому правительству. В результате несогласованных действий А. Н. Шпейера и Э. К. Грубе в Петербурге некоторое время не имели четкого представления о точном размере ссуды, которую Россия должна была кредитовать Персии. Тем не менее уже самый вопрос о новой ссуде вызвал энергичные протесты со стороны министра финансов. Что касался Ламздорфа, то он до тех пор, пока не были ясны официальные мотивы, по которым персидское правительство намеревалось вновь просить денег в России, склонен был, как и Коковцов, отказаться вступать в новые переговоры о займе. Однако, когда персидское правительство заявило, что деньги предназначаются валиахду для управления страной в отсутствие шаха, а из Тегерана стали поступать известия о настойчивых попытках английского посланника навязать Персии заем на выгодных для Англии политических условиях,²¹⁶ Ламздорф начал решительно требовать согласия Коковцова на выдачу новой ссуды, ссылаясь на политическое значение предстоящей операции. И на этот раз, настаивая на продолжении обременительной для русского казначейства финансовой политики в Персии, министр иностранных дел не подумал посчитаться с финансовым состоянием самой России. Безуспешно Коковцов пытался объяснить Ламздорфу, что дальнейшее финансовое соперничество с Англией в Персии невозможно, так как Россия в сравнении с Англией даже в мирное время обладает «значительно меньшими денежными ресурсами для ведения активной политики за гра-

²¹⁵ Там же.

²¹⁶ Как доносил из Тегерана Э. К. Грубе, английский посланник, добиваясь, чтобы заем был сделан в Англии и чтобы были приняты выдвинутые им условия относительно участия англичан в работах по орошению Карунской долины, даже прибег к угрозе «поднять на юге Персии арабские племена», если его требования не будут удовлетворены. См.: Грубе — Барку, 22 апреля (5 мая) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 32 и об.

пицей», а при палиции экстраординарных военных расходов бессмысленно «напрягать средства казны для соревнования с Великобританией», поскольку «затраты Англии могут быть так велики, что стремление превзойти таковые может привести к истощению ресурсов Государственного казначейства».²¹⁷

Эти не лишние выразительности пространные объяснения Коковцова, смысл которых в сущности сводился к одному: «Разве мы можем тянуться за Англией, разорим себя»,²¹⁸ — равно как и постоянное требование министра финансов, чтобы о его отношении к предстоящей ссуде было доложено Николаю II, не изменили общей позиции министра иностранных дел и даже несколько неожиданным образом отразились на решении последнего. После всеподданнейшего доклада по персидским делам у Николая II, состоявшегося в самом начале мая 1905 г. Ламздорф сообщил Коковцову, что, принимая во внимание мнение Коковцова о «нежелательности» «вдаваться» в соревнование с Англией в деле финансовой помощи Персии, он считает необходимым заключить «определенное соглашение с шахским правительством», которое обеспечивало бы известное преобладание России в Тегеране и тем самым исключало бы необходимость дальнейшего финансового соперничества там с Англией.²¹⁹ Практические же шаги, которые Ламздорф намерен был предпринять в связи с этим решением, состояли в следующем: сейчас не выдавать никаких крупных ссуд персидскому правительству, но выдать просимые 500 тыс. туманов валиахду на управление страной с тем, чтобы шах мог спокойно путешествовать по Европе, а затем, воспользовавшись пребыванием шаха в Петербурге, добиться заключения с ним соглашения, которое разом разрешило бы все вопросы англо-русского соперничества в Персии в пользу

²¹⁷ Коковцов — Ламздорфу, 22 апреля (5 мая) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 27 об.—28.

²¹⁸ См. помету Коковцова на письме Ламздорфу от 16 (29) апреля 1905 г. (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 19).

²¹⁹ Ламздорф — Коковцову, 11 (24) мая 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 63—64. — Это решение Ламздорф, по-видимому, принял также под влиянием заявлений персидского премьер-министра и наследника престола, сделанных весной 1905 г., о желании персидского правительства войти в более тесные отношения с Россией.

России. По существу, план Ламздорфа не отличался ни оригинальностью, ни новизной. Подобная же попытка приблизить развязку явно затянувшегося русско-персидского «сближения» была уже сделана во время переговоров о приглашении инструкторов для реформы персидской армии, но, как известно, оказалась неудачной.

Как мы увидим ниже, та же участь постигла и новую затею министра иностранных дел. Пока же непосредственный результат принятого Ламздорфом решения заключался только в одном: персидское правительство в конце мая получило очередную ссуду в 500 тыс. туманов (около 850 тыс. руб.) из 12% годовых сроком на четыре года. Как и большинство русских займов Персии, новая ссуда была выдана по соображениям чисто политического характера в надежду своевременной услугой расположить валлахда к русскому правительству; как и предшествовавшие ей субсидии, ссуда эта по формальным условиям гарантировалась таможенными доходами персидского правительства, но на деле ввиду хронического дефицита шахской казны реальных гарантий не имела.

Впрочем, новая ссуда не могла быть употреблена персидским правительством по назначению, так как срочные персидские долги по русским займам к моменту ее выдачи были настолько велики, что почти вся подлежащая выдаче сумма в 500 тыс. туманов осталась в распоряжении Учетно-ссудного банка для погашения срочных платежей русскому правительству,²²⁰ а персидское правительство уже в конце июня 1905 г. выступило с новой просьбой об увеличении ссуды вдвое на тех же условиях.²²¹ Кроме того, вскоре очевидной стала также и необходимость для Персии заключить новый крупный заем. Круг

²²⁰ Как писал Наус Шпейеру, из 500 тыс. туманов 360 тыс. остались в Учетно-ссудном банке и только 140 тыс. были выданы персидскому правительству. См.: Наус — Шпейеру, 22 июня (5 июля) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 59—63.

²²¹ Ламздорф — Коковцову, 30 июня (13 июля) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 171, л. 83 и об. — Как утверждал директор Учетно-ссудного банка Персии А. Остроградский, персидское правительство фактически «никогда не платило» процентов по русским займам. «Установленные суммы аккуратно поступали в счет купона, но каждый год требовалась или временная ссуда, или заем, значительно превышавшие обязательные платежи». (Остроградский — Барку, 7 (20) мая 1905 г. Там же, л. 45 об.—46).

замкнулся, и вопрос о том, когда, какую сумму и на каких условиях предоставлять персидскому правительству, опять встал перед русскими дипломатическим и финансовым ведомствами и снова сделался центром внимания русско-персидских переговоров. Все повторялось сначала, и только место действия переместилось из Тегерана в Петербург, где теперь ожидали приезда шаха, чтобы вступить с ним в переговоры о соглашении общего характера, которое, по замыслу Ламздорфа, должно было вывести русскую политику в Персии из тупика. Подготовка к переговорам с шахом, которые должны были состояться в России в августе 1905 г., после поездки шаха по Европе, началась в Петербурге почти вслепую: ни Ламздорф, ни тем более Коковцов не имели достаточно ясного представления о том, каковы намерения персидской стороны. Несомненно было только одно, что шах будет просить новый долгосрочный заем на значительную сумму. Но о главном — о готовности персидского правительства вести переговоры относительно дальнейшего русско-персидского сближения — в Петербурге имели только самое общее представление.²²² При таком положении дел подготовка к переговорам в Петербурге вместо обсуждения конкретных вопросов русско-персидских отношений неизбежно приняла характер очередного пересмотра основ русской политики в Персии, вокруг которого вновь развернулась полемика между Коковцовым и Ламздорфом. В ответ на запрос министра иностранных дел Коковцов на этот раз выступил с программой, которая не вызвала уже никакого сомнения в том, что министр финансов считает неизбежным в близком будущем англо-русское соглашение о разделе Персии на сферы влияния, а следовательно, и отказ от прежних принципов русской политики в этой стране.

По существу своему новая программа Коковцова не отвечала намерениям Ламздорфа. Министр иностранных дел готовил соглашение с шахом, которое должно было обеспечить полное преобладание России во всей Персии

²²² Намерения шаха не были известны в России вплоть до самого начала переговоров, и считалось, что «сущность ближайших планов шаха сохраняется в строгой тайне и неизвестна даже персидскому посланнику в Петербурге». См.: Журнал Особого совещания 12 августа 1905 г. по вопросу о будущих отношениях России и Персии. Красный архив, 1933, т. 1 (56), с. 56.

и ущерб английскому сопернику. Министр же финансов выдвигал проект не наступательного, а скорее полуоборонительного характера, с учетом английских интересов на юге Персии, проект, осуществление которого, по его замыслам, могло послужить «основанием для заключения в будущем определенного соглашения с великобританским правительством в видах разграничения сферы интересов Англии и России в Персии».²²³

Коковцов скептически отнесся к проекту союза с Персией, считая, что ввиду ее слабости всякий союз с нею был бы только обременителем для России. Он не скрывал своей уверенности и в том, что если во время переговоров с шахом русское правительство поставит перед собой цель добиться преобладания России «во всей Персии», «то едва ли можно будет рассчитывать на успех переговоров». Коковцов предлагал ограничить сферу влияния России северной частью страны, «примерно до параллели, проходящей через Исфагань». Он высказался против продолжения активной политики по отношению к Южной Персии, заявив, что «официальное содействие» рейсам русских судов в Персидский залив «вызывает понятное раздражение Великобритании», но не может принести ощутимой пользы, поскольку «только северные провинции владений шаха естественно тяготеют к России и падают в финансовую зависимость от русских рынков». Русскую коммерческую деятельность в Южной Персии Коковцов считал необходимым ограничить «исключительно частной инициативой», предоставив ей возможность «развиваться естественным путем».²²⁴

Все внимание России, по мнению Коковцова, должно было быть сосредоточено на укреплении экономической и политической позиции России в Северной Персии и Тегеране. Ради достижения этой цели министр финансов считал возможным предоставить Персии заем в размере 1 млн фунтов стерлингов с тем, чтобы сумма займа была выдана «не зараз, а частями в несколько сроков».²²⁵ Коковцов допускал также возможность и впредь оказывать финансовую поддержку персидскому правительству, по

²²³ Коковцов — Ламздорфу, 23 июня (6 июля) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 11—12 об.

²²⁴ Там же.

²²⁵ Там же, л. 10.

при условии, что оно прекратит «всякие позаймствования у англичан» и особенно в Шахиншахском банке, русские ссуды будут выдаваться персидскому правительству только на «производительные мероприятия», а расходоваться будут «под контролем России». Коковцов вместе с тем настаивал, чтобы был установлен предел возможных субсидий персидскому правительству и оно со своей стороны взяло бы на себя ряд обязательств, обеспечивающих интересы России в Персии, а также приступило бы к проведению необходимых реформ в военном и финансовом деле и вообще во внутренней жизни страны.²²⁶ В окончательном виде все свои соображения по поводу дальнейшей политики России в Персии Коковцов изложил в программе, состоявшей из шести пунктов.

1. Денежные восполнения шахскому правительству должны быть ограничены точным пределом и обращены под контролем России исключительно только на производительные расходы, причем персидское правительство обязуется ни под каким видом не прибегать к займам из английских источников.

2. Шахское правительство обязуется немедленно приступить при содействии и под наблюдением России к проведению реформ в военном деле и внутреннем хозяйстве страны.

3. Северная Персия находится под преобладающим влиянием России, и иностранцы получают здесь промышленные концессии лишь с разрешения последней.

4. Обязательство, касающееся железнодорожного строительства в Персии, данное в 1900 г., возобновляется на новый срок.

5. Учетно-ссудный банк получает исключительное право поставки серебра на Тегеранский монетный двор, причем поставка производится им на комиссионных началах.

6. Персидское правительство предоставляет нам вполне реальные гарантии в том, что изложенные в предыдущих пунктах обязательства будут выполнены.²²⁷

В пяти пунктах из шести, предложенных Коковцовым в качестве программы для предстоящих переговоров с ша-

хом, преимущественно содержались требования, в той или иной форме и в разное время уже выдвигавшиеся русским правительством. (См., например, решения совещания в июне 1904 г.). Исключение составил только пункт третий, в котором и нашло отражение высказанное Коковцовым намерение ограничить сферу интересов России Северной Персией, учитывая реальные возможности русского самодержавия и исходя из вероятности в близком будущем соглашения с Англией о разделе Персии на сферы влияния.

Как и следовало ожидать, именно третий пункт программы Коковцова вызвал наиболее резкие возражения в Министерстве иностранных дел, где в свою очередь подготовили «материал» для «возможных переговоров» с шахом.²²⁸ В Министерстве иностранных дел отнюдь не считали, что предстоящее соглашение с шахом исключает возможность «некоторого общеазиатского соглашения с Англией». Такое соглашение считалось вполне допустимым, если бы «по общеполитическим соображениям» оно оказалось «целесообразным», но только не за счет раздела Персии. Весной 1905 г. в русском Министерстве иностранных дел все еще не допускали и мысли о согласии на раздел Персии, рассматривая подобный шаг как ничем «не оправданное удовлетворение maximum'a требований англичан».²²⁹ Самая же большая уступка, которую Ламздорф считал возможным сделать Англии в случае заключения с ней соглашения по персидским делам, — это принятие на себя русской стороной обязательства, что она «не воспользуется никакой частью персидской территории, особенно на юге», и вообще своим «положением в Персии для действий, явно направленных против Великобритании и ее владений в Индии».²³⁰ В связи с этим пункт третий предложений Коковцова в Министерстве иностранных дел расценили как «идущий совершенно вразрез с исторически установившейся аксиомой русской политики в Пер-

²²⁸ Материал для возможных переговоров при посещении России его величеством шахом персидским. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 75.

²²⁹ Там же.

²³⁰ По-видимому, более подробно свои соображения о возможности соглашения Ламздорф излагал еще во всеподданнейшей записке от 10 (23) мая, которую нам не удалось разыскать. Упоминание о ней см.: ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 75.

²²⁶ Там же, л. 8—15.

²²⁷ Там же, л. 15.

сии».²³¹ «Введение подобного параграфа в соглашение, — говорилось в подготовленной для предстоящих переговоров записке Министерства иностранных дел, — могло бы лишь в корне скомпрометировать оное в глазах персиян» и «подорвать» общие основы русской политики в Персии.²³²

Остальные пять пунктов предложений Коковцова не встретили возражений в русском дипломатическом ведомстве.

Там только не верили, что удастся настоять на продлении срока действия соглашения 1900 г., запрещавшего в течение десяти лет железнодорожное строительство в Персии, но рассчитывали добиться от персидского правительства обязательства после 1910 г. строить дороги прежде всего в экономически развитых районах Северной Персии, с тем чтобы их легко можно было бы соединить с русской железнодорожной сетью.²³³

Одновременно в Министерстве иностранных дел надеялись убедить персидское правительство не выдавать «иностранцам» таких концессий, которые так или иначе могли бы принести ущерб персидской казне, но вместе с тем считали возможным оказывать персидскому правительству «содействие по привлечению на юг нейтральных капиталов».²³⁴

За этими намерениями скрывалась не только попытка поставить под контроль всякое проникновение в Персию иностранных капиталов и, стало быть, концессионную политику персидского правительства, но и надежда на возможность ради сохранения позиций России в Персии обратиться за поддержкой к иностранным «нейтральным» капиталам, услугами которых русское самодержавие так искусно пользовалось в Маньчжурии. В августовской записке Министерства иностранных дел вопрос о привлечении в Персию нейтральных капиталов был поставлен совсем вскользь и тем не менее привлек к себе особое внимание Коковцова, который в личном экземпляре присланной ему Ламздорфом записки только и подчеркнул то

²³¹ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 75 об.

²³² Там же, л. 76, 76 об.

²³³ Материал для возможных переговоров при посещении России его величеством шахом персидским. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 76 об.

²³⁴ Там же.

место, где речь шла об использовании в Персии иностранных капиталов.²³⁵ Но пока это дело не получило никакого движения. Возможно потому, что все внимание министров было сосредоточено на разрешении основных разногласий в связи с дальнейшим направлением русской политики в Персии, для чего и на этот раз по настоянию Коковцова было созвано 12 (25) августа 1905 г. «Особое совещание по вопросу о будущих отношениях России и Персии», которое и выработало окончательно «компромиссную» программу для намечавшихся переговоров с шахом.²³⁶ Программа эта состояла из семи пунктов. Два первых пункта решения совещания — «1. Персия может быть выдана новая ссуда до 10 млн руб. с распределением оной на несколько лет. 2. Персия обязуется не кредитоваться впрямь у Англии (Шахиншахского банка)» — хотя внешне и походили на первый пункт программы, предложенной накануне совещания Коковцовым, но в действительности существенно от нее отличались, так как теперь ни слова не говорилось о том, что выдаваемая ссуда должна быть употреблена на «производительные» расходы.²³⁷ Видимо, предусматривалось бесконтрольное расходование персидским правительством вновь выдаваемой ссуды, так как Коковцов, объявивший на совещании об общих (как «производительных», так и непроизводительных) расходах Государственного казначейства в Персии на 11 августа 1905 г. и назвавший огромную сумму в размере 69 526 918 руб., тут же заметил, что готовящуюся ссуду следует отнести «к чисто политическим, т. е. сомнительно обеспеченным и почти безвозвратным, выдачам».²³⁸

Пункт третий решения совещания — «3. Учетно-ссудному банку должно быть дано исключительное право поставки на комиссионных началах серебра на Тегеран-

²³⁵ Там же.

²³⁶ Журнал Особого совещания по вопросу о будущих отношениях России и Персии, 12 августа 1905 г. — Красный архив, 1933, т. I (56), с. 55—59.

²³⁷ Там же, с. 59.

²³⁸ Там же, с. 56. — Вместе с тем совещание признало необходимым «воздерживаться» в будущем от «всяких затрат, имеющих политическое — прямое или замаскированное — значение (как, например, торговые операции за счет казны), а также от мероприятий, вызывающих необходимость представления крупных оборотных средств» (с. 59).

ский монетный двор» — был полностью заимствован из программы Коковцова.²³⁹

Пункт четвертый — «4. В сопредельных с русской границей областях шахское правительство обязуется не выдавать каких-либо концессий без согласия России» — представлял собой все, что осталось от предложений Коковцова ограничить сферу влияния России Северной Персией. Предложение Коковцова об ограничении сферы влияния не встретило поддержки со стороны участников совещания, которые считали необходимым «избегать» во время переговоров с шахом «всего того, что могло бы дать повод персам заподозрить» с русской стороны «стремление установить какие-либо сферы влияния в Персии».²⁴⁰

Пункт пятый касался вопроса о железнодорожном строительстве в Персии и был сформулирован следующим образом: «5. Персидское правительство обязуется не входить ни с кем в какие бы то ни было переговоры по железнодорожным делам до истечения действующего ныне обязательства шаха и дальнейшие решения свои принять не иначе, как по соглашению с Россией (и не позднее определенного срока перед истечением упомянутого обязательства)».²⁴¹

Наконец, два последних пункта решения совещания были приняты не для предъявления персидскому правительству во время переговоров, а как руководство для дальнейшей политики в Персии по военным вопросам. Они гласили: «6. Ко всяким заказам оружия для Персии за границей нам надлежит относиться отрицательно и в зависимой от нас мере препятствовать таковым. Действительно необходимые поставки могли бы быть сделаны Россией, по возможности из наших старых запасов. 7. Не допуская увеличения числа инструкторов в Персии нам желательно несколько усилить персидские войска с русскими кадрами».²⁴²

²³⁹ Там же, с. 59.

²⁴⁰ Там же, с. 58.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Там же, с. 58, 59. — Пункт шестой был принят совещанием в связи с тем, что персидское правительство через своего посла в Париже сделало заказ французским заводам на оружие на сумму 5 млн франков. Оно даже предприняло попытку добиться гарантии оплаты заказа со стороны Парижско-Нидерландского банка, но последний, «следуя советам из Петербурга», отклонил просьбу персидского правительства.

Если сопоставить решения, принятые на Особом совещании в июне 1904 г., с решениями августовского совещания 1905 г., то может даже создаться впечатление, что за год с небольшим, разделяющим эти два события, русская политика в Персии проделала эволюцию в сторону дальнейшей ее активизации. Такое впечатление может создаться хотя бы потому, что на первом совещании было принято решение не выдавать новых субсидий персидскому правительству на непроизводительные расходы, а на втором речь шла о новом 10-миллионном займе, расходование которого персидским правительством должно было носить бесконтрольный характер.

Однако в действительности за решениями августовского совещания скрывались не более как тщетные усилия русского Министерства иностранных дел удержаться в Персии на старых позициях кануна русско-японской войны. Эта последняя и решающая, по замыслу Ламздорфа, попытка укрепить русское влияние в Персии так и осталась попыткой на бумаге. Русскому правительству оказалась не под силу выдача нового 10-миллионного займа; царизм сам неуклонно катился навстречу небывалому еще финансовому кризису; персидское же правительство совсем не собиралось окончательно и бесповоротно связывать свою судьбу с русским самодержавием, международная репутация которого так серьезно была подорвана неудачами на Дальнем Востоке. Персидскому правительству до зарезу нужны были деньги, но оно, видимо, не теряло надежды добыть пужную сумму либо в той же России, либо в Англии, не связывая себя окончательно ни с той, ни с другой стороной, а продолжая политику лавирования между соперничающими державами. Потому-то шах до приезда в Россию и держал в тайне свои намерения, а когда в конце августа—начале сентября 1905 г. он начал вести в Петергофе и в Петербурге переговоры с Николаем II и Ламздорфом, то выдвигал предложения, несколько неожиданные для русской стороны и, разумеется, ничего общего не имевшие с заранее подготовленной в России программой. Предложения персидского правительства свидетельствовали о том, что оно совершенно не собиралось вести переговоры по общим вопросам о дальнейшем сближении с Россией и не намерено было брать на себя какие бы то ни было новые обязательства по отношению к последней. Напротив того,

оно рассчитывало добиться даже кое-каких уступок. Промемория персидского правительства, врученная Ламздорфу садр-азамом 22 августа (4 сентября) 1905 г., помимо просьбы о ссуде в 15 млн руб. на возведение укреплений в Сеистане и Белуджистане для защиты этих провинций от «возможных действий со стороны Англии», содержала еще две просьбы к русскому правительству по частным вопросам. Персидское правительство, во-первых, просило оказать ему «дружеское содействие в деле освобождения Персии от индийских солдат сипаев», охранявших английские дипломатические учреждения, соответственно предлагалось и России отозвать охрану русской миссии, состоявшую из казаков, а также преобразовать функционировавшую в Персии русскую комиссию Гомбад-Габуз из постоянной в периодическую. Во-вторых, персидское правительство настаивало на том, чтобы были пропущены через Кавказ оружие и материалы, заказанные им во Франции и Австрии для фортификационных работ в Сеистане и Белуджистане.²⁴³ Этими тремя предложениями, а точнее просьбами и исчерпывалась программа переговоров, привезенная шахом в Петербург.

Разумеется, программа эта ничего общего не имела с видами русского Министерства иностранных дел, и, хотя она была подана как проект русско-персидского соглашения, направленного против Англии, в Министерстве сразу же поняли, что принятие этой программы не только не усилило бы позиции России в Персии, но связало бы ее новыми обязательствами по финансированию строительства военных укреплений на восточных границах Персии. Естественно, что предложения персидского правительства не встретили отклика в русском дипломатическом ведомстве. В составленном в ответ на предложения персидской стороны проекте протокола секретного соглашения, одобренного Николаем II 24 августа (6 сентября) 1905 г., все три просьбы персидского правительства по сути дела были отклонены. В проекте протокола говорилось, что Персии может быть предложен не 15-миллионный, а только 10-миллионный заем с выдачей по частям в течение трех лет. Вместо разрешения на транзит через Кавказ вооружения, заказанного во Франции и Австрии,

²⁴³ Промемория персидского правительства 22 августа (4 сентября) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 103.

персидскому правительству предлагалось приобрести оружие в России, причем русское правительство готово было «в случае надобности» предоставить «потребное количество оружия» и «припасов» к нему. Оно заявляло о своей готовности «содействовать» укреплению Сеистана и Белуджистана в военном отношении, но тут же оговаривало эту готовность тем, что серьезные фортификационные работы «потребуют громадных расходов», в то время как «недостаточные работы представили бы больше опасности, чем пользы».²⁴⁴ Весьма уклончивый ответ был дан и на просьбу персидского правительства об оказании помощи в деле вывода из страны войск английских и русской охраны при дипломатических ведомствах.²⁴⁵

В заключение протокола персидскому правительству были предъявлены встречные требования, основанные на программе переговоров, выработанные советским и персидским правительствами на характер соглашения, обнаружившиеся во время петергофских переговоров 1905 г., оказались настолько значительными, что ни о каком соглашении в данный момент не могло быть и речи. Весь смысл переговоров свелся исключительно к тому, что стороны изложили открыто свои позиции; этим дело и ограничилось. Как сообщил Коковцову Ламздорф 24 августа (6 сентября) 1905 г., шах «после долгих колебаний» не решился допустить садр-азаму подписать

²⁴⁴ Проект протокола секретного соглашения, высочайше одобренного 24 августа 1905 г. и основанного на заключении Особого совещания 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 175—176.

²⁴⁵ Там же. — «Императорское правительство, — говорилось по этому поводу в проекте протокола, — изъявляя готовность оказывать в пределах возможного все свое дружеское содействие в деле освобождения Персии от присутствия сипаев, заявляет, что немедленно после удаления их отзовет казаков, составляющих охрану русских дипломатических учреждений».

²⁴⁶ Там же. — В проекте протокола секретного соглашения эти требования были изложены в следующей форме: «Со своей стороны персидское правительство обязывается: а) не кредитоваться у Англии, б) предоставить Учетно-ссудному банку монополию на поставку серебра на монетный двор в Тегеране на комиссионных началах, в) не выдавать в областях, сопредельных с Россией, никаких концессий без согласия последней и д) не входить ни с кем ни в какие переговоры по железнодорожным делам до истечения срока действующего ныне обязательства шаха».

предложенный русской стороной протокол и поручил персидскому посланнику в Петербурге Мирза-Хассан-хану продолжить и завершить начатые в Петергофе переговоры.²⁴⁷ Персидские представители ссылались на недостаточность времени для «всестороннего обсуждения предложенных условий», но основная причина отсрочки переговоров, как об этом прямо заявил Ламздорфу персидский посланник, состояла в том, что русские требования, изложенные в пунктах «а», «b» и «с», были признаны шахом и премьер-министром «слишком тяжелыми».²⁴⁸

После отъезда шаха из России едва ли можно было уже рассчитывать на то, что продолжение переговоров принесет какие-то реальные результаты. Очевидность полной неудачи проектировавшегося в русском Министерстве иностранных дел окончательного соглашения с Персией, которое вывело бы из туши русскую политику в отношении последней, была несомненной. Возобновившиеся вскоре после отъезда шаха и затянувшиеся почти до конца 1905 г. переговоры о русско-персидском соглашении, а главное о представлении Персии новых кредитов, ни на йоту не сдвинули дело с мертвой точки. 14 (27) сентября персидский посланник вручил русскому правительству промеморию, которая являлась официальным ответом на русские предложения, сделанные шаху во время петергофских переговоров. В промемории прямо указывалось на то, что проект секретного протокола, предложенный русским правительством в Петергофе, совершенно не соответствовал взглядам и намерениям персидского правительства и что всякие новые уступки его России вызовут новые претензии со стороны Англии. В промемории обращалось внимание на особенную неприемлемость пунктов «b» и «с» проекта секретного протокола. Персидское правительство опасалось их принять из-за возможных обострений с Англией и потому, что проведение в жизнь этих унижительных условий могло вызвать у персидских подданных «отвращение к своему правительству». Выражая сожаление о том, что во время поездки шаха в Россию и петергофских переговоров не

²⁴⁷ Ламздорф — Коковцову, 24 августа (6 сентября) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 120.

²⁴⁸ Там же.

удалось достичь желательного «сердечного согласия», персидское правительство вновь настаивало на положительном рассмотрении выдвинутых им требований, давая понять, что в противном случае оно вынуждено будет «ждать более реальных возможностей» для заключения соглашения.²⁴⁹

В Петербурге готовы были пойти на незначительные уступки, в частности, считали возможным несколько изменить редакцию пункта «с» в том смысле, что персидское правительство взяло бы на себя обязательство не выдавать в Северной Персии без разрешения России концессий иностранцам, а о концессиях, выданных персидским подданным, только ставило бы русское правительство в известность.²⁵⁰ Однако серьезно пересматривать программу соглашения, изложенную в проекте секретного протокола, в Петербурге не собирались; не собирались и выдавать до подписания соглашения, как это бывало прежде, какие бы то ни было авансы в счет будущего долгосрочного займа.²⁵¹ Во-первых, в сентябре—октябре 1905 г. Россия сама уже находилась буквально на грани финансовой катастрофы и в русском Министерстве финансов лихорадочно искали пути к спасению, во-вторых, известия, поступившие из Тегерана, совсем не располагали русское правительство к уступчивости.

Осенью 1905 г. после возвращения шаха из Европы казна была «совершенно пуста» и, как сообщал из Тегерана Э. К. Грубе, даже на таможенных счетах персидского правительства не было денег для уплаты «условленных платежей» по ссудам. Учитывая это, Грубе считал «необходимым» при ведении переговоров о займе предъявить персидскому правительству целый ряд требований, затрагивавших вопросы чисто внутреннего порядка, а именно потребовать отставки министра торговли, занимавшегося агитацией против Учетно-ссудного банка, а также гарантий от персидского правительства, что будет сохранен существующий таможенный режим, возглавлявшийся бельгийцами, и что Наус, который был удален по

²⁴⁹ Промемория персидского правительства 14 (27) сентября 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 128—129.

²⁵⁰ Кокорцов — Ламздорфу, 27 сентября (10 октября) 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 130.

²⁵¹ Там же.

настоянию англичан, вернется на пост министра таможен.²⁵²

Предложения Грубе не могли не обратить на себя внимание в Петербурге, ибо на этот раз они не только основывались на довольно точной информации о финансовом положении в стране, обычно исходявшей от бельгийских таможенных служащих, точнее прямо от самого Науса, но и получили поддержку со стороны такого неожиданно вступившего в политическую игру на стороне России союзника, как валиахд. Наследник персидского престола, видимо, решил, что пришло его время действовать, и, желая заручиться поддержкой России, вызвал Грубе на совершенно откровенный разговор. Оказалось, что наследник престола давно уже готовил почву для своего политического выступления и вел секретную переписку с бывшим премьер-министром, враждебно относился к паходившемуся у власти правительству, а теперь счел своевременным посвятить в свои планы и держать в курсе русского представителя Министерства финансов, так как поручил Грубе «составить секретный пифр для сношений с ним».²⁵³ Валиахд, как телеграфировал в Петербург Грубе, «сообщил, что заем неизбежен и что шах в присутствии его приказывал первому министру возобновить переговоры с нашим Учетно-ссудным банком Персии. Валиахд прибавил, что, по мнению его, нам не следует давать денег без торга, а, напротив, необходимо произвести давление, дабы добиться, ввиду полного безденежья, желательных для нас уступок со стороны персидского правительства, между прочим, поддержания существующего таможенного режима и бельгийцев, и что, на его взгляд, шах окончательно утратил способность углубляться в государственные дела».²⁵⁴

Какое впечатление произвела в Петербурге эта хотя и лаконичная, но совершенно убийственная характеристика политического положения в стране, неизвестно. Сознавала ли петербургская бюрократия, что разгорающийся пожар русской революции вызовет мощные

²⁵² Грубо — Барку, 2 (15) октября 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 133.

²⁵³ Грубе — Барку, 4 (17) октября 1905 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 134.

²⁵⁴ Там же.

вспышки революционного движения на Востоке, и что за этой нарисованной Грубе со слов персидского наследника, казалось бы, выгодной в данном случае для русской дипломатии ситуацией в действительности скрывается глубокий политический кризис, и что Персию отделяют считанные дни от революционного взрыва? Скорее всего нет. В ноябре—декабре 1905 г., когда это сделалось явным, в Петербурге было уже не до персидских дел. Едва ли в дни Всероссийской политической стачки в Зимнем дворце или в Министерстве иностранных дел обдумывали новые проекты русско-персидского соглашения.

УЧЕТНО-ССУДНЫЙ БАНК ПЕРСИИ В 1906—1914 гг.

Англо-русские отношения после русско-японской войны.
Изменения устава Учетно-ссудного банка Персии.
От переговоров об англо-русском займе Персии
к англо-русскому соглашению

Когда в декабре 1905 г. Эдуард Грей от имени нового британского правительства обратился к Бенкендорфу с предложением продолжить переговоры о соглашении, а русский посол вынужден был просить об отсрочке переговоров, ссылаясь на внутреннее положение России, то в данном случае за действием Бенкендорфа не было никаких дипломатических уловок. В Петербурге на этот раз искренне были заинтересованы в том, чтобы сохранять самые дружественные отношения с Англией: в Министерстве иностранных дел, а тем более в Министерстве финансов понимали, что судьба самодержавия зависит от того, удастся или не удастся довести до конца прерванные в октябре переговоры с международным консорциумом о займе для России. Поэтому, получив заверения английского правительства в том, что оно не будет предпринимать никаких шагов, которые осложнили бы возобновление англо-русских переговоров об общем соглашении, русское правительство со своей стороны также тщательно следило за тем, чтобы не давать повода для обострения отношений с Англией.

В Петербурге ожидали возвращения из Лондона Чарльза Гардинга с новыми инструкциями относительно направления в будущем англо-русских переговоров.¹

¹ Приезд Чарльза Гардинга в Петербург в январе 1906 г. для переговоров приобретал особое значение в связи с тем, что еще в ноябре 1905 г. стало известно о предстоящем назначении Гардинга на пост заместителя министра иностранных дел. Назначение это находилось в прямой связи с намерениями английского правительства достичь соглашения с Россией. Как сообщал из Лон-

23 декабря (5 января 1906 г.) 1905 г. Гардинг приехал в Петербург и приступил к выполнению возложенного на него новым кабинетом задания, начав свою деятельность в Петербурге с переговоров с Николаем II, Ламздорфом и Витте в первые же дни своего приезда, причем одним из основных объектов этих переговоров, как и следовало ожидать, стала Персия.

Во время встречи с Ламздорфом на следующий день после своего приезда в Петербург Гардинг изложил русскому министру иностранных дел принципы, которых английский король намерен был придерживаться в отношениях с Россией, повторив в сущности то, что в декабре 1905 г. Грей уже говорил Бешкендорфу. Однако теперь Гардинг подчеркнул, что английский министр иностранных дел рассчитывает на «взаимность русской стороны», которая должна выражаться в том, что русское правительство не будет делать «никаких попыток изменить status quo в Персии или в каком-либо другом месте». Гардинг не скрывал, что Персию он упомянул не случайно, так как английскому правительству было известно о неудачной попытке персидского правительства «некоторое время тому назад» запясть деньги в России. Гардинг также обратил внимание Ламздорфа на то, что персидский премьер-министр обращался с просьбой о займе и к английскому правительству, но Эдуард Грей высказался решительно против предоставления каких бы то ни было сумм персидскому правительству.² Хотя Гардинг ни словом не обмолвился о попытках русской дипломатии заключить с Персией соглашение общего характера, Ламздорф понимал, что английское правительство располагало какой-то информацией о петергофских переговорах и с беспокой-

дона германский посол в Англии Меттерних, сам Гардинг в связи с предстоящим назначением заявил «одному общему знакомому», что он надеется на новом посту «продолжать успешно работать над делом взаимопонимания с Россией». В этом же разговоре, по сведениям Меттерниха, Гардинг заявил, что «проблема установления взаимопонимания с Россией значительно упростилась», так как «со времен войны русское правительство стало значительно уступчивее и мягче, чем прежде». См.: Телеграмма Меттерниха в Министерство иностранных дел. 2 (15) ноября 1905 г. — *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette*. Berlin, 1922—1927 (далее GP), Bd. XXV, I, № 8501.

² Гардинг — Грею, 24 декабря (6 января 1906 г.) 1905 г. — *BD*, vol. IV, Appendix III, p. 622.

ством ожидало их продолжения. Поэтому он поспешил заверить британского посланника в том, что его опасения напрасны: персидское правительство обращалось к нему с просьбой о займе, но он был совсем не склонен удовлетворять эту просьбу, так как давать персидскому правительству займы — все равно, что «просто выбрасывать деньги на ветер». Из сказанного Ламздорфом далее следовало, что британское правительство вообще может рассчитывать на полную взаимность русской стороны и не должно беспокоиться за то, что Россия прибегнет к политике авантюры в Персии или в каком-либо другом месте.³

Однако Гардинг не удовлетворился этими заверениями и заметил, что беспокойство вызывают не столько действия в Персии русских официальных лиц или Министерства иностранных дел, сколько поведение Грубе, который, хотя и принадлежит к Министерству финансов, в своих поступках совершенно независим от русского посольства.⁴ Ламздорф, разумеется, понял, что это был камень в огород Витте и прямой намек на эпизод с займом 1900 г., который русское Министерство финансов предоставило персидскому правительству неожиданно для английского правительства, не посчитавшись с его попытками добиться через дипломатические каналы в Петербурге предоставления совместного англо-русского займа Персии.⁵ Ламздорф даже не счел нужным уклоняться от ответа на вопрос, поставленный Гардингом, и прямо заявил английскому послу, что при нынешнем министре финансов «не следует беспокоиться» на этот счет и что теперь просто «невероятно, чтобы что-нибудь могло бы быть сделано в Персии без предварительной консультации с ним». Ламздорфом.⁶

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Как сообщал в марте 1907 г. германский посол в Лондоне Меттерних Бюлову со слов австрийского дипломата графа Кипсского, находившегося в 1900 г. в Петербурге и, по-видимому, кое-что знавшего об обстоятельствах заключения русско-персидского займа 1900 г., русский министр иностранных дел в ответ на упрек английского посла в связи с предоставлением займа Персии помимо Англии извинился и сослался на то, что заем этот «без его ведома был сделан через Министерство финансов». См.: Меттерних — Бюлову, 6 (19) марта 1907 г. — GR, V, XXV, № 8525.

⁶ Гардинг — Грею, 24 декабря (6 января 1906 г.) 1905 г. — BD, vol. IV, Appendix III, p. 623.

Таким образом, уже во время первой беседы с министром иностранных дел Гардинг получил все необходимые заверения по части персидских дел. Ауденция же у Николая II и встреча с Витте, состоявшиеся вслед за этим, только должны были еще сильнее убедить английского посла в искренности заявлений русского министра иностранных дел. Николай II обещал полную поддержку Франции на Марокканской конференции и снова говорил о своем удовлетворении по поводу улучшения англо-русских отношений и о своих надеждах, что эти отношения и впредь будут улучшаться.⁷ Что же касается Витте, то он в самых первых числах января, т. е. до возвращения Гардинга в Петербург, выступил неожиданно в совершенно новом качестве — как горячий поборник англо-русского сближения — и начал уже по этому поводу в отсутствие английского посла предварительные переговоры с поверенным в делах С. Спринг-Райсом, пользовавшимся для этой цели посредничеством известного английского журналиста Э. Диллопа, к услугам которого Витте неоднократно прибегал и прежде.⁸

По обыкновению Витте повел сразу крупную игру, сделав попытку вырвать дело англо-русского сближения из дипломатических каналов и взять его в свои руки. Поэтому к моменту возвращения Гардинга в Петербург Витте уже поставил вопрос ни мало ни много, как о приезде Эдуарда VII в Россию для непосредственных переговоров с Николаем II, выступив тем самым, по удачному определению Б. А. Романова, как бы с проектом русско-английского Бьёрке.⁹ Этим новым Бьёрке Витте, конечно,

⁷ Гардинг — Грей, 28 декабря (10 января 1906 г.) 1905 г. — ВР, vol. IV, № 206.

⁸ Подробно о переговорах, которые Гардинг вел в январе 1906 г. в Петербурге с Николаем II и Витте, см.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны, 1895—1907. М.—Л., 1955, с. 618—621.

⁹ Там же, с. 621. — Интересно в связи с этим отметить, что С. Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» ничего не пишет о предпринимавшихся им попытках устроить англо-русское Бьёрке, напротив, он называет себя сторонником «континентального союза» России, Германии и Франции, направленного против Англии, и резко отрицательно высказывается о конвенции 1907 г., подчеркивая, что соглашение 1907 г. было заключено после его выхода в отставку (Воспоминания, т. 3. М., 1960, с. 461—465). Это противоречие между поведением Витте в январе 1906 г., когда он делал все ради того, чтобы добиться приезда в Россию Эдуарда VII

рассчитывал подкрепить пошатнувшийся престиж самодержавия и продвинуть дело с международным займом. Удайся этот замысел Витте с русско-английским Бьерке — и он снова оказался бы в центре международных событий и вновь, как это было в дни Портсмутской конференции, получил бы возможность выступить на международной арене в роли вершителя судеб России, оттеснив на второй план представителей официальной дипломатии.

Хотя предложение Витте и получило поддержку со стороны Николая II, оно не встретило сочувствия английского правительства, которое пока что склонно было действовать более осторожно и на данном этапе (в январе 1906 г.) в отношениях с Россией ставило перед собой более доступные задачи: при наличии уже достигнутого единства во взглядах с Россией на критский и македонский вопросы добиться еще поддержки с русской стороны на конференции в Альхесирассе и сохранения *status quo* на Среднем Востоке, особенно в Персии.¹⁰ Персидский вопрос в январе 1906 г. в первую очередь привлекал внимание английской дипломатии. Это видно было не только из переговоров Гардинга с Ламздорфом. Одновременно с возвращением Гардинга в Петербург английская дипломатия предприняла и другие шаги к тому, чтобы сорвать русско-персидские переговоры о займе и об общем согла-

для переговоров о соглашении, и заявлениями по поводу конвенции 1907 г., содержащимися в его «Воспоминаниях», подметил в своих мемуарах Морис Бомнар, французский посол в Петербурге в 1903—1908 гг. (Comptard M. Mon Ambassade en Russie (1903—1908). Paris, 1937, p. 241).

¹⁰ Вопрос о возможности приезда Эдуарда VII в Россию оставался в поле зрения английской и русской дипломатии вплоть до марта 1906 г. 9 (22) марта Эдуард VII высказался достаточно определенно против поездки в Россию, заметив, что он «не видит особенного смысла в этой поездке, потому что он ничего не мог бы сделать для улучшения положения в России и потому что английское общественное мнение, возможно, не одобрило бы эту поездку» (Lee S. King Edward VII. A Biography. London and New York, 1927, vol. II, p. 565; Churchill R. P. The Anglo-Russian Convention of 1907. Iowa, 1939, p. 113). Следует отметить, что эта точка зрения Эдуарда VII на поездку в Россию встречала полную поддержку в Министерстве иностранных дел, в том числе и в лице его руководителя — Э. Грея (BD, vol. IV, № 234). С другой стороны, и в России весной 1906 г. утратили интерес к ней по мере того, как царизм выбирался из финансовой пропасти и укреплял свое положение после подавления декабрьского вооруженного восстания.

нении. В день приезда Гардинга в Петербург поверенный в делах британского посольства в Петербурге Спринг-Райс обратился к Ламздорфу с письмом, в котором сообщал об отказе английского правительства предоставить займы Персии и призывал русское правительство к согласованным действиям в вопросах финансирования персидского правительства.¹¹

Два дня спустя, 25 января (7 февраля) 1906 г., состоялась специальная беседа по этому поводу между Ламздорфом и Спринг-Райсом, во время которой Ламздорф сообщил Спринг-Райсу о том, что его письмо было представлено Николаю и царь выразил свое удовлетворение в связи с сообщениями британского правительства. Ламздорф добавил к этому от себя, что «следует положить конец такой практике, при которой персидское правительство имело возможность получать деньги от английского или русского правительства, играя на противоречиях последних».¹² Ламздорф благодарил Спринг-Райса за предоставленную им «дружескую» информацию, однако дальше этого дело не пошло. Русский министр иностранных дел не проявил горячего желания сотрудничать со своими английскими коллегами в деле предоставления займов персидскому правительству.

Таким образом, в январе 1906 г. английской дипломатии удалось добиться только устных заверений со стороны русского Министерства иностранных дел, что оно не будет предпринимать никаких сепаратных действий по части финансирования персидского правительства. Для того же, чтобы заручиться согласием русского правительства на активное сотрудничество в вопросах финансовой политики в Персии, понадобился по крайней мере еще почти полугодовой отрезок времени. Причем этот очередной и решающий шаг царизма на пути к англо-русскому соглашению в Персии явился не только результатом настойчивой работы британской дипломатии, но и результатом той эволюции, которую русская политика в Персии проделала в январе-августе 1906 г.

Последний тур прерванных в поябре 1905 г. революционными событиями в России русско-персидских пере-

¹¹ Спринг-Райс — Ламздорфу, 23 января (5 февраля 1906 г.) 1905 г. — BD, vol. IV, № 326.

¹² Спринг-Райс — Грею, 25 января (7 февраля 1906 г.) 1905 г. — BD, vol. IV, № 326.

говоров об общем соглашении состоялся только в начале 1906 г. В январе 1906 г. русское Министерство иностранных дел «при участии персидского посланника в Петербурге» разработало проект конвенции, несколько отличный от проекта секретного протокола, предложенного персидскому правительству в конце 1905 г.¹³ По существу же дела хотя проект конвенции и носил по сравнению с протоколом более общий характер и не содержал никаких частных требований или претензий, в случае, если бы он был принят, поставил бы персидское правительство в экономическом и в политическом отношениях в полную зависимость от России.¹⁴

Персидское правительство вновь отклонило русские условия и отказалось подписать конвенцию. Вместе с тем его попытки в конце февраля 1906 г. получить в России

¹³ Записка «Русская политика в Персии и взаимные отношения России и Англии на почве персидских дел», 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 376, л. 57—58 об.

¹⁴ Проект конвенции гласил:

«1. Признавая необходимым с точки зрения действительных интересов обоих государств и их солидарности, основанной на совокупности политических, географических и экономических условий, охранять независимость и неприкосновенность Персии, императорское правительство обязуется обеспечивать их всеми находящимися в его распоряжении средствами.

2. Российское правительство обязуется оказывать содействие мерам, которые персидское правительство признает необходимым принимать в видах развития и благосостояния Персии. Обе высокие договаривающиеся стороны войдут в откровенные объяснения относительно практического применения этих мер и, руководствуясь справедливою оценкой своих обоюдных интересов, заключат соглашения в видах установления с общего согласия специальных условий и образа действий, которого предстоят будет держаться в каждом определенном случае.

3. Сообразуясь с общими началами, установленными настоящей конвенцией, персидское правительство обязуется воздерживаться от всяких действий, которые могли бы нарушить интересы России, и принимать в соображение дружеские указания российского правительства во всех тех случаях, которые могли бы потребовать каких-либо мероприятий со стороны последнего. Как само собой разумеется, на персидское правительство падает ответственность за все те меры и обязательства, к которым оно прибегнет без ведома российского правительства или же вопреки его видам».

Четвертый пункт касается срока действия конвенции (10 лет) и условий ее прекращения и ратификации. См. записку: Русская политика в Персии и взаимные отношения России и Англии на почве персидских дел, 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 376, л. 58 об.—59.

в виде аванса хотя бы миллион рублей встретили решительный отказ в связи с неудачей переговоров по политическим вопросам.¹⁵ Контрпроект конвенции был составлен персидской стороной лишь в июне 1906 г. и вручен только что прибывшему в Тегеран новому российскому посланнику гофмейстеру Гартвигу, сменившему на этом посту Шпейера. Этот документ, как и русский проект конвенции, также состоял из четырех пунктов и представлял собой не что иное, как видоизмененный в пользу персидской стороны его вариант.¹⁶ По своему характеру контрпредложения персидского правительства никак не могли удовлетворить русскую сторону, ибо шли совершенно вразрез с ее требованиями. В результате в январе—июне 1906 г. в русско-персидских переговорах создалась точно такая же ситуация, как и в ноябре 1905 г., с одной только разницей: на этот раз наступил действительно последний тур русско-персидских переговоров о двустороннем соглашении. Персидский контрпроект, представленный в июне 1906 г., остался без ответа не только потому, что он, как было заявлено в Петербурге, не соответствовал

¹⁵ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 328, л. 168—169.

¹⁶ Дословно в персидском проекте говорилось:

«1. Во внимание к действительным интересам обоих государств и их солидарности, имеющей в основании совокупность политических, географических и экономических условий, императорское правительство обязуется уважать независимость и неприкосновенность Персии и способствовать их охранению во всех тех случаях, когда шахское правительство прибегнет к дружескому содействию России.

2. В видах взаимства персидское правительство обязуется воздерживаться от всяких действий, которые могли бы быть направлены против России. Как само собой разумеется, обязательства эти не должны ни в коем случае вредить жизненным интересам Персии, не нарушать обязательств, принятых на себя персидским правительством по отношению к другим иностранным державам.

3. Персидское правительство будет принимать в соображение дружеские советы российского правительства во всех тех случаях, когда в силу первой статьи настоящей конвенции со стороны последнего потребуются какое-либо мероприятие. Как само собой разумеется, ответственность за последствия действий, предпринятых персидским правительством вопреки видам России, падает исключительно на это правительство. Со своей стороны российское правительство будет сообщать персидскому правительству обо всех действиях, имеющих отношение к действительным интересам Персии» (Русская политика в Персии и взаимные отношения России и Англии на почве персидских дел, 1909 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 376, л. 59 и 59 об.).

ни реальным интересам России, ни духу заявленный, сделанных шахом Мозаффар-эд-Дином в Петергофе в 1905 г.,¹⁷ но и потому, что русское правительство вынуждено было весной 1906 г. отказаться от программы экономической борьбы с Англией в Персии и взять курс на англо-русское соглашение.

Главное заключалось в том, что теперь никакими средствами невозможно было уже ни оттянуть, ни скрыть кризис русской экономической политики в Персии, который особенно дал себя знать весной 1906 г., когда обнаружилась финансовая несостоятельность Учетно-ссудного банка Персии, многие годы являвшегося основным орудием проведения этой политики.

Операции, проводившиеся банком в 1903—1905 гг., поглотили не только все имевшиеся в его распоряжении собственные средства, но и занятые им в Русско-Китайском банке на время войны 4,5 млн руб., числившиеся на счетах в Учетно-ссудном банке как специальный вклад. Между тем, когда весной 1906 г. Русско-Китайский банк, сам попавший в довольно трудное положение, вынужден был потребовать от Учетно-ссудного банка возвращения своего вклада, оказалось, что последний не в состоянии освободить из своих операций такую значительную сумму без ущерба для своей деятельности, и, даже более того, выяснилось, что Учетно-ссудный банк вообще не может удовлетворять обязательства по вкладам, не сокращая при этом на равную сумму свои операции в Персии. Поскольку сокращение активных операций банка неизбежно должно было отразиться на всем торгово-промышленном обороте России с Персией, т. е. ставило под угрозу экономическую политику царизма в этой стране, в Министерстве финансов спешно начали искать выход из создавшегося положения. Принимая во внимание «неотложность подкрепления Учетно-ссудного банка Персии надлежащими средствами», министр финансов И. П. Шипов высказался за целесообразность обсуждения этого вопроса в Особом совещании под председательством Витте и при участии министра иностранных дел.¹⁸ Совещание

¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 376, л. 59 об.

¹⁸ Всеподданнейшая записка И. П. Шипова об увеличении оборотных средств Учетно-ссудного банка Персии, не позднее 7 (20) апреля 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 68, л. 148—149.

состоялось в Комитете финансов 30 мая (12 июня) 1906 г., причем принятое участниками совещания решение свидетельствовало лишь о том, что банк оказался в безвыходном положении. Совещание не нашло другого способа для спасения Учетно-ссудного банка, как превращение его в банковское учреждение обычного типа, открытое для доступа частного капитала. До 1906 г., как мы это видели выше, Учетно-ссудный банк работал на государственных капиталах и только в пределах Персии, действуя «исключительно как персидское учреждение на основании персидского устава на капиталы, предоставленные ему русской казной».¹⁹ Персидский устав банка не давал ему формального права работать в России и не «представлял достаточных гарантий» для иностранного капитала,²⁰ на привлечение которого теперь, в связи с предстоящей реформой банка, и возлагались основные надежды. Совещание 30 мая (12 июня) 1906 г. вынесло решение о выработке и утверждении после предварительного рассмотрения в Комитете финансов русского устава Учетно-ссудного банка. Что же касается попыток правления Учетно-ссудного банка получить поддержку в Государственном банке или Государственном казначействе для расчетов с Русско-Китайским банком, то они были решительно отклонены.²¹ Таким образом, совещание 30 мая (12 июня) 1906 г. знаменовало собой вынужденный отказ от продолжения экономической политики за счет государственных капиталов, ибо, открыв доступ в Учетно-ссудный банк частным, в том числе и иностранным, капиталам, царское правительство уже не могло рассчиты-

¹⁹ См. записку В. И. Будиловича: О реорганизации Учетно-ссудного банка Персии, 1907 г.: ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 74, л. 4—8.

²⁰ Там же.

²¹ Летом 1906 г. Государственный банк не мог оказать решительно никакой поддержки Учетно-ссудному банку Персии. На письмо председателя правления Учетно-ссудного банка Персии Э. К. Грубе, содержавшее просьбу оказать поддержку его банку, управляющий Государственным банком наложил следующую резолюцию: «Увеличение кредита из Государственного банка или постановка вклада казны отклонены безусловно, и к этому вопросу нет надобности возвращаться. Забота об изыскании средств для усиления персидского банка лежит на обязанности правления» (Грубе — управляющему Государственным банком, 2 (15) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 68, л. 164 и 164 об.).

вать на то, что банк останется орудием государственной политики в Персии, как было до сих пор.

Россия исчерпала к лету 1906 г. свои финансовые возможности в Персии; упорно следуя так называемой политике «капиталистического завоевания Персии», русское самодержавие довело эту политику до самого крайнего предела. Летом 1906 г. Персия продолжала переживать давно уже ставший хроническим финансовый кризис, а в Петербурге, хотели теперь этого или нет, не могли оказать шахскому правительству никакой поддержки.

Финансовый и политический кризис в Персии принял очевидный характер. Красочные описания полного упадка персидской монархии поступали теперь в Петербург по самым различным каналам. «Персия вступает в повый 1324 г. ... в исключительно неблагоприятных условиях полного безденежья, — доносил в Петербург в мае 1906 г. русский военный агент в Персии полковник Чернозубов. — Условия, поддерживавшие последние пять-шесть лет искусственное равновесие государственного бюджета, поколебленного расточительностью шаха и казпокрадством его главных советников и приближенных, расхитивших остатки шахских сокровищ и многомиллионных русских займов, обогативших заграничные курорты и хозяев парижских и венских отелей и магазинов, частью исчезли, частью приостановили временно свое действие под давлением причин (революция? — Б. А.) хотя и переходящего характера, но появившихся весьма не ко двору и не к стати в стране, только что оплатившей из своих последних сбережений третье заграничное путешествие шаха».²²

Как и прежде, в поисках денег персидское правительство обратилось не только к своему постоянному кредитору — России, но и в английский банк, однако встретило там холодный прием. Английское правительство соглашалось предоставить Персии краткосрочный заем только на условиях чисто политического характера, требуя, в частности, признания исключительных прав Англии на юге Персии в виде обязательства со стороны персидского правительства «не предоставлять никаких концессий на юге Персии никому, кроме англичан». Персидское правительство пыталось найти выход из создавшегося положения за счет «внутренних займов и внутренних экономических

и политических комбинаций».²³ Наконец, оно вступило в переговоры о займе на сумму в 500 000 туманов с компанией индоевропейского телеграфа «на условиях продолжения концессии компании сроком еще на 20 лет, хотя срок концессии истекал лишь через 14 лет», а также с представителем торгового дома Лианозова, арендовавшего рыбные промыслы на персидском побережье Каспийского моря, «об уплате вперед арендной платы в размере одного миллиона туманов».²⁴ Но все это были полумеры, и они никак не могли спасти от кризиса персидское казначейство, которому, по подсчетам Науса, в августе 1906 г. нужно было около 50 млн франков для того, чтобы выйти из затруднительного положения.²⁵ Дело, помимо всего прочего, усугублялось еще и тем, что в сентябре 1906 г. наступал срок платежа 700 000 туманов в Шахиншахский банк, который на этот раз «категорически» отказал в отсрочке.²⁶

4 (17) августа, а затем спустя несколько дней, 9 (22) августа, Гартвиг прислал Извольскому из Тегерана две телеграммы, одну тревожнее другой, с сообщением о том, что «казна пуста» и персидское правительство «находится в трагическом положении». Во второй телеграмме сообщалось, что в связи с создавшимся положением персидский премьер-министр «поставил себе целью закрепить политическое сближение с Россией, умоляет императорское правительство спасти Персию выдачей аванса, если нельзя в 4, то в 3 миллиона рублей». «Нет сомнения, — комментировал просьбу персидского премьера Гартвиг, — что отказ наш подвинет шахское правительство на отчаянный шаг, тем более что по всем данным англо-индийское правительство делает Персии заманчивые предложения, конечная цель которых — навсегда утратить влияние России на персидские дела».²⁷

Что скрывалось за заявлением персидского премьер-министра «закрепить политическое сближение с Россией»?

²³ Там же, л. 33—34.

²⁴ Там же.

²⁵ Гартвиг — Извольскому, 4 (17) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 2—3.

²⁶ Гартвиг — Извольскому, 9 (22) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 8.

²⁷ Гартвиг — Извольскому, 4 (17) и 9 (22) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 2—3, 8.

²² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 292, л. 33.

Обещание ли безоговорочно принять в случае выдачи аванса предложения, делавшиеся в недавнем прошлом русской стороной, или просто намерение после получения аванса продолжить прерванные в июне 1906 г. переговоры с Россией об общем соглашении, не предрешая пока их исхода? Из телеграмм Гартвига понять это было нельзя. Да и задавались ли теперь этим вопросом в Петербурге, если выяснилось, что Россия не в состоянии предоставить даже 3-миллионный аванс персидскому правительству.

Получив телеграммы Гартвига, Извольский сразу же отправил их Коковцову (первую — 7 (20), а вторую — 11 (24) августа), а к 14 (27) августа уже имел ответ министра финансов: «... в настоящее время не может быть и речи об оказании персидскому правительству за счет русской казны денежной помощи как в виде крупного займа, так даже и сравнительно небольшой краткосрочной ссуды».²⁸ Коковцов видел только один способ пайти деньги (если это крайне необходимо из политических соображений) — обратиться прямо к Николаю II, чтобы он распорядился отпустить их «временно из капиталов удельного ведомства» или из каких-либо других средств, находящихся «в непосредственном распоряжении» царя по Министерству императорского двора и уделов.²⁹ Но поскольку краткосрочная ссуда могла только временно вывести Персию из финансового кризиса и сама по себе не снимала вопроса о долгосрочном займе, а Коковцов не мог предложить Извольскому никаких, даже крайних, способов изыскать деньги в России, то оставалось одно — выпустить персидский заем на зарубежных рынках. Роль России при организации такого займа, по мнению Коковцова, должна была состоять в том, чтобы заем не был сделан ни в Англии, ни в Германии и ни в какой-либо другой стране, которая «из этой сделки могла бы извлечь политические выгоды».³⁰ Наиболее подходящей для этой цели «нейтральной» страной Коковцов считал Бельгию, где, кстати сказать, реально можно было рассчитывать на проведение

²⁸ Коковцов — Извольскому, 14 (27) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 9.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же, л. 9—10. — Вопрос об использовании паризмом «нейтральных» иностранных капиталов в Персии ставился в общей форме в записке Министерства иностранных дел в августе 1905 г. К апрелю 1906 г. русское Министерство иностранных дел через

операции, так как, по имевшимся у Коковцова (через директора Учетно-ссудного банка Персии А. С. Остроградского) сведениям, группа бельгийских капиталистов во главе с бельгийским королем «уже сделала Наусу серьезное предложение ссудить Персии до 50 млн франков».³¹ Итак, план Коковцева был выполнен только при условии предоставления Персии 3-миллионного аванса из средств Министерства двора. Однако на эту крайнюю меру самодержавие не решилось. Созванное 16 (29) августа Особое совещание по вопросу о финансовой политике в Персии окончательно похоронило все проекты финансирования персидского правительства только за счет русского казначейства, а вместе с тем и окончательно была похоронена проводившаяся в течение стольких лет политика открытого соперничества в Персии с Англией. В августе 1906 г. самодержавие изменило внешнеполитический курс, взяв направление на англо-русское соглашение. Особое совещание, по существу утвердившее изменение политического курса, отличалось полным единством мнений нового министра иностранных дел и министра финансов, выразившимися в признании, что дальнейшая «конкуренция на денежной почве с Англией... безусловно невозможна» и что «лучшим способом» направить политику России «в Персии в спокойное русло является именно соглашение с Англией».³² Совещание не выработало никакой программы соглашений с Англией или даже программы

дипломатические каналы в Париже вступило в переговоры с французскими капиталистами, рассчитывая привлечь в Персию для участия в русских учреждениях капиталы союзной державы. С самого начала переговоров между русской и французской сторонами возникли противоречия. Русское правительство вопреки намерениям французских финансовых кругов выступало против создания какого-либо самостоятельного французского кредитного учреждения в Париже, опасаясь, что оно будет конкурировать с Учетно-ссудным банком. Оно требовало, чтобы французские капиталы вливались в уже существующие русские предприятия в Персии и чтобы в финансировании шахского правительства «главная роль принадлежала наименее заинтересованному в политических вопросах в Персии французским капиталистам» (Извольский — Коковцову, 6 (19) июня 1907 г. ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 4, д. 348, л. 31).

³¹ Там же, л. 9—10.

³² Всеподданнейшая записка А. П. Извольского о решении совещания 16 (29) августа 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 14. — Журнал совещания обнаружить не удалось.

переговоров. Однако решено было принять предложения английского правительства «о совместном обсуждении денежных нужд Персии», делавшиеся еще при Ламздорфе и продолжавшие входить в инструкцию британского посла в Петербурге.³³ Русская дипломатия готовилась сделать теперь серьезный шаг на пути сближения с Англией в обстановке, когда дипломатическая почва для такого сближения была недостаточно хорошо подготовлена с русской стороны и Извольский, по-видимому, не только не имел своего плана соглашения с Англией относительно Персии, но и не мог до конца отдать себе отчет в том, насколько искренни были предложения британского правительства, отвергнутые в прошлом Ламздорфом, и как далеко собиралось оно идти в своих переговорах с Россией. Поэтому, сообщая Николаю II о решениях августовского совещания, Извольский мог привести в качестве свидетельства «искренности» намерений англичан только «самый факт обращения Англии на путь переговоров с Россией в такую минуту, когда она беспрепятственно могла производить разного рода захваты в Персии».³⁴

В создавшейся обстановке, которая означала не что иное, как полный отказ самодержавия от прежнего курса экономической политики в Персии, окончательно был решен вопрос и о судьбе Учетно-ссудного банка. 24 июня (6 июля) 1906 г. Николай II утвердил решение Комитета финансов о выработке русского устава Учетно-ссудного банка Персии (принятое в заседании от 30 мая (12 июня) 1906 г.), а 18 ноября (1 декабря) 1906 г. министр финансов представил на заседание Комитета финансов уже готовый проект нового устава. В первоначальном виде проект был составлен по образцу устава Русско-Китайского банка, однако затем его редакция была изменена в том смысле, что «новым уставом определилась лишь деятельность банка в России, для Персии же сохраняли силу персидская концессия и персидский устав».³⁵ Финансирование банка проект предусматривал за счет привлечения иностранных — французских и особенно бельгийских — капиталов. Интересно отметить, что в связи с утверждением нового устава Учетно-ссудного банка в Комитете финансов обнаружились довольно острые раз-

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 71, л. 4—7 об.

погласия, в частности, против предложения министра финансов выступили государственный контролер П. Х. Шванебах и министр торговли и промышленности Д. Н. Философов. Шванебах вообще подверг критике всю систему экономической политики русского самодержавия в Персии. «„Капиталистическое завоевание“ не может... быть задачей исключительно правительства, осуществляемого казенными средствами, — заявил Шванебах. — Не исключены, конечно, в деле этом правительственный почин и некоторые для начала затраты и даже жертвы казенных ресурсов. Но если одновременно по пути, намеченному правительством, не последует частная инициатива и не будут затрачиваемы средства предпринимателей-пионеров, то неизбежно должна наступить дилемма, перед которой стоят теперь наши персидские дела: они или должны заглохнуть, или для их поддержания придется вести непомерные жертвы казны. Здесь-то и возбуждается вопрос о выходе из затруднений третьим способом — привлечением в дело персидского банка бельгийского капитала».³⁶ Выступая против превращения Учетно-ссудного банка в предприятие, работающее на иностранных капиталах, Шванебах выражал беспокойство, останется ли банк в таком случае орудием политического и экономического влияния России. «Нет ни малейшего сомнения, что международные делцы, — аргументировал свою точку зрения Шванебах, — упрочившись на персидской почве, поведут банковское дело так, как представители международного капитала ведут эти дела повсюду в экзотических странах, т. е. в смысле эксплуатации туземного населения, и, конечно, вне всяких соображений с коммерческими и экономическими интересами России». Шванебах не скрывал своего беспокойства, что эта финансовая комбинация может повредить положению России на международном денежном рынке и что фактическая передача «чужестранным правительством» на международный денежный рынок концессии, предоставленной ему шахом, вызовет взрыв народного возмущения в Персии.³⁷

Исходя из этих соображений, Шванебах высказался за то, чтобы «впредь до более благоприятного времени» отказать от преобразования Учетно-ссудного банка Пер-

³⁶ Журнал Комитета финансов, 18 ноября (1 декабря) 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 463, л. 8—17.

³⁷ Там же.

сии и лишь максимально ограничить его операции.³⁸ Несмотря на то что позиция Шванебаха встретила поддержку со стороны министра торговли и промышленности, который, кроме всего прочего, заявил, что до утверждения устава банка необходимо было бы образовать соответствующую финансовую группу, согласную финансировать банк, Комитет финансов признал, что привлечение частного, хотя бы иностранного, капитала на основании нового русского устава банка является единственным средством для восстановления нормальной деятельности Учетно-ссудного банка Персии. Комитет финансов вынес решение утвердить устав банка после внесения в него ряда уточнений,³⁹ однако во избежание «преждевременного распространения слухов по поводу преобразования банка» не опубликовывать новый устав «до окончательного соглашения с лицами и учреждениями, которые пожелают принять участие в банке».⁴⁰ 3 (16) марта 1906 г. новый устав Учетно-ссудного банка Персии с внесенными в него уточнениями был окончательно принят Комитетом финансов, а 9 (22) июня 1907 г., после одобрения его Советом министров, утвержден Николаем II. С утверждением нового русского устава Учетно-ссудный банк Персии изменил характер своей деятельности, приблизившись по своему типу к обычным коммерческим банкам. Эти изменения в деятельности Учетно-ссудного банка соответствовали новому этапу англо-русского соперничества на Среднем Востоке.

*

А. П. Извольский сам открыл переговоры о предоставлении совместного англо-русского займа Персии. Во второй половине дня 18 (31) августа Извольский нанес визит английскому послу в Петербурге Никольсону и без оби-

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Уточнения предусматривали: 1) более точное согласование проекта русского устава с условиями концессии и действовавшим персидским уставом; 2) предоставление министру финансов права утверждения членов правления банка, что дало бы возможность ограничить влияние иностранного капитала на деятельность банка; 3) сокращение программы банка и возможное приближение его по типу к обычным коммерческим банкам (ЦГИА СССР, ф. 563, оп. 2, д. 463, л. 8—17).

Никольсон изложил ему суть дела. Как доносил в тот же день в Лондон Никольсон, русский министр иностранных дел сообщил ему, что персидское правительство обратилось к русскому посланнику в Тегеране с просьбой о предоставлении «немедленной ссуды» размером в 3 млн туманов и последующего займа в 10 млн туманов, угрожая при этом, что, если Россия откажется предоставить деньги и не удастся также получить заем и в Англии, оно вынуждено будет обратиться за финансовой помощью к Германии.

Сославшись на то, что английский поверенный в делах в Петербурге Спринг-Райс в январе текущего года направил Ламздорфу частное письмо, содержавшее предложение о совместных англо-русских действиях по вопросам финансирования персидского правительства, и что Ламздорф в устной форме заявил тогда о согласии с принципами, изложенными в этом письме, Извольский высказал теперь готовность действовать в соответствии с духом этого январского соглашения и просил Никольсона выяснить на этот счет взгляды английского правительства.⁴¹ Никольсон, разумеется, ответил, что он «немедленно запросит указаний из Лондона».⁴²

Пять дней спустя, 23 августа (5 сентября), Никольсон, получив инструкции из Лондона, явился к Извольскому для того, чтобы передать русскому министру иностранных дел «выражение искренней благодарности Лондонского кабинета за прямой и открытый образ действий» и сообщить, что «Англия всецело принимает предложение... об изыскании способов для совместного восполнения шахской казны».⁴³ Действуя в соответствии с указаниями Грея, Никольсон высказался, однако, за то, чтобы ограничиться теперь «лишь временной ссудой, оставляя до ближайшего будущего разрешение вопроса о займе, особенно ввиду возможной (в связи с болезнью шаха, — Б. А.) переменой царствования».⁴⁴ Никольсон подчеркнул также, что в «настоящее время» основная задача англо-русского сотрудничества в Персии должна состоять в том, чтобы

⁴¹ Никольсон — Грей, 19 августа (1 сентября) 1906 г. — BD, vol. IV, № 336.

⁴² Извольский — Коковцову, 24 августа (5 сентября) 1906 г. ЦГА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 17.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же. — Моззафар эд-Дин-шах умер в январе 1907 г.

«предотвратить возможность вмешательства в денежные дела Персии третьей державы».⁴⁵

Пока в Петербурге происходил обмен мнениями о согласованных действиях в вопросах финансирования персидского правительства, в Тегеране русский посланник Гартвиг и английский поверенный в делах Гранд Дафф по указанию своих правительств подготовили совместный проект соглашения с шахом о предоставлении ему англо-русской ссуды. По условиям этого проекта деньги предполагалось положить на хранение в русский и английский банки в Тегеране с тем, чтобы шахское правительство для получения необходимой суммы всякий раз обращалось в английскую и русскую миссии и те в свою очередь давали бы разрешение банкам на ее выдачу. Кроме того, персидское правительство должно было взять на себя обязательство делать ежемесячные отчеты о своих расходах и не имело права использовать вновь полученные ссуды для расчетов по долговым обязательствам русскому и английскому банкам.⁴⁶

Однако в этот предварительный проект английская сторона вскоре внесла еще целый ряд требований политического характера. Дело в том, что с самого начала переговоров о займе Форин Оффис, убедившись в том, что Россия сдает свои позиции в Персии, начало спешно готовить проект общего соглашения о Персии. Еще 23 августа (5 сентября) в инструкции Никольсону Гардинг указывал на необходимость в ходе переговоров с Извольским постараться выведать намерения русского министра иностранных дел относительно Персии.⁴⁷ А 25 августа (7 сентября) Грей просто уже уполномочил Никольсона заявить Извольскому, что Форин Оффис «готово обсуждать любые предложения русского правительства» относительно Персии независимо от обсуждения афганского и Тибетского вопросов.⁴⁸ Однако попытки Никольсона

⁴⁵ Там же. — См. также: Грей — Никольсону, 22 августа (3 сентября) 1906 г. и Никольсон — Грею, 25 августа (6 сентября) 1906 г. — BD, vol. IV, № 337, 340.

⁴⁶ Гартвиг — Извольскому, 27 августа (9 сентября) 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 25.

⁴⁷ Гардинг — Никольсону, 23 августа (5 сентября) 1906 г. — BD, vol. IV, № 339.

⁴⁸ Грей — Никольсону, 25 августа (7 сентября) 1906 г. — BD, vol. IV, № 341.

в сентябре 1906 г. склонить Извольского к обсуждению соглашения о Персии окончились неудачно, и Никольсон вынужден был сообщить в Лондон, что русского министра иностранных дел трудно было заставить проявить инициативу. После очередной встречи с Извольским 30 августа (12 сентября) Никольсон пришел к выводу, что причина, побудившая Извольского обратиться к Англии и возобновить переговоры о займе, была «форс-мажорного характера». «России трудно было бы одной изыскать необходимые средства, — пояснял свою мысль Никольсон, — и Извольский несомненно предпочитает хозяйничать в Персии вдвоем, нежели втроем, особенно если третий — это такой активный партнер, как император Вильгельм... Я боюсь, — не скрывал своих опасений Никольсон, — что Извольский не обнаружит большого рвения или активности в продвижении наших переговоров».⁴⁹ В той же депеше от 30 августа (12 сентября) Никольсон сообщал Грею, что, когда он напрямик спросил русского министра иностранных дел, каковы же его взгляды на будущие отношения Англии и России в Персии, ответ последовал совершенно неожиданный: «Он посмотрел на меня безучастно и ответил, что у него на этот счет вообще нет никаких взглядов».⁵⁰

Позиция, занятая Извольским во время сентябрьских переговоров 1906 г., привела Никольсона к выводу, что следует оставить «на время» общие вопросы англо-русских отношений и попытаться репительнее взяться за более неотложные специальные вопросы, касающиеся Персии.⁵¹ Этим, видимо, и объясняется тот факт, что английское правительство не удовлетворилось в сентябре 1906 г. первоначальным проектом соглашения о займе, выработанным английским поверенным в делах и русским посланником в Тегеране, и внесло в этот проект еще ряд требований политического характера.

В предоставленном на имя Извольского в середине сентября меморандуме английского правительства по поводу совместного англо-русского займа не только определялась теперь сумма предстоящей ссуды Персии — 10 млн франков (причем предполагалось первоначально выдать поло-

⁴⁹ Никольсон — Грею, 30 августа (12 сентября) 1906 г. — ВД, № 228.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

вицу этой суммы), но и выдвигались два дополнительных требования в порядке компенсации за английскую долю участия. Во-первых, Англия требовала, чтобы предоставляемая ею сумма в 5 млн франков обеспечивалась таможенными доходами, взимаемыми в таможнях Персидского залива, и, во-вторых, чтобы персидское правительство обязалось не выдавать без согласия Англии никому никаких концессий на сооружение грунтовых и железных дорог, а также телеграфа к востоку от линии Бирджавд—Бендер-Аббас.⁵² По сути дела удовлетворение предъявленных английской дипломатией требований и особенно включение второго пункта в проект соглашения о займе уже само по себе означало бы признание раздела Персии на сферы влияния.

В Петербурге это, разумеется, отлично понимали, и в связи с важностью предъявляемых Англией требований вопрос о совместном англо-русском займе Персии был сделан предметом обсуждения специального совещания, состоявшегося 7 (20) сентября 1906 г. под председательством Извольского. Выступая на совещании, Извольский определил английскую претензию на контроль за выдачей концессий в Южной Персии «как серьезное политическое условие», представлявшееся «тяжелым» по сравнению с «незначительным размером» ссуды и сразу ставившее «на очередь вопрос о соглашении по персидским делам в его совокупности, притом в связи с обстоятельствами случайного текущего свойства».⁵³ Извольский заявил членам совещания, что он «убедил Лондонский кабинет отказаться» от этого требования впредь до «разработки общего соглашения» и ограничиться пока что «формальными гарантиями финансового свойства».⁵⁴ Однако из этих заявлений Извольского, равно как и из его поведения во время сентябрьских переговоров с Никольсоном, отнюдь не следовало, что русское правительство вообще намеревалось отклонить английские предложения о разделе Персии на сферы влияния и хотело ограничиться только сотрудничеством с Англией в вопросах финансирования персидского правительства. Попытки Извольского в сентябре 1906 г.

уклониться от обсуждения персидских дел в целом объяснялись в значительной степени тем, что русский министр иностранных дел стремился выиграть время и заключить соглашение в такой момент, когда положение самодержавия будет более прочным и оно сможет отстаивать свои претензии с твердых позиций. Совещание 7 (20) сентября 1906 г. еще раз подтвердило тот факт, что вопрос о неизбежности соглашения с Англией о разделе Персии на сферы влияния не вызывал никакого сомнения ни в Министерстве иностранных дел, ни в Министерстве финансов. Открывая совещание, Извольский обратился к его участникам с таким заявлением, которое исключало всякую возможность двусмысленного толкования его отношения к предстоящему соглашению с Англией. «Не следует забывать, — заявил Извольский, — что нам предстоит выбор между соглашением, способным надежно обеспечить хотя бы часть наших интересов, и соперничеством в таких условиях, при которых мы лишены уверенности, что вопросы, близко нас касающиеся, не будут решаться помимо нас и в ущерб всем нашим пользам».⁵⁵

Что же касается Коковцова, то он вообще выступил на сентябрьском совещании 1906 г. с готовым проектом англо-русского соглашения, назвав даже линию, по которой с его точки зрения возможен был раздел Персии на сферы влияния: Касре-Ширин—Хамадан—Тегеран—Мешхед—Асхабад. Подчеркивая преимущества раздела Персии именно по этой линии, Коковцов заявлял, что названная им линия раздела, с одной стороны, «закрывает выход Багдадской дороги в Персию и защищает подступы к Закаспийской железной дороге, а с другой стороны, захватывая столицу страны, проводит естественную границу той сферы, в которой мы уже успели заручиться концессиями и вообще стать прочной ногой».⁵⁶

В итоге работы сентябрьское совещание 1906 г. одобрило деятельность Министерства иностранных дел и высказалось за скорейшее осуществление англо-русского соглашения о совместном займе.⁵⁷ Сразу же после оконча-

⁵² Коковцов — Извольскому, 2 (15) сентября 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 31.

⁵³ Журнал совещания 7 сентября 1906 г. — Красный архив, 1933, т. I (56), с. 60.

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 62.

⁵⁷ Совещание 7 (20) сентября 1906 г. постановило: «1. Поручить министру финансов ныне же приступить к осуществлению предложений об авансе Персии на предложенных Англией общих

ния работы совещания был разработан и принят окончательный проект соглашения с Англией относительно финансирования персидского правительства, состоявший из трех пунктов: «1. Платежи срочных взносов по обязательствам русскому и английскому банкам откладываются. 2. Шахской казне безотлагательно выдается совместно Россией и Англией первая половина просимой ссуды, а именно 5 млн франков. 3. Обеспечением для Англии будет служить доход с таможен юга Персии и Персидского залива в свободной его части».⁵⁸

После того как было достигнуто окончательное соглашение об условиях совместного финансирования Персии, английское и русское правительства соответственно внесли в свои банки в Тегеране обусловленные суммы. Несмотря на то что размер первоначальной ссуды персидскому правительству был сравнительно невелик, а половина этой суммы, приходившаяся на долю России, составляла всего 2,5 млн франков, выплата даже такой суммы оказалась весьма обременительной для русской казны.

Коковцов не скрыл от Извольского, что он отдал соответствующее распоряжение Учетно-ссудному банку Персии относительно выдачи ссуды только потому, что «счел неудобным уже в самом начале переговоров с англичанами дать им понять, что изыскание такой сравнительно небольшой суммы представляется для нас затруднительным».⁵⁹

После уточнения отдельных пунктов соглашения о ссуде и размера процента в ноябре 1906 г. шахское правительство вынуждено было принять предложенные ему условия. И все-таки совместный англо-русский заем Персии не состоялся из-за решительного протеста оппозиции меджлиса, высказавшейся против повои грабительской

условиях и установить подробности по передаче денег шахскому правительству и расходованию оных по месту. 2. Уполномочить статс-секретаря Коковцова вызвать в С.-Петербург г. Науса для изыскания способов действительного обеспечения открываемых шахскому правительству кредитов и разработки плана дальнейших финансовых действий в Персии» (Красный архив, 1933, т. 56 (I), с. 64).

⁵⁸ Извольский — Гартвику, 8 (21) сентября 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 61.

⁵⁹ Коковцов — Извольскому, 9 (22) сентября 1906 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 64.

финансовой сделки шаха с английским и русским правительствами и особенно против английской части условий этой сделки.⁶⁰ Однако на пути, по которому русское самодержавие в августе 1907 г. пришло к соглашению с Англией о разделе Персии по сферы влияния, переговоры о совместном англо-русском займе Персии явились несомненно значительной вехой. Кризис русской экономической политики в Персии, развитие революционного движения в России и связанные с этим финансовые трудности вынудили русское самодержавие обратиться за помощью к англо-французскому капиталу не только для спасения своего внутреннего положения, но и ради сохранения своих внешнеполитических позиций на Среднем Востоке.

Хотя Извольский уклонялся в сентябре 1906 г. от переговоров об общем соглашении относительно Персии, в Лондоне понимали, что Россия уже «созрела» для таких переговоров. Поэтому в конце сентября 1906 г. Эдуард Грей подготовил проект англо-русского соглашения и сообщил его Эдуарду VII. Спешить с разрешением персидского вопроса Грею побуждало нараставшее революционное движение в Персии, покончить с которым, как писал Грей Эдуарду VII, он видел только два способа: «...первый путем оккупации или установлением протектората над Сеistanом и Южной Персией и второй путем дипломатического соглашения с Россией».⁶¹

Грей был сторонником дипломатического соглашения, тем более что оно не исключало оккупации, а наоборот, создавало для этого все условия. Предварительный проект соглашения, подготовленный Греем, предусматривал раздел Персии на три части: Северная и Западная должны были стать сферой влияния России, Центральная — сферой свободной коммерческой деятельности обеих держав и, наконец, «Сеistanский треугольник» — территория

⁶⁰ «В меджлисе по вопросу об авансе продолжаются оживленные прения», — телеграфировал 31 октября (12 ноября) в Петербург агент Министерства финансов в Тегеране Остроградский, — внимание меджлиса обращено главным образом на английскую часть условий, особенно на гарантию таможенными закупа. Настаивают на отказе от аванса и предполагают устроить внутренний заем» (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 346, л. 130).

⁶¹ Грей — Эдуарду VII, 11 (24) сентября 1906 г. — BD, vol. IV, № 350.

к юго-востоку от линии Бирджанд—Бендер-Аббас — сферой влияния Англии.⁶²

До середины ноября Извольский уклонялся от обсуждения вопроса о разделе Персии и переговоры носили весьма неопределенный характер. Не добившись от русской дипломатии ничего определенного, Грей направил Никольсону 4 (17) ноября для передачи вернувшемуся незадолго до этого из Берлина русскому министру английский проект соглашения, состоявший из преамбулы и двух пунктов.

Во вводной части английского проекта говорилось о взаимном обязательстве России и Великобритании «уважать целостность и независимость Персии» и о готовности держав признавать в Персии установление «одинаковых преимуществ для торговли и промышленности других стран»,⁶³ а в двух параграфах самого соглашения указывалась северная граница английской сферы влияния по линии Газни—Бирджанд—Керман—Бендер-Аббас; для южной границы будущей сферы влияния России оставлено было чистое место.

Депеша Грея прибыла в Петербург во второй половине ноября, а 20 ноября (3 декабря) 1906 г. Никольсон передал ее Извольскому. Теперь русский министр был поставлен перед необходимостью дать определенный ответ на предложение британского кабинета. Однако Извольский заявил, что ему понадобится время для изучения английского проекта, и под этим предлогом переговоры о Персии приостановились фактически на целых полтора месяца. Ответный русский проект Извольский передал Никольсону только 7 (20) февраля 1907 г., после того как персидский вопрос обсуждался на заседании Особого совещания 1 (14) февраля и решения его участников были одобрены Николаем II.⁶⁴ Русский проект был построен по такому же принципу, что и английский. Значительные изменения состояли в том, что в первом параграфе теперь указывалась южная граница русской сферы влияния, которая должна была проходить по линии городов Касре-Шириш (на турецко-персидской границе)—Иезд—Хакк—Капана

⁶² Там же.

⁶³ Грей — Никольсону, 4 (17) ноября 1906 г. — BD, vol. IV, № 371.

⁶⁴ Журнал совещания 1 (14) февраля 1907 г. — Красный архив, 1935, т. 2—3 (69—70), с. 18.

(на границе с Афганистаном), и в текст соглашения был включен новый, третий, параграф, подтверждавший, что доходы всех персидских таможен, за исключением Фарсисстана и побережья Персидского залива, будут и после соглашения служить гарантией русских займов.

Русский проект, безусловно, содержал серьезную уступку английской дипломатии. Русское правительство отказывалось от одного из основных пунктов своих требований — предоставить России торговый выход к Персидскому заливу (Извольский, как известно, еще в сентябре 1906 г. называл это неизменным условием соглашения о Персии, и Грей даже считал возможным уступить России).

Несмотря на сравнительную умеренность предложения русского правительства, они встретили возражения английского кабинета, о чем Извольскому официально сообщили в переданной ему 10 марта через британское посольство в Петербурге памятной записке. Английская сторона возражала против того, чтобы конечным пунктом русской разграничительной линии на востоке был город на персидско-афганской границе, а территория русской сферы влияния соприкасалась с афганской, и требовала, чтобы восточная часть русской границы была перенесена от г. Капана, как это предусматривал русский проект, на север, к г. Зульфугару.

Кроме этого, в английской памятной записке говорилось о необходимости объявления Тегерана как «столицы и местопребывания иностранных миссий» нейтральной территорией в русской сфере влияния. И наконец, в третий пункт русского проекта предлагалось включить условия об обеспечении займов английского Имперского банка доходами с персидских таможен в Фарсисстане и на побережье Персидского залива, а также доходами почт, телеграфа и каспийских рыбных промыслов.⁶⁵

Пока в Петербурге Извольский готовил ответ на возражения английского правительства, Грей в новой памятной записке 9 (22) апреля предложил русскому Министерству иностранных дел развернутый план англо-русского соглашения. Новый английский проект состоял из пяти частей, как и окончательный текст англо-русского соглашения о Персии; смысл и порядок расположения

⁶⁵ Содержание памятной записки см.: BD, vol. IV, № 395.

статей тоже соответствовал тексту соглашения; короче говоря, апрельский проект Грея может быть назван черновым наброском текста самого соглашения, подписанного в августе 1907 г.⁶⁶

Этот документ и был принят русской стороной как основа будущего соглашения. 27 мая Извольский сообщил Никольсону, что русское правительство в основном согласно с содержанием 1-й, 2-й, 3-й и 4-й статей⁶⁷ английского проекта, «включая и условие, что конечным пунктом русской линии будет город Зульфагар». Таким образом, уже к июню 1907 г. фактически был решен вопрос о разделе Персии и об установлении русской и английской сфер влияния. Черновая работа по подготовке соглашения закончилась, а оставшиеся почти три месяца — июнь, июль и первая половина августа — были потрачены на окончательную отделку и отшлифовку его текста.

Впрочем, английская сторона в этот промежуток времени, воспользовавшись тем, что с решением вопроса о сферах влияния торговый выход к Персидскому заливу был окончательно отрезан для России, попыталась добиться включения во вводную часть текста соглашения декларации, подтверждающей особые интересы Великобритании в заливе, но безуспешно.

Извольский категорически отказался дать на этот счет письменное обязательство. Английская дипломатия, спешившая с подписанием соглашения, решила отступить.⁶⁸ К августу текст соглашения был окончательно подготовлен, а 18 (31) августа состоялось подписание англо-русской конвенции по делам Персии, Афганистана и Тибета.

Переговоры о совместных англо-русских кредитах персидскому правительству. Проект соглашения с банкирским домом «Братья Зелигман»

В 1907 г. выдача шахскому правительству совместно Англией и Россией аванса в 5 млн франков в счет будущего займа на более значительную сумму была сорвана из-за

⁶⁶ BD, vol. IV, № 411.

⁶⁷ Ст. 5-я обсуждалась отдельно.

⁶⁸ Вопрос о персидском заливе в англо-русских переговорах, предшествовавших соглашению 1907 г., подробно рассмотрен в книге: Бондаревский Г. Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX — начало XX в.). М., 1968, с. 501—536.

протеста меджлиса. В июне 1908 г. в результате контрреволюционного переворота меджлис был разогнан.⁶⁹ Вопрос о несостоявшейся в 1907 г. финансовый сделке вновь всплыл на поверхность и продолжал оставаться предметом обсуждения в англо-русско-персидской дипломатической переписке вплоть до осени 1909 г. В частности, он был затронут в памятной записке, переданной 3 (16) января 1909 г. русским Министерством иностранных дел английскому послу и предлагавшей английскому правительству «общий согласованный план действий» в Персии. По этому плану Англия и Россия должны были «дать шаху дружественный совет призвать к власти способных и энергичных людей» и склонить его к установлению в Персии «представительного правления», «не настаивая на восстановлении формы этого правления, существовавшей в 1907—1908 гг., посоветовать шаху приступить... к выработке закона, устанавливающего учреждение новой избираемой палаты, которая отвечала бы правам и обычаям персидского народа, так же как и его религиозным воззрениям, удовлетворяла бы его нуждам и способствовала бы восстановлению мира и порядка в Персии». Правительство П. А. Столыпина, очевидно, хотело павязать Мохаммед-Али-шаху как спасительное средство политическую систему, близкую по духу к третьиюньской монархии. В случае если бы шах дал «достаточные доказательства своего решения следовать советам России и Англии», план предусматривал предоставление ему аванса в 5 млн франков, а затем и крупного займа. Расходование кредитов должно было производиться под контролем особой комиссии, которую предполагалось учредить специально для этой цели с участием директоров русского и английского банков в Тегеране.⁷⁰

Однако английское правительство предпочитало «оставаться совершенно в стороне от внутренних дел Персии» и выжидать, «пока наиболее сильный элемент в стране не возьмет верх». В Лондоне скептически относились к возможности воздействовать на шаха, хотя и считали нужным оказать на него давление и потребовать введения в Пер-

⁶⁹ Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов. М., 1957, с. 282—287.

⁷⁰ Сборник дипломатических документов, касающихся событий в Персии. СПб., 1911, вып. II, с. 58—59.

сии в пределах строго определенного срока представителем
ного правления, угрожая в противном случае отказом
в какой бы то ни было поддержке со стороны британского
и русского правительств. Соответственно в Лондоне счи-
тали предпочтительным не спешить с предоставлением
Персии кредитов до тех пор, пока не определится полити-
ческое положение в стране.⁷¹ Тем не менее один из пунк-
тов совместного англо-русского меморандума, врученного
9 (22) апреля 1909 г. шаху, предусматривал и выдачу
аванса в размере 200 000 фунтов стерлингов, и организа-
цию последующего займа, в случае если бы шах принял
рекомендации двух держав, предусматривавшие восстано-
вление конституционного режима и проведение реформ.⁷²

Мохаммед-Али-шах медлил с ответом на меморандум,
однако под влиянием развития революционного движения
в стране вынужден был в конце апреля заявить о своем
намерении вновь созвать меджлис, а также выполнить
целый ряд других рекомендаций, содержащихся в ме-
морандуме. В связи с этим в мае 1909 г. русское прави-
тельство возобновило с шахом переговоры об авансе.

В русском Министерстве иностранных дел намерены
были предложить шахскому правительству аванс на
тех же условиях, что были выработаны во время англо-
русско-персидских переговоров о кредитах Персии
в 1906 г.⁷³

Тем не менее в мае 1909 г. английское правительство
отказалось участвовать в выдаче аванса «до одобрения
этой ссуды меджлисом», и предполагалось, что шаху бу-
дет выдана только русская часть аванса, т. е. половина
общей суммы. Деньги (2 500 000 франков) под контролем
России должны были быть потрачены на уплату недои-
мов войскам, жалованья чиновникам Министерства иност-
ранных дел, покрытие расходов, связанных с созывом
меджлиса.⁷⁴ Окончательные условия сделки и программа
расходования денег были переданы шаху в начале июня
(по ст. ст.), однако уже в середине июня стало ясно, что

⁷¹ Там же, с. 73—75.

⁷² Там же, с. 162—163.

⁷³ Предполагалось использовать конвенцию 1906 г., внося
в нее некоторые изменения, и, в частности, отказаться от требо-
вания возврата денег в течение года (Сборник дипломатических
документов..., с. 181).

⁷⁴ Сборник дипломатических документов..., с. 208—209.

сделка не состоится: под влиянием углублявшегося революционного кризиса положение Мохаммеда-Али-шаха становилось все менее устойчивым, и персидские министры, «боясь ответственности перед меджлисом», не решались занимать деньги у русского правительства.⁷⁵ Для того чтобы рассчитаться с войсками, шах взял в Учетно-ссудном банке Персии 50 000 туманов под залог своих драгоценностей.⁷⁶

В первых числах июля 1909 г. Мохаммед-Али-шах был низложен, его преемником стал несовершеннолетний последний Султан-Ахмет, провозглашенный 5(18) июля шахом.⁷⁷ Регентом при нем назначили каджарского принца Азад эль-Молька.⁷⁸

28 августа (9 сентября) 1909 г. низложенный шах вынужден был покинуть страну и через Энзели выехать в Одессу, которая должна была стать местом его постоянного пребывания. Новое правительство прежде всего столкнулось с финансовыми трудностями. Казна опустела, а деньги требовались как на самые насущные государственные нужды, так и на проведение реформ.⁷⁹ Персидское правительство предприняло попытку сделать заем в Англии под залог коронных ценностей. В августе 1909 г. ему удалось получить на этих условиях в английском Шахиншахском банке 100 000 туманов.⁸⁰ Однако от

⁷⁵ Там же, с. 214.

⁷⁶ Там же, с. 244.

⁷⁷ К моменту низложения Мохаммеда-Али-шаха его личный долг Учетно-ссудному банку Персии составлял около 3 млн руб., а английскому банку — около миллиона (Сборник дипломатических документов..., 1912, вып. III, с. 18).

⁷⁸ Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов..., с. 388. — 9 (22) сентября 1910 г. Азад эль-Мольк умер, а новым регентом был избран представитель персидской феодальной аристократии Насер эль-Мольк (там же, с. 437).

⁷⁹ «Правильно организованной» в Персии считалась «лишь одна отрасль государственных доходов, а именно таможенные доходы». В начале 1909 г., по сведениям русского Министерства иностранных дел, они составляли 5 млн руб. в год. Половина этой суммы тратилась на погашение долгов по займам, заключенным персидским правительством, в Учетно-ссудном банке Персии на сумму 32 млн руб. и в Имперском банке Персии на сумму 2,5 млн руб. (Сборник дипломатических документов..., 1911, вып. II, с. 56).

⁸⁰ Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов..., с. 393.

заклучения более крупной сделки без участия России английское правительство отказалось.⁸¹

Тогда, в конце 1909 г., по инициативе персидского правительства был поставлен вопрос о двух совместных англо-русских финансовых операциях: об авансе в 2 млн 500 тыс. туманов и крупном займе для конверсии старых долгов. В начале февраля 1910 г. Англия и Россия заявили о своей согласии предоставить персидскому правительству аванс в 400 000 фунтов стерлингов, однако на весьма тяжелых условиях. Кредиторы потребовали: «1) учреждения финансовой контрольной комиссии, состоящей из финансового советника в лице директора Главного управления таможен, двух членов меджлиса и двух персидских чиновников под председательством министра финансов, утверждающего все расходы в согласии с комиссией; 2) принятия на персидскую службу семи французских чиновников-финансистов с исполнительной властью, действующих согласно инструкциям, выработанным при участии финансового советника и одобренным им; 3) организации при помощи иностранных инструкторов, принимаемых на службу после предварительного согласия Англии и России, военной силы, достаточной для охраны торговых путей». Кроме того, персидское правительство должно было дать обязательство «не предоставлять никому, за исключением персидских подданных, оперирующих национальными капиталами, «никаких концессий на постройку железных дорог в Персии, не предложив их предварительно Англии и России», и выдать «Обществу Тавриз-Джульфенской железной дороги концессию на судоходство по Урмийскому озеру». Наконец, предлагавшийся аванс рассматривался как «первый взнос» будущего займа, а если бы таковой не был заключен, то аванс должен был бы быть погашен «в течение 10 лет равными взносами из 7%» и гарантировал доходами таможен и Монетного двора.⁸²

Предложенные Англией и Россией условия были настолько тяжелыми и унижительными, что персидское пра-

вительство «не осмелилось вывести их на обсуждение меджлиса»⁸³ и предприняло попытки организовать заем помимо России и Англии. Весной 1910 г. персидскому правительству были сделаны предложения о займах от немецких финансистов, а также от международного синдиката, состоявшего из английских, французских и голландских финансистов, возглавляемого неким Осборном. Переговоры с немецкими финансистами были сорваны русским и британским посланниками в Тегеране Р. А. Поклевским-Козелом и Дж. Барклаем. Переговоры же с Осборном с самого начала оказались под контролем английского и русского министерств иностранных дел. Международный синдикат предложил персидскому правительству ссуду в 500 000 фунтов стерлингов «под обеспечение не заложенных еще государственных доходов» и в частности от «нефтяных предприятий в Бахтиарии».⁸⁴

Английский министр иностранных дел Эдуард Грей потребовал от международного синдиката при выпуске персидского займа выполнения трех условий: «1) чтобы источники государственных доходов, обеспечивающие долги Персии России и Англии, не служили бы гарантией предполагаемого займа; 2) чтобы капитал исключительно был английский; 3) чтобы в этой финансовой операции участвовали только первоклассные английские фирмы».⁸⁵ Однако Осборн имел в виду использовать в качестве обеспечения займа таможенные поступления, служившие и обеспечением русских и английских займов, кроме того, предполагалось, что часть предоставленного международным синдикатом займа будет употреблена «для выкупа долгов Персии Англии и России», а часть — на железнодорожное строительство.⁸⁶ Условия и назначение займа совсем не отвечали духу англо-русской политики в Персии, и в результате попытка Осборна потерпела неудачу.

2 (15) марта 1910 г. английский и русский посланники в Тегеране вручили шахскому правительству ноты,

⁸³ Второй меджлис был созван в ноябре 1909 г. См.: Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 4.

⁸⁴ Там же. — Речь шла об уступке синдикату прав персидского правительства на участие «в нефтяном предприятии д'Арси». См.: Сборник дипломатических документов..., 1912, вып. IV, с. 96.

⁸⁵ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 4.

⁸⁶ Там же.

⁸¹ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 3.

⁸² Там же, л. 3—4; Сборник дипломатических документов..., 1912, вып. IV, с. 51—52; Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов, с. 444—445; Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения. 1905—1911. М., 1972, с. 228—229.

предостерегавшие его от заключения сделки с международным синдикатом. В русской ноте напоминалось, что шахское правительство обязалось до полного погашения 5% займов 1900 и 1902 гг. не делать иностранных займов без согласия на то русского правительства.⁸⁷

Английская и русская ноты вызвали частичный министерский кризис в Персии: министры, причастные к переговорам с международным синдикатом, подали в отставку. Однако персидское правительство в ответной ноте дало понять, что при заключении займов 1900 и 1902 гг. им было взято на себя обязательство не заключать займов у иностранных правительств, но что оно вправе вести переговоры с частными лицами и иностранными компаниями.⁸⁸

Попытка запретить персидскому правительству вести переговоры по финансовым вопросам с кем бы то ни было, кроме официальных английских и русских представителей, выглядела бы вопиющей в практике международных отношений. Поэтому в совместной ноте от 25 марта (7 апреля) 1910 г. правительства Великобритании и России заявили о своей готовности признать право персидского правительства кредитоваться у третьих лиц при условии, что никакие статьи доходов, служащие гарантиями русских и английских займов, не будут использованы для обеспечения новых финансовых обязательств шахского правительства, что последнее приведет в порядок и унифицирует свои текущие долги обеим странам (будет окончательно определен способ их погашения, размер годового процента и пр.) и, наконец, возьмет на себя обязательство не предоставлять «подданным других иностранных держав... концессии, могущие повредить... политическим или стратегическим интересам в Персии» Англии и России.⁸⁹

⁸⁷ Сборник дипломатических документов..., 1912, вып. IV, с. 98.

⁸⁸ Там же, с. 120, 121.

⁸⁹ Там же, с. 137—138. — В ответной ноте от 24 апреля (7 мая) 1910 г. правительство шаха еще раз подтвердило, что источники доходов, служащие обеспечением русских и английских займов не будут использоваться для гарантии новых финансовых операций: оно заявило, что намерено «при нравственной поддержке» английского и русского правительств «привести свои беспорядочные текущие долги в известный порядок», но отказалось обсуждать

Это заявление правительств Великобритании и России отнюдь не означало, что они намерены были предоставить шаху хоть какую-то свободу в выборе своих будущих кредиторов. Неудача Осборна свидетельствовала о том, что «третьи лица», если они намерены выступать в качестве кредиторов персидского правительства, могут добиться цели только при сотрудничестве с правительствами двух держав, которым весьма не безразлична национальная принадлежность проникающего в Персию капитала, а британское министерство иностранных дел и вовсе предпочитает, чтобы капиталы эти были и перво-разрядными, и безупречными в национальном отношении. Этот подход со стороны Англии и России к «посторонним» кредиторам Персии еще с большей наглядностью, чем в деле Осборна, проявился в переговорах с персидским правительством о крупном займе банкирского дома «Братья Зелигман».

В июне 1910 г. лондонский банкирский дом «*Se ligmen Brothers*» («Братья Зелигман») через своего представителя Мура сделал предложение персидскому правительству о займе в 1200 000 фунтов стерлингов из 5% годовых по цене 84 за 100% сроком на 37—40 лет. Гарантией займа должны были служить доходы южных таможен страны.⁹⁰

Предполагалось, что большая часть занятой суммы будет использована персидским правительством на оплату долга английскому Шахиппахскому банку и сверх того в распоряжении персидского правительства останется 350 тыс. фунтов стерлингов.⁹¹

К переговорам персидского правительства с Зелигманом и в Петербурге, и в Лондоне с самого начала отнес-

вопрос о концессиях «до представления разъяснений относительно этого вопроса и слова „концессия“, употребленного в широком смысле» (там же, с. 172—173).

⁹⁰ Нератов — Коковцову, 26 февраля 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, л. 453, л. 15; Поклевский-Козелл — Нератову, 4 (17) октября 1910 г. Там же, л. 3.

⁹¹ Поклевский-Козелл — Нератову, 4 (17) октября 1910 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, л. 453, л. 3.

лись настороженно, подозревая его в связях с «псемецкими банками и америкапским банкиром Шиффом».⁹²

Еще в мае 1910 г. Зелигманы поставили в известность Форин Оффис о готовящейся операции и просили разрешить им упомянуть в извещении о займе, что он одобрен английским правительством. Однако такого разрешения не последовало. Из Министерства иностранных дел сообщили, что контракт может быть одобрен только в случае, если его условия будут признаны английским правительством приемлемыми и если операция не встретит возражений со стороны России. Между тем английский министр иностранных дел Грей ясно дал понять русскому послу в Лондоне Бенкендорфу, что заем у Зелигманов не пользуется поддержкой правительства и Зелигманы действуют независимо от Форин Оффиса.⁹³ В последних числах октября (по н. ст.) Зелигманы известили английское Министерство иностранных дел о том, что намерены выпустить персидский заем только на английском рынке. Однако на это сообщение последовал ответ, что правительство предпочитает видеть в качестве кредитора Персии Шахиншахский банк, уже ведущий в Тегеране переговоры о займе.⁹⁴

Намерения Зелигманов вызвали беспокойство в правлении Имперского (Шахиншахского) банка. Там опасались, как бы влияние банка в Тегеране не перешло в другие руки, и поспешили, оттеснив Зелигманов, взять на себя проведение очередного персидского займа. Зелигманам не оставалось ничего другого, как отступить. По свидетельству американского историка Ф. Каземзаде, Имперский банк «имел глубокие корни в экономической и политической жизни Персии» и даже без поддержки Министерства иностранных дел мог соперничать с Зелигманами. Члены правления банка в Лондоне принадлежали к истеблишменту. Председатель правления банка Джексон и член правления Гордон были связаны с высокопоставленными правительственными чиновниками, которые побуждали их действовать в интересах империи.

⁹² Нератов — Коковцову, 26 февраля 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 435, л. 15.

⁹³ Kazemzadeh F. *Russia and Britain in Persia, 1864—1914*. New Haven and London, 1968. p. 558—559.

⁹⁴ Ibid.

В противоположность своим соперникам Зелигманы пахотились в положении аутсайдера. Более того, «Джексон и Гордон в деликатной форме указали Эдуарду Грею на то, что главный банкирский дом Зелигманов находился в Нью-Йорке» и это давало основание рассматривать «Братьев Зелигман» «как иностранную фирму, противостоящую британской компании». «Хотя никто не сказал об этом ни слова, — писал Каземзаде, — тот факт, что Зелигман и его компаньоны, так же как Вольф, Самуэль и Леви (лица, безуспешно пытавшиеся заняться в Персии предпринимательской деятельностью, — Б. А.), были евреи и имели международные связи, вероятно, свидетельствовал против них. Впрочем, — заключал свои рассуждения Каземзаде, — этот неуловимый (subtle) антисемитизм если и мог играть свою роль, то все-таки главная причина поддержки Греем Имперского банка состояла в политической надежности этого учреждения, которое могло быть и временами являлось инструментом британской политики».⁹⁵

Итак, в октябре 1910 г. не без вмешательства английского Министерства иностранных дел персидское правительство прервало переговоры с Зелигманами и начало готовить заем в Шахиншахском банке. Одновременно Россия потребовала от персидского правительства конверсии своих (на условиях заключения займов 1900 и 1902 гг.) краткосрочных ссуд, выданных Персии в 1904—1905 г. на общую сумму в 600 млн кран.⁹⁶ В переговорах с персидским правительством по финансовым вопросам осенью 1910 г. русская и английская стороны действовали вполне согласованно, и Шахиншахский банк поставил совершение своей сделки с персидским правительством в зависимость от «благоприятного» для России «окончания переговоров о конверсии».⁹⁷ После того, как в самом конце 1910 г. конверсия русских краткосрочных займов была проведена,⁹⁸ в начале 1911 г. персидское

⁹⁵ Ibid., p. 558—559.

⁹⁶ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 2.

⁹⁷ Сборник дипломатических документов..., 1912, вып. V, с. 155.

⁹⁸ По условиям соглашения, заключенного 31 декабря 1910 г., долг персидского правительства Учетно-ссудному банку Персии был консолидирован и объединен в общую сумму 60 млн кран.

правительство получило в Шахиншахском банке аванс в 120 тыс. туманов, а 25 апреля (8 мая) 1911 г. было подписано соглашение с тем же банком о займе в 1 250 000 фунтов стерлингов.⁹⁹ Между тем урок, полученный фирмой «Братья Зелигман» осенью 1910 г., заставил их действовать осторожнее. Весной 1911 г. они выступили с новым проектом персидского займа, подготовку которого начали вести уже через русское Министерство финансов. Посредничество между банкирским домом «Братья Зелигман» и русским финансовым ведомством взял на себя состоявший с Зелигманами в родственных связях агент Министерства финансов в Вашингтоне Г. А. Виленкин.

В конце февраля 1911 г. Виленкин изложил предложения Зелигманов в специальном письме на имя Коковцова. Довольно значительная часть письма была посвящена оценке политического положения в Персии, а предстоявший заем расценивался как мера, которая поможет персидскому правительству в наведении «порядка» в стране и обеспечит «жизненные и договорные права России и Англии».¹⁰⁰

Зелигманы представляли в письме Г. А. Виленкина как поборники того, чтобы во внутривосточной жизни Персии взяло верх «более трезвое и умеренное настроение» под эгидой англо-русского влияния. «Синдикат» с начала каких бы то ни было переговоров с самим персид-

из 7% годовых. Он подлежал погашению в течение 15 лет с 1 (14) июля 1910 г. по 1 (14) июля 1925 г. Погашение долга и уплата процентов должны были производиться посредством одинаковых взносов два раза в год. Общая сумма годового платежа составляла 6 524 559 кран. Обеспечением долга и гарантий его правильного погашения служили доходы всех персидских таможен, за исключением таможен Фарса и побережья Персидского залива, однако при условии, что за счет этих доходов в первую очередь будет произведена ежегодная уплата по займам 1900 и 1902 гг., составлявшая 1 670 494 р. 20 к., и сделаны «некоторые обязательные расходы персидского правительства, производимые из доходов северных таможен, на общую сумму в 5 107 000 кран ежегодно» (Сборник дипломатических документов..., 1913, вып. VI, с. 5—8).

⁹⁹ Поклевский-Козелл — Нератову, 15 (28) июня 1911 г. — Международные отношения в эпоху империализма. М., 1939, серия вторая, т. 18, ч. I, с. 149—151.

¹⁰⁰ Виленкин — Коковцову, 15 (28) февраля. ЦГА СССР. ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 11 об.—12.

ским правительством, — писал Виленкин, — желал бы быть конфиденциально осведомленным о тех условиях, при которых обе великие державы могли бы согласиться на заключение Персией внешнего займа приблизительно в шесть или семь миллионов фунтов стерлингов, и какое назначение следовало бы, по их мнению, придать этой сумме».¹⁰¹

Зелигманы не просто демонстрировали готовность предоставить Англии и России решать вопрос о назначении займа, но и предлагали свою программу использования средств, составленную в духе политики, проводившейся обеими державами в отношении Персии. «Синдикат» считает, — писал Виленкин, — что персидское правительство должно было бы отказаться от мысли выплаты по крайней мере части своих старых долгов России и Англии и употребить заем главным образом на: 1) некоторые неотложные внутренние реформы и преобразования для восстановления авторитета центрального правительства и провинциальных властей, 2) организацию военной силы, достаточной для поддержания общественной безопасности, особенно на торговых трактах, 3) некоторые общественные работы, как то ирригационные и иные производительные предприятия, в том числе пути сообщения, поскольку сооружение последних не нарушает политических и стратегических интересов России и Англии».¹⁰²

Виленкин сообщал, что представитель банкирского дома «Братья Зелигман» готов приехать в Петербург для ведения переговоров об условиях будущего займа. Виленкин писал со слов Зелигманов, что они не «вступали пока в переговоры со здешним Foreign Office о предполагаемом крупном персидском займе и воздержатся от таковых до получения ответа из Петербурга».¹⁰³

В марте 1911 г. Зелигман в сопровождении представителя фирмы полковника английской службы Беддоса прибыл в Петербург, где был принят министром финансов В. Н. Коковцовым, управляющим Министерством иностранных дел А. А. Нератовым и вел с ними переговоры.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Там же, л. 11—12.

В ходе петербургских переговоров речь шла о выпуске Зелигманами персидского займа на 30 млн руб. «под обеспечение земельной подати и остатков от таможенных доходов». Зелигман вновь заверил Нератова, что будет действовать «в полном согласии с Россией и Англией»,¹⁰⁴ однако заявил, что «для придания займу большей популярности в глазах персов следовало бы предоставить им право воспользоваться частью займа для погашения хотя бы некоторых долгов Персии» Шахиншахскому и Учетно-ссудному банкам; причем относительно России имелось в виду «конвертирование краткосрочных и других мелких ссуд, приблизительно на сумму 12 000 000 руб.».¹⁰⁵

Несмотря на отрицательное отношение к банкирскому дому «Братья Зелигман», в русском Министерстве иностранных дел ему все-таки была обещана поддержка: там надеялись «выговорить за посредничество» в подготовке операции железнодорожные концессии в Персии.¹⁰⁶ Нератов считал, однако, «недопустимым полный выкуп персами своих обязательств России и Англии». По его мнению, следовало убедить персидское правительство в том, что оно будет не в состоянии заключить какой бы то ни было заем помимо России и Англии.¹⁰⁷ Разумеется, поддержка Россией зелигмановского займа была обусловлена соответствующей поддержкой займа британским правительством, а банкирский дом «Братья Зелигман» брал на себя обязательство держать в курсе переговоров русского и британского посланников в Тегеране.¹⁰⁸

После возвращения из Петербурга Зелигман заручился «письмом от британского правительства», обещавшего ему на этот раз моральную поддержку, если такая же будет оказана и Россией.¹⁰⁹ Вслед за тем полковник Беддос и представитель фирмы выехали в Тегеран для ведения переговоров с персидским правительством.

¹⁰⁴ Нератов — Поклевскому-Козелл, 22 марта (4 апреля) 1911 г. — Международные отношения..., с. 7.

¹⁰⁵ Справка «Выдача совместного с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 6—7.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Нератов — Поклевскому-Козелл, 22 марта (4 апреля) 1911 г. — Международные отношения..., с. 7.

¹⁰⁸ Докладная записка по делу о предполагаемом персидском займе, б/д. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 87—89 об.

¹⁰⁹ Там же.

Здесь Беддосом и финансовым советником персидского правительства американцем Морганом Шустером были выработаны условия выпуска в два приема на Лондонском рынке 5-процентного займа на 4 млн фунтов стерлингов: 2 млн фунтов стерлингов предполагалось выпустить в близком будущем, а оставшуюся часть — после того как изменится политическое положение в Персии.¹¹⁰

Ко времени появления Беддоса в Персии в русских министерствах иностранных дел и финансов стало меняться отношение к предстоящему займу у Зелигманов. Русский посланник в Тегеране с самого начала переговоров не скрывал своего неприятия отношения к операциям такого рода. Еще до приезда Беддоса в Тегеран Поклевский-Козелл писал в Петербург, что «дом Зелигмана не внушает особенного доверия и попытка войти с ним в близкие сношения может копчиться разными разоблачениями в английской радикальной прессе и записками в английском парламенте, как то уже имело место по отношению к английскому правительству вследствие неудавшейся в прошлом году попытки этого дома заключить здесь заем».¹¹¹

Поклевский считал, что с точки зрения русских интересов более выгодным было бы размещение персидского займа в России, хотя бы через «ссудо-сберегательные кассы», или на французском рынке, учитывая то, что Франция «до сих пор во всем следовала... указаниям» из России и «отказывалась от всяких денежных ссуд» Персии. Поклевский просил разрешения заявить Беддосу, что устройство займа намерен «сохранить за собой» Учетно-ссудный банк и «что никакие другие финансовые операции нежелательны, пока Персия не улучшит своей администрации и не установит надлежащих мер контроля для предупреждения расхищения денег».¹¹²

Предложения Поклевского были встречены в Петербурге сочувственно. А. А. Нератов не видел оснований к тому, чтобы отдавать предпочтение французским капиталам, поскольку, с его точки зрения, преимущественным правом в Персии должны были пользоваться английские

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Поклевский-Козелл — Нератову, 3 (16) мая 1911 г. — Международные отношения..., с. 8.

¹¹² Там же.

и русские капиталы, но вместе с тем не считал себя более связанным данным в Петербурге обещанием не препятствовать займу у Зелигманов после того, как британское правительство не стало им содействовать, а «продолжало поддерживать Шахиншахский банк», заключивший «сделку с пахским правительством». «Ввиду сего мы имеем полное основание, — писал Нератов, — считать себя свободными от каких-либо обязательств по отношению к Зелигману и, следуя примеру Англии, предоставить реализацию займа, если бы персы нас о том просили, нашему Учетно-ссудному банку Персии, от которого будет зависеть привлечение к этому делу в случае надобности тех или иных иностранных капиталов». ¹¹³

Намерение русского правительства отказаться от обещаний, данных в ходе петербургских переговоров с Зелигманом, довольно скоро стало известно в Тегеране. В последних числах июня (по ст. ст.) Г. А. Виленкин обратился к директору Общей канцелярии министра финансов Е. Д. Львову с просьбой сообщить ему, соответствуют ли действительности дошедшие до полковника Беддоса слухи, «будто бы русское правительство... не сочувствует идее займа» у Зелигманов и «предпочитает, чтобы таковой был сделан непосредственно персидским Учетно-ссудным банком». ¹¹⁴ Письмо Виленкина поступило в Общую канцелярию министра финансов 28 июня (по ст. ст.) и на него был заготовлен ответ, опровергавший слухи, беспокоившие Виленкина. Однако первоначально составленный проект ответа был забракован и подвергся коренной переработке. В результате 6 (18) июля Виленкину было отправлено письмо, подтверждавшее достоверность распространившихся в Тегеране слухов. Е. Д. Львов обращал внимание Виленкина на то, что правительство Великобритании оказало поддержку не банкирскому дому «Братья Зелигман», а Шахиншахскому банку, выдавшему персидскому правительству несколько авансов в счет будущего займа. «Это обстоятельство существенно изменило положение, при котором шли пере-

говоры между ст. секр. Коковцовым, д. с. с. Нератовым и Зелигманом в Петербурге». ¹¹⁵

Поскольку английская сторона заключила финансовую сделку с персидским правительством «через свой банк», русское Министерство иностранных дел потребовало теперь, чтобы «новая кредитная операция» в Тегеране была осуществлена через русский Учетно-ссудный банк Персии. Е. Д. Львов сообщал Виленкину, что Учетно-ссудный банк готов был бы войти в соглашение с банкирским домом «Братья Зелигман» о совместном займе Персии с условием размещения его на лондонском, а если Зелигманы сочтут это необходимым, то и на парижском рынках. ¹¹⁶ Итак Зелигманам предлагалось продолжить переговоры в Петербурге на совершенно новых условиях.

Между тем к августу 1911 г. полковник Беддос уже подготовил в Тегеране проект контракта будущего займа в 4 млн фунтов стерлингов, выторговав в пользу Зелигманов 7.5%. Было условлено, что контракт будет подписан предварительно в Тегеране, а через шесть месяцев окончательно — в Лондоне. Время выпуска и цена его должны были быть определены с согласия меджлиса. Первую половину займа предполагалось выпустить через полгода, а вторую — год спустя после первой. Завершив переговоры с Морганом Шустером, Беддос обратился к русскому посланнику в Тегеране с просьбой не позднее пяти месяцев после подписания предварительного контракта известить банкирский дом «Братья Зелигман» об отношении русского правительства к предстоящему займу и заявил о своей готовности «приехать в Петербург для обсуждения деталей». ¹¹⁷ Поскольку Поклевскому было известно от британского посланника в Тегеране, что «английское правительство принципиальных возражений против этой операции «иметь не будет», то окончательное решение судьбы персидского займа у Зелигманов целиком зависело теперь от русских финансового и дипломатического ведомств. ¹¹⁸ А в Петербурге настроены были обсуждать не детали предстоящей операции, а вопрос о том,

¹¹³ Нератов — Поклевскому-Козелл, 24 мая (6 июня) 1911 г. — Международные отношения..., с. 85.

¹¹⁴ Виленкин — Львову, 22 июня (3 июля) 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 463, л. 21.

¹¹⁵ Львов — Виленкину, 6 (18) июля 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 25 об.—26.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 28 и об.

¹¹⁸ Там же.

чтобы операция эта была «осуществлена на совершенно иных началах», чем это предполагалось в предварительном соглашении между полковником Беддосом и Морганом Шустером.

10 (23) сентября Г. А. Виленикин написал Е. Д. Львову о согласии Зелигманов на выпуск совместного с Учетно-ссудным банком Персии займа.¹¹⁹ Зелигманы, очевидно, надеялись выступать в этой сделке на правах равных партнеров. Однако в Петербурге намерены были использовать банкирский дом «Братья Зелигман» только как источник финансирования подготавливаемой сделки. «... договор о займе, — писал в последних числах сентября Нератову Коковцов, — должен быть подписан исключительно русским банком, и в его же пользу должны быть выговорены все те права, которых окажется необходимым добиться от персидского правительства для обеспечения интересов заимодавцев. Вообще за все время действия займа наш банк должен являться фактическим посредником при сношениях с персидским правительством по вопросам, касающимся займа».¹²⁰ Поскольку Коковцов отдавал себе отчет в том, что «реализация персидского займа в России не представляется возможной», то он хотел «предоставить фактический выпуск займа Зелигману с тем, чтобы последний воспользовался наиболее крупной долей тех материальных выгод, которые сопряжены с подобной операцией».¹²¹

В. Н. Коковцов рассматривал предоставление каких бы то ни было прав в Персии банкирскому дому «Братья Зелигман» как уступку в пользу английской фирмы, нанесущую ущерб русскому влиянию.

Итак, если осенью 1910 г. русский посланник в Тегеране склонен был подозревать фирму «Братья Зелигман» в связях с «немецкими банками и американским банкиром Шиффом», то теперь, в сентябре 1911 г., в русском Министерстве финансов представляли дело так: если допустить самостоятельное участие фирмы в организации персидского займа, то она может явиться проводником

¹¹⁹ Виленикин — Львову, 10 (23) сентября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 30 об.—31.

¹²⁰ Коковцов — Нератову, 14—15 (27—28) сентября 1911 г. — Международные отношения..., ч. II, с. 39—40.

¹²¹ Там же.

английского влияния в северных районах Персии. Эта точка зрения, по-видимому, разделялась и в Министерстве иностранных дел. Несколько особую позицию по отношению к банкирскому дому «Братья Зелигман» занимал русский посол в Лондоне Бенкендорф. Он пытался доказать Нератову, что Россия в своей политике по отношению к Персии должна «выйти из положения обструкции», ибо такая политика в конечном счете «ведет к порочному кругу» и таит в себе опасность «оккупации», а последняя может явиться еще одним шагом к развязке европейской войны.¹²² Раз Персия нуждается в деньгах, рассуждал Бенкендорф, то следует способствовать организации займа, если невозможно сделать заем в России, то надо «искать других комбинаций». Бенкендорф как раз подчеркивал выгоду привлечения для выпуска персидского займа банкирского дома «Братья Зелигман» ввиду отсутствия у него выраженной национальной принадлежности. «Если с самого начала я стоял за Зелигмана, — писал Бенкендорф Нератову, — то, между прочим, потому, что эта фирма более, чем другие, имеет международный характер. Американская в Нью-Йорке, английская в Лондоне, немецкая в Германии, она не имеет за собой никакой прямой национальной поддержки. ... То же скажу и о Шустере. Он — американец, но не Америка. В Китае деятельность американских финансистов и агентов носит политический характер. Это очевидно. Относительно же Персии я этого не думаю. Америка не бросает так далеко своих жадных взоров».¹²³ Всю операцию Бенкендорф рассматривал как международный заем под опекой России. Взгляды Бенкендорфа оказали, видимо, какое-то влияние на отношение к банкирскому дому «Братья Зелигман» в министерствах финансов и иностранных дел России. Во всяком случае при возобновлении переговоров о займе с Зелигманом в Петербурге в середине октября 1911 г. Коковцов хотя и выступил со своей программой, согласно которой «контрагентом персидского правительства по заключению займа» должен был стать «исключительно Учетно-ссудный банк Персии», банкирский дом «Братья Зелигман» привле-

¹²² Бенкендорф — Нератову, 27 сентября (10 октября) 1911 г. — Международные отношения..., ч. II, с. 121.

¹²³ Там же.

кался для размещения займа на лондонском рынке.¹²⁴

Зелигман считал предложенные Коковцовым условия неприемлемыми и потребовал, чтобы договор о займе с персидским правительством был подписан от имени обоих банков. В переговорах с Коковцовым Зелигман пытался доказать, что его фирма не преследует никаких политических интересов в Персии, а предложенный русским министром финансов проект организации займа просто не осуществим. В связи с проектом Коковцова Зелигман представил заключение одного из известных лондонских юрисконсультов, свидетельствовавшее, что руководители лондонской биржи едва ли согласятся допустить к официальной котировке облигации займа, выпускаемой фирмой, не состоящей «в непосредственных договорных отношениях с персидским правительством».¹²⁵ Кроме того, Зелигман подчеркивал, что «среди английской публики» Учетно-ссудный банк Персии «совершенно неизвестен», а если ей объяснить, что «банк этот представляет собой полуправительственное русское учреждение», то это может обратить на себя внимание прессы, а в конечном счете «поколебать доверие публики к займу и «повлиять на успех подписки».¹²⁶

Доводы, выдвинутые Зелигманом против проекта Коковцова, заставили русского министра финансов изменить позицию и принять предложение английского банкира о совместном выпуске займа. Однако Коковцов продолжал настаивать на том, чтобы «все права политического характера», связанные с правом «контроля над расходованием выручки от реализации займа» или правом «вступить в заведование... источниками доходов, которыми в случае неисправности персидского правительства в платежах будет гарантирован заем», были «выговорены в пользу Учетно-ссудного банка Персии».¹²⁷

¹²⁴ Коковцов — Нератову, 15 (28) октября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 84.

¹²⁵ Слоутэр энд Мэй (Slaughter and May) — Зелигманам, 7 (20) октября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 93—94.

¹²⁶ Свои взгляды на проект Коковцова Зелигман изложил в специальном документе, названном в русском переводе «Докладная записка по делу о предполагаемом русском займе» (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 87—88).

¹²⁷ Коковцов — Нератову, 15 (28) октября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 84.

По-видимому, во время октябрьских переговоров в Петербурге Зелигман представил Коковцову проект контракта займа, подготовленный в ходе переговоров с персидским правительством, и проект этот начал перерабатываться с учетом требований русской стороны и того, что контрагентами теперь должны были выступать совместно банкирский дом «Братья Зелигман» и Учетно-ссудный банк Персии. В частности, Коковцов сразу же поставил вопрос об исключении из проекта контракта требования (видимо, подсказанного Зелигманом Шустером) о сохранении должности иностранного главного казначея вплоть до погашения займа, ибо русское правительство вовсе не было заинтересовано в том, чтобы «укреплять положение» американского советника по финансовым вопросам.¹²⁸

Коковцов и Зелигман, очевидно, обменялись мнениями по поводу проекта совместного контракта, однако окончательного соглашения не достигли. Было условлено, что Министерство финансов через Г. А. Виленькиша переишет Зелигману в течение одной или двух недель после его отъезда условия Учетно-ссудного банка Персии.¹²⁹

Петербургские переговоры между Зелигманом и Коковцовым в октябре 1911 г. осложнились неожиданным вмешательством в подготавливающуюся сделку «Нового времени», обрушившегося в связи с визитом Зелигмана с самых крайне правых позиций на политику русского правительства в Персии. 17 (30) октября «Новое время» опубликовало передовую статью, посвященную переговорам с Зелигманом. Намечавшийся персидский заем был представлен в этой статье как жульническая операция международного характера, проводящаяся в интересах Моргана Шустера, но за счет русского правительства и при его покровительстве. «Знаменитый американо-еврейский банкир Зелигман, — писало «Новое время», — и лейб-Еврей нашего Министерства финансов из Лондона прибыли в нашу столицу, чтобы спасти положение лейб-Еврея тегеранского правительства, пресловутого Американца Шустера, избранного при содействии нашего посла в Тегеране финансовым советником персид-

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Виленькин — Львову, 6 (19) ноября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 122.

ского Министерства финансов. Они хлопочут (о займе в сорок миллионов рублей, чтобы дать тегеранскому правительству возможность вывернуться из нынешнего критического положения». ¹³⁰

Газета выражала надежду, что Поклевский-Козелл уйдет в отставку, а пост посланника в Тегеране займет дипломат, умеющий «понимать и отстаивать русские интересы». ¹³¹ Вызывающий тон статьи и оскорбительные выпады против посланника и агента Министерства финансов не могли остаться незамеченными в официальных кругах. Г. А. Виленкин, естественно, считал себя задетым лично и в тот же день направил Коковцову письмо, выразив в нем готовность покинуть государственную службу. В. Н. Коковцову едва ли нужно было объяснять, что статья в «Новом времени» была построена на подтасовках, и Виленкин только упомянул в своем письме, что вопреки утверждениям статьи не было и речи о гарантии займа русским правительством, что «в данном случае дом Зелигмана английский, а не американский, и что, наконец, Шустер — не еврей, а чистокровный американец». Зато по поводу собственной роли в деле организации займа Виленкин считал нужным дать министру подробные объяснения, подчеркнув, что он действовал в интересах России. По мнению Виленикина, статья в «Новом времени» должна была сыграть на руку противникам англо-русского сближения. Рассматривая политическое значение предстоявшего персидского займа в связи с англо-русскими отношениями, Виленикин обращал внимание Коковцова на то, что английское Министерство иностранных дел «чутко относится» к «папдам» в печати и парламенте «за его совместную с Россией политику в Персии». ¹³² «И весьма вероятно, — писал Виленикин, — ближайшие „Blue Books“ дадут полный отчет о действиях английского правительства в вопросе персидского займа, чтобы доказать английскому общественному мнению, что английское правительство не мешает развитию производительных сил Персии, и, таким образом, в случае пе-

¹³⁰ «Новое время», 17 (30) X 1911.

¹³¹ Там же.

¹³² Виленикин — Коковцову, 17 (30) октября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 96—97.

удачи персидского займа при содействии Англии и России свалить с себя всякую ответственность».¹³³

Это был, конечно, весьма прозрачный намек на то, что скандальные выходы «Нового времени» не только могут повредить англо-русскому сближению, но и облегчают возможность английскому правительству взвалить всю ответственность за совместную с Россией политику в Персии на своего партнера по союзу.

Независимо от письма Виленкина Коковцов и сам не мог остаться равнодушным к статье, порочившей деятельность правительства и Министерства финансов. 18(31) октября в Общей канцелярии министра финансов была заготовлена и в тот же день отправлена в Осведомительное бюро газеты заметка, осторожно опровергавшая содержание передовой статьи от 17(30) октября и объяснявшая читателю, что приезд Зелигмана в Петербург связан только с необходимостью выяснить, «при каких условиях» заключение нового персидского займа «не нанесет ущерба русским интересам».¹³⁴ 19 октября (1 ноября) 1911 г. «Новое время» вынуждено было поместить это опровержение.

Между тем в последних числах октября вопрос о совместном с Зелигманами русском займе Персии оказался в тепи из-за резко обострившихся отношений между Россией и Персией. Поводом конфликта явилась конфискация персидским правительством имущества Шоа эс-Салтане, брата низвергнутого шаха Мохаммеда-Али, поддерживавшего осенью 1911 г. попытку государственного переворота.¹³⁵

Дом и имущества Шоа эс-Салтане были заложены в Учетно-ссудном банке Персии и арендованы русскими подданными. Тем не менее по распоряжению Шустера чиновники главного казначейства и финансовая жандармерия заняли владения Шоа эс-Салтане. Поклевский потребовал, чтобы финансовая жандармерия, занявшая дом и имущества Шоа эс-Салтане, была заменена казаками. Шустер отказался принять во внимание требования русского посланника. В первых числах ноября (по ст. ст.)

¹³³ Там же.

¹³⁴ Судя по всему, опровержение это было отправлено в газету через Министерство иностранных дел (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 98).

¹³⁵ Иванов М. С. Иранская революция 1905—1911 годов, с. 489—490.

царское правительство отправило в Казвин военный отряд, предоставив Поклевскому право вызвать эти войска в Тегеран для выдворения из владений Шоа эс-Салтане жандармерии.¹³⁶

16 (29) ноября Россия предъявила Персии ультиматум, потребовав увольнения Шустера и главного казначея провинции Азербайджан, бывшего служащего Шахиншахского банка Лекофра. Кроме того, персидское правительство должно было дать обязательство не приглашать к себе на службу иностранцев без согласия русской и английской миссий и возместить расходы, связанные с посылкой русских войск в Персию.¹³⁷ Действия русской дипломатии получили поддержку английского правительства. После отклонения медилисом ультиматума 18 ноября (1 декабря) русский военный отряд, уже занявший Решт, выступил в Казвин. Оккупация русскими войсками ряда районов Северной Персии, а английскими — городов на юге способствовала успеху контрреволюционного переворота в стране, осуществленного в декабре 1911 г. и ознаменовавшего собой конец революции 1905—1911 гг.¹³⁸

Разумеется, в столь напряженной политической обстановке не могло быть и речи о заключении какого бы то ни было займа персидским правительством. Кроме того, заключение займа у Зелигмана рассматривалось в Персии как возможность избежать «англо-русского финансового контроля». Когда же стало известно, что заем будет осуществлен при участии и под контролем России, интерес к нему заметно ослаб.¹³⁹ Между тем в ноябре—декабре 1911 г. были наконец выработаны условия соглашения между Учетно-ссудным банком Персии и банкирским домом «Братья Зелигман».¹⁴⁰ Зелигманы не утратили интереса к займу. Они считали, что «какая бы партия ни

¹³⁶ Там же, с. 490—491.

¹³⁷ Там же, с. 493—494.

¹³⁸ Там же, с. 501—503.

¹³⁹ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 8.

¹⁴⁰ Е. Д. Львов направил 28 октября (10 ноября) в Министерство иностранных дел проект договора с персидским правительством о займе в 4 млн фунтов стерлингов, выработанный Зелигманами, с внесенными в него в Общей канцелярии министра финансов изменениями (Львов — Клемму, 28 октября (10 ноября) 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 100).

укрешилась в Тегеране, Персии понадобятся деньги и не обойтись без займа», а потому спешили «урегулировать» «взаимные отношения» с Учетно-ссудным банком и быть готовыми, как только «порядок в Персии будет восстановлен, немедленно воспользоваться благоприятной конъюнктурой рынка и выпустить заем».¹⁴¹

Совместный контракт Учетно-ссудного банка Персии и банкирского дома «Братья Зелигман» предусматривал выпуск займа на 4 млн фунтов стерлингов. Заем предназначался для уплаты персидским правительством долга Учетно-ссудному банку в размере 60 млн крап и для покрытия расходов на «производительные общественные работы», связанные с развитием оросительной системы, торговли и земледелия, улучшением торговых путей. Первоначально предполагалось разместить только половину займа размером 2 млн фунтов стерлингов. Срок и цена займа должны были быть определены с согласия персидского Министерства финансов и медилиса.¹⁴² Учетно-ссудный банк и дом Зелигманов выступали в контракте как равноправные контрагенты персидского правительства.

Возможно, проект контракта подвергся бы еще какому-то усовершенствованиям или изменениям, а может быть, был бы дополнен специальным соглашением между контрагентами персидского правительства, если бы заключение займа оказалось реальным. Однако надежды банкирского дома «Братья Зелигман» на выпуск персидского займа, хотя бы совместно с Учетно-ссудным банком Персии, оказались тщетными.

Персидское правительство вновь обратилось за кредитами к Англии и России в январе 1912 г., т. е. вскоре после контрреволюционного переворота. Деньги пужны были безотлагательно, и поэтому, как и прежде, объектом переговоров стал аванс в счет будущего крупного займа. Англия и Россия тотчас же согласились выдать персидскому правительству аванс в размере 200 тыс. фунтов стерлингов из 7% годовых. После принятия поставленных кредиторами условий Шахиншахский и Учетно-ссудный банки должны были открыть персидскому правительству кредит по 100 тыс. фунтов каждый. Причем Учетно-ссуд-

¹⁴¹ Виленкин — Львову, 6 (19) ноября 1911 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 122 об.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 127—132.

ный банк должен был выдать эту сумму в рублях (945 750). Условия кредита по своей жесткости превосходили все то, что выдвигалось Россией и Англией до сих пор. Кредиторы требовали, чтобы расходование аванса производилось «под контролем главного казначая и согласно программе, одобренной миссиями», причем значительная часть аванса должна была пойти на организацию жандармерии. Персидское правительство должно было дать обязательство «согласовывать отныне свою политику с принципами англо-русского соглашения 1907 г.», «пустить... фидаев и регулярные войска, обсудить с обеими миссиями проект организации маленькой регулярной армии» и, наконец, разрешить выезд из Персии бывшего шаха Мохаммеда-Али (в июле 1911 г. негласно приехавшего в страну и пытавшегося вернуться к власти), назначить ему пенсию и амнистировать его приверженцев.¹⁴³

Персидское правительство тянуло с ответом на требования, предъявленные Англией и Россией, до начала марта, но в конце концов вынуждено было все-таки их принять.¹⁴⁴ К началу апреля 1912 г. полученный в Шахиншахском и Учетно-ссудном банке аванс в 200 тыс. фунтов стерлингов был уже растрачен и началось обсуждение вопроса о новом англо-русском авансе, на этот раз в 50 тыс. фунтов стерлингов. Попутно с выдачей персидскому правительству аванса пачиная с января 1912 г. Россия и Англия вели переговоры и о подготовке крупного займа, в связи с которыми всплыл вопрос об участии в нем бакирского дома «Братья Зелигман». Однако русский министр иностранных дел Сазонов заявил английскому послу в Петербурге Бьюкенену, что русское пра-

¹⁴³ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 9. — См. также памятную записку английского посольства в Петербурге Сазонову от 21 января (3 февраля) 1912 г., телеграмму Сазонова Поклевскому-Козелл от 25 января (7 февраля) 1912 г. и, наконец, ноту российского и английского посланников в Тегеране персидскому министру иностранных дел Восуг эд-Доуле от 5 (18) февраля 1912 г., в которой были изложены англо-русские условия займа (Международные отношения..., 1938, т. 19, ч. II, с. 77—78, 84, 155—156).

¹⁴⁴ См. ноту персидского министра иностранных дел Восуг эд-Доуле Поклевскому-Козелл от 7 (20) марта 1912 г., а также письмо Поклевского-Козелл Сазонову от 24 марта (6 апреля) 1912 г. (Международные отношения..., т. 19, ч. II, с. 304—307 и 381—384).

вительство не хотело бы «возвращаться к вопросу об устройстве» персидского займа «при посредстве фирмы Зелигман», а имело в виду «обратиться к иным предложениям, которые представляются более приемлемыми с точки зрения интересов обоих правительств».¹⁴⁵ По замыслам русского Министерства иностранных дел Зелигманов должна была заменить французская финансовая группа во главе с Парижско-Нидерландским банком, участвовавшая в Обществе по изучению вопроса о строительстве Трансперсидской железной дороги. Русское правительство, действуя через директора Парижско-Нидерландского банка А. Беака, рассчитывало с помощью этой группы получить не только необходимые средства для финансирования персидского правительства, но и концессии на железнодорожное строительство в Персии.¹⁴⁶ На этот раз английское правительство в лице Эдуарла Грея неожиданно выступило в защиту Зелигманов под тем предлогом, что переговоры с ними зашли «уже слишком далеко, чтобы их можно было внезапно прервать и передать дело о займе в другие руки».¹⁴⁷ Беак предложил компромиссный вариант. Поскольку в операции должен был участвовать известный английский банкирский дом «Братья Бэринг», связанный с Парижско-Нидерландским банком, и часть займа должна была размещаться в Англии, Беак считал возможным предоставить Зелигману в операции «известное негласное участие», которым тот мог бы удовлетвориться.¹⁴⁸ Надо сказать, что Зелигманы и сами не остались равнодушными к развернувшимся вокруг предстоявшего персидского займа переговорам. Стоило в начале 1912 г. в русских дипломатических кругах распространиться слуху о намерении Зелигманов отказаться от участия в намечавшейся операции, как Вилленкип поспешил решительно его опровергнуть

¹⁴⁵ Нота министра иностранных дел Сазонова английскому послу в Петербурге Блюкенену, 16 (29) января 1912 г. — *Международные отношения* . . . , т. 19, ч. II, с. 54.

¹⁴⁶ Сазонов — Бенкендорфу, 16 (29) января 1912 г. — *Международные отношения* . . . , т. 19, ч. II, с. 57; Сазонов — Извольскому, 26 января (8 февраля) 1912 г. Там же, с. 89—91.

¹⁴⁷ Бенкендорф — Сазонову, 17 (30) января 1912 г. — *Международные отношения* . . . , т. 19, ч. II, с. 57, прим. 2.

¹⁴⁸ Сазонов — Бенкендорфу, 16 (29) января 1912 г. — *Международные отношения* . . . , т. 19, ч. II, с. 57.

и прежде всего в разговоре с С. Д. Сазоновым. Поскольку Сазонов получил это известие из парижского посольства, то Виленкин по дороге в Лондон повестил в Париже Извольского и убедил русского посла в ложности распространяемого слуха. С помощью Извольского Виленкин встретился с директорами Парижско-Нидерландского банка Э. Нецлином и Бепакком, а затем, следуя их совету, уже в Лондоне — с главой банковского дома «Братья Бэринг» лордом Ревельстоком.¹⁴⁹ Предметом переговоров Виленкина с этими крупнейшими представителями парижского и лондонского финансового мира было участие банковского дома «Братья Зелигман» в предстоящем персидском займе. Ревельсток заверил Виленкина, что фирма «Братья Зелигман», «ведшая переговоры в Персии, Лондоне и Петербурге, имеет известные моральные права на заем». Это же Ревельсток повторил и самому Зелигману во время встречи с ним, состоявшейся на следующий день после встречи с Виленкиным, пообещав, что «раз дело дойдет до займа, то на лондонском рынке их обе фирмы сговорятся».¹⁵⁰ В марте 1912 г. Виленкин рассматривал участие Зелигманов в предстоящем персидском займе как дело почти улаженное, надеясь, что Ревельсток и Зелигманы просто поделят поровну ту часть займа, которая будет размещена в Лондоне.¹⁵¹

Как оказалось, оптимизм этот был лишен реального основания. Заключение крупного займа в Тегеране откладывалось с месяца на месяц, персидское правительство довольствовалось авансами, выдаваемыми ему Англией и Россией под весьма серьезные политические уступки, и, наконец, в Петербурге на отношения с Зелигманами теперь уже смотрели как на событие из области прошлого и не склонны были эти отношения возобновлять.¹⁵²

¹⁴⁹ Виленкин — Львову, 1 (14) марта 1912 г. ЦГИА СССР. ф. 560, оп. 28, д. 453, л. 133—136.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ Там же. — Русский посол в Лондоне Бенкендорф в марте 1912 г. считал, что Ревельсток, хотя и «не без труда», «в конце концов... договорится с Зелигманом» (Бенкендорф — Сазонову, 14 (27) марта 1912 г. — Международные отношения..., т. 19, ч. II, с. 336—337).

¹⁵² Так, в конце апреля (по ст. ст.) 1912 г. при обсуждении в Петербурге вопроса о выдаче через Учетно-судный банк Пер-

Изменение политического положения в Персии после декабрьского переворота 1911 г., готовность персидского правительства идти на серьезные политические уступки и следовать духу англо-русского соглашения открывали новые возможности для русского самодержавия в Персии, в том числе и на пути поисков концессий на железнодорожное строительство, к которым после 1910 г. в России стали проявлять весьма устойчивый интерес. Значительно улучшившееся к 1912 г. финансовое положение в самой России создавало царскому правительству условия для более свободного маневрирования в своих финансовых операциях в Персии, да и традиционное сотрудничество с французским финансовым миром гарантировало В. Н. Коковцова от нападков такого влиятельного органа столичной печати, коим было «Новое время».

Англо-русские отношения в Персии после 1907 г.
и экономическая экспансия Германии.
Учетно-судный банк и железнодорожное строительство.
Кризис банка накануне первой мировой войны

Соглашение 1907 г. не покончило с англо-русским экономическим соперничеством на Среднем Востоке и лишь несколько изменило его характер. Сотрудничество Англии и России в кредитовании правительства шаха отнюдь не исключало борьбу между ними за концессии, торговое и финансовое влияние в Персии.

В Петербурге настороженно следили за попытками английских предпринимателей, часто опиравшихся на поддержку своего правительства, проникнуть в сферу влияния России. Так, в правящих кругах России и в печати с тревогой было встречено известие о покупке накануне

сии очередного аванса персидскому правительству в размере 50 тыс. фунтов стерлингов товарищ министра иностранных дел Нератов в письме к Коковцову еще раз отмечал, что «возвращение к прежней комбинации с Зелигманом было бы нежелательно» (Нератов — Коковцову, 25 апреля (8 мая) 1912 г. — Международные отношения..., т. 19, ч. II, с. 510—511). Однако выдачу сравнительно небольшого аванса в 50 тыс. фунтов стерлингов русское правительство считало невозможной без привлечения иностранных банков и предполагало воспользоваться помощью либо Парижско-Нидерландского банка, либо какого-нибудь банка, входившего в состав Общества по изучению вопроса о строительстве Трансперсидской железной дороги (Сазопов — Коковцову, 11 (24) апреля 1912 г. Там же, с. 453—455).

первой мировой войны английским правительством акций Англо-Персидской нефтяной компании.¹⁵³ Она была образована в 1909 г. и унаследовала права, полученные в 1901 г. по концессии д'Арси, на эксплуатацию нефтяных богатств на большей части территории Персии, включая и провинции, вошедшие по соглашению 1907 г. в нейтральную и русскую зоны. Особенное беспокойство в Петербурге вызвало то, что правительство Великобритании, по выражению русского министра финансов П. Л. Барка, превратило Англо-Персидскую нефтяную компанию «в свое орудие». «Не могу, однако, не отметить, — писал в июле 1914 г. П. Л. Барк министру иностранных дел С. Д. Сазонову, — что к заявлениям английских министров в палате общин, будто данная мера имеет единственной своей целью обеспечение английского военного флота жидким топливом и непосредственно не затрагивает задач английской политики в Персии, необходимо относиться с большой осторожностью ввиду обнаруженных великобританским правительством в других случаях стремлений к распространению английского влияния за пределы, намеченные конвенцией 1907 г.». ¹⁵⁴ Барк ставил в связь действия английского правительства в отношении Англо-Персидской нефтяной компании с его поведением на заметно продвинувшихся к лету 1914 г. переговорах с Россией о проектах совместной постройки Трансперсидской железной дороги.¹⁵⁵ Английское правительство, убеждал Барк Сазонова, «потребовало, чтобы англичанам были предоставлены на участке этой дороги в пределах нейтральной зоны те же права, какими русские будут пользоваться в своей сфере влияния. Затем тем же правительством было предложено Обществу Трансперсидской железной дороги войти в соглашение с английским сип-

дикатом персидских железных дорог, которому оно уже обещало свое содействие к получению концессии на целую сеть рельсовых путей в нейтральной зоне; этот же синдикат образован группой лиц во главе с Greenway (Гринвеем, — Б. А.), который, судя по имеющимся сведениям, состоит директором-распорядителем Anglo-Persian Oil Co. Это последнее обстоятельство, по-видимому, заслуживает особого внимания. Так как Anglo-Persian Oil Co. уже в течение ряда лет находится под влиянием великобританского правительства, то можно думать, что оно воспользуется услугами деятельности этой компании для осуществления и железнодорожных проектов в районе ее нефтепромышленной деятельности и что теперь, когда компания стала в положение органа правительства, последнее будет пользоваться ею как готовым могущественным аппаратом для проведения не только экономических, но и чисто политических своих задач прежде всего в нейтральной зоне, а если обстоятельства этого потребуют — и в русской». ¹⁵⁶

Однако как бы ни относились в Петербурге к превращению Англо-Персидской нефтяной компании в предприятие государственного типа, с ним пришлось смириться и довольствоваться формальными заверениями английского министра иностранных дел, что это событие не отразится на интересах России.¹⁵⁷

Англо-русское соперничество на Среднем Востоке после 1907 г. в значительной степени осложнилось в связи с возросшим в Персии влиянием Германии, проявлявшей все больший интерес к персидскому рынку. «В течение последних одиннадцати лет перед первой мировой войной Германия поднялась с десятого места в персидском внешнем обороте па четвертое, заняв при этом третье место по импорту и увеличив этот последний в одиннадцать раз». ¹⁵⁸ Накануне войны первое место в торговом обороте с Персией занимала Россия, второе — Великобритания (на их долю приходилось 80% всего

¹⁵³ Виленкин — Барку, 23 июня (6 июля) 1914 г. — Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, ч. IV. М.—Л., 1931, с. 142; Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика 1880-е годы—1918 г. М.—Л., 1965, с. 402—403.

¹⁵⁴ Барк — Сазонову, 6 (19) июля 1914 г. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 167, л. 103 об.

¹⁵⁵ Еще к весне 1914 г. вопрос о Трансперсидской магистрали находился на стадии обсуждения различных вариантов проекта, о чем свидетельствует меморандум английского посольства в Петербурге министру иностранных дел 26 марта (8 апреля) 1914 г. См.: Международные отношения в эпоху империализма. Серия III, т. II. М.—Л., 1933, с. 229—241.

¹⁵⁶ Барк — Сазонову, 6 (19) июля 1914 г. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 167, л. 104.

¹⁵⁷ Фурсенко А. А. Нефтяные тресты и мировая политика... с. 402—403.

¹⁵⁸ Зонненштраль-Пискорский А. А. Международные торговые договоры Персии. М., 1931, с. 204.

внешнеторгового оборота Персии), третье — Турция и четвертое — Германия.¹⁵⁹

Начиная с 1905 г. Германия значительно увеличила ввоз своих товаров в Персию, используя для этой цели почтовые посылки, беспрепятственно и беспопытно проходившие через Россию.

В 1903 г. Персия присоединилась к Вашингтонской конвенции 1897 г. об обмене с другими странами маловесными посылками. Хотя русское правительство еще в 1883 г. закрыло транзит иностранных товаров в Персию через Закавказье, оно не могло воспрепятствовать их проникновению на персидские рынки этим же путем в виде маловесных посылок.

Для изучения создавшегося положения в декабре 1903 г. в Петербурге было созвано совещание специальной комиссии под председательством товарища министра финансов В. И. Тимирязева. Совещание признало, что «благодаря допущению транзита маловесных посылок иностранные товары» устремятся в Персию, будут конкурировать там с русскими и постараются вытеснить их с уже «завоеванных... северных персидских рынков». Однако участники совещания не видели средств помешать пересылке иностранных товаров через Закавказье и лишь приняли решение поручить русским почтовым и таможенным ведомствам, а также Учетно-ссудному банку и агенту Министерства финансов в Тегеране «озаботиться самым точным учетом движения маловесных посылок в Персию, распространения там этим путем европейских товаров и конкуренции их с русскими».¹⁶⁰

В июле 1913 г. по предложению Министерства торговли и промышленности Совет министров принял решение закрыть для транзита маловесных посылок все таможенные пункты, пограничные с Персией, за исключением Баку. Однако это решение не удалось провести в жизнь. Оно было опротестовано Международным почтовым бюро в Берне.¹⁶¹ Поступление посылок из Германии резко сократилось только с началом военных действий. Вместе

с тем Германия и ее союзники стали использовать для пересправки своих товаров в Персию нейтральную Норвегию (табл. 4¹⁶²).

Таблица 4

Ввоз почтовых посылок в Персию транзитом через Россию в 1914—1915 гг. (в штуках)

Страна	1914 г.	1915 г.
Германия	168432	40
Австро-Венгрия	43357	—
Бельгия	4821	—
Франция	36447	1952
Великобритания	11853	54541
Италия	18375	2276
Норвегия	—	85244
Нидерланды	2260	264
Швеция	1995	495
Швейцария	6704	116
Турция	49249	

Маловесные посылки служили только одним из средств проникновения немецких товаров на персидские рынки. К началу XX в. в Персии уже действовали немецкие торговые фирмы. Германия ввозила туда свои товары через Турцию и порты Персидского залива. После 1905 г. немецкие финансисты включились в борьбу за концессии в Персии и даже делали попытки открыть в Тегеране немецкий банк. Интерес германской дипломатии к персидским делам усиливался в связи со строительством Багдадской железной дороги. Хотя экономическая экспансия Германии в Персии не представляла еще непосредственной угрозы влиянию там России или Англии, она вызывала серьезную тревогу в Лондоне и в Петербурге и побуждала к объединению усилий в борьбе с новым соперником. Тревогу в Петербурге не рассеяло и подпи-

¹⁵⁹ Там же, с. 196.

¹⁶⁰ Журнал комиссии о транзите маловесных посылок через Закавказский край, 4 (17) декабря 1903 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 1042, л. 1—4 об.

¹⁶¹ Справка по отделу торговли, 4 (17) апреля 1915 г. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 177, л. 53—56.

¹⁶² Таблица составлена по данным почтового ведомства Персии. См.: Журнал Особого совещания по вопросу о транзите маловесных посылок через Россию в Персию, 11 (24) марта 1916 г. ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 11, д. 177, л. 141—146. — В 1915 г. всего было перевезено в маловесных посылках через Россию в Персию 34 857 пудов товаров на 3 297 780 руб. (там же, л. 142 об.).

санное в августе 1911 г. русско-германское соглашение. По его условиям России обязалась не препятствовать строительству Багдадской железной дороги, а Германия признавала «специальные интересы» России в Северной Персии.¹⁶³ Потсдамское соглашение 1911 г. и связанные с ним переговоры вокруг Багдадской железной дороги подтолкнули царское правительство к настойчивым поискам железнодорожных концессий в Персии.

*

Все русское дорожное строительство в Персии, находившееся в ведении обществ Энзели-Тегеранской и Тавризской дорог, после того как оно накануне русско-японской войны оказалось под контролем Министерства финансов, уже не выходило из-под него вплоть до 1917 г.

Общество Энзели-Тегеранской дороги, кроме основного колесного пути от побережья Каспийского моря до столицы протяженностью в 380 верст, ведало Пирбазарской ветвью (7 верст),¹⁶⁴ Казвин-Хамаданской дорогой (217 верст), а также строительством Энзелийского порта. К концу 1902 г. из общего количества акций на 6 млн 700 тыс. руб., принадлежавших обществу, правительство приобрело акции на 5 млн 200 тыс. руб. и стало хозяином предприятия. После этого общество значительно ускорило строительные работы. К моменту фактического перехода общества в ведение государства работы по сооружению дороги на Хамадан велись в «самых незначительных размерах», только ради «формального сохранения концессии», работы по улучшению Энзелийского порта почти вовсе не были начаты, нуждалась в достройке и Энзели-Тегеранская дорога.¹⁶⁵

В октябре 1903 г. решением Комитета министров Обществу Энзели-Тегеранской дороги был разрешен новый выпуск акций на сумму не свыше 5 млн 481 тыс. руб.

¹⁶³ Подробнее см.: Астафьев И. И. Русско-германские дипломатические отношения 1905—1911 гг. М., 1972, с. 219—240.

¹⁶⁴ Дорога Энзели—Тегеран начиналась не у Мургабского залива, а у пристани Пирбазар, на реке того же названия, впадавшей в залив.

¹⁶⁵ Справка С. К. Подгурского «Русские дорожные предприятия в Северной Персии», 8 (21) марта 1917 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 498, л. 183.

В связи с этим разрешением Государственный банк реализовал и оплатил акции общества на 5 млн 432 тыс. руб. Выручка от операции пошла на улучшение Энзели-Тегеранской дороги, доведение ее до порта Эпзели (Энзели-Рештская ветвь, 35 верст), углубление и оборудование порта и сооружение Казвин-Хамаданской дороги.¹⁶⁶

Таким образом, после 1903 г. акционерный капитал Общества Энзели-Тегеранской дороги составил 12 млн 132 тыс. руб. (1 500 000 + 5 200 000 + 5 432 000). Из них только 1 млн 500 тыс. руб. находились в частных руках, остальные же принадлежали «Государственному банку по портфелю Государственного казначейства».¹⁶⁷

В 1903 г. работы по устройству Энзелийского порта были переданы в ведение Главного управления торговли, мореплавания и портов, однако в 1911 г. по настоянию министра торговли и промышленности С. И. Тимашева Энзелийский порт перешел опять в ведение Общества Энзели-Тегеранской дороги. 3(16) декабря 1911 г. Совет министров принял решение об ассигновании из 10-миллионного фонда 1 млн 157 тыс. руб. на расходы «по дальнейшему улучшению судоходных условий в Энзелийском порту». Из этой суммы общество получило 937 600 руб.¹⁶⁸ Окончательное оборудование порта должно было быть завершено в течение пяти лет, к 1917 г., однако отпущенных средств не хватало, ибо в годы войны возросли цены на материалы и рабочую силу, почти в четыре раза по сравнению с довоенным повысился курс крана, и общество вынуждено было потребовать предоставить ему еще 248 тыс. руб. на завершение работ.¹⁶⁹

Общество Тавризской дороги, как и Общество Энзели-Тегеранской дороги, приступило к строительным работам

¹⁶⁶ Там же.

¹⁶⁷ Там же, л. 184—185.

¹⁶⁸ Там же.

¹⁶⁹ К 1917 г. Энзелийский порт был единственным незавершенным строительным объектом из находившихся в ведении Общества Энзели-Тегеранской дороги, в то время как все линии, принадлежавшие обществу, протяжением в 586 с лишним верст были закончены и открыты для движения. К началу 1917 г. весь строительный капитал общества составлял: акционерный капитал — 12 млн 132 тыс. руб., ассигнования из 10-миллионного фонда — 1 млн 157 тыс. руб., из них выдано обществу 937 600 руб. (Справка С. К. Подгурского «Русские дорожные предприятия в Северной Персии», 8(21) марта 1917 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 498, л. 180—193).

лишь после 1903 г. 20 марта (2 апреля) 1902 г. Учетно-ссудный банк Персии получил концессию на эксплуатацию колесной дороги от одной из пограничных станций русской железнодорожной сети через Тавриз до Казвина. Дорога разделялась на два участка: от русской границы до Тавриза и от Тавриза до Казвина. По условиям концессии к работам по строительству первого участка нужно было приступить не позднее марта 1904 г., а второго — не позднее марта 1906 г. Срок открытия движения экипажей на первом участке истекал в начале 1910 г., а на втором — в начале 1912 г.¹⁷⁰

Получив концессию, Учетно-ссудный банк образовал акционерное Общество Тавризской дороги и передал ему все свои права и обязанности, связанные со строительством и эксплуатацией новой дороги. Устав общества был утвержден в июле 1902 г. Комитетом министров и затем опубликован в собрании узаконений и распоряжений правительства. Основной капитал общества был определен в 9 млн руб. (18 тыс. акций по 500 руб. каждая). Исходным пунктом строительства дороги стало сел. Джульфа, лежащее на персидской территории напротив одноименного с ним русского таможенного поста. Комитет финансов от 24 апреля (7 мая) 1904 г. определил стоимость первого участка, от Джульфы до Тавриза (140 верст), в 4 690 200 руб.¹⁷¹

Поскольку русское правительство при получении концессии на строительство Тавризской дороги имело в виду после истечения запретительного срока добиваться концессии на строительство железнодорожного полотна в этом же направлении, то колесная дорога была сооружена по техническим условиям железной дороги, за исключением двух перевалов, вокруг которых были устроены временные объезды только для колесного движения.

Вопрос о предоставлении русскому правительству концессии на постройку железной дороги Джульфа—Тавриз был поставлен в середине 1912 г. в связи с переговорами об очередных кредитах персидскому правительству.

К середине 1912 г. русское Министерство финансов, не отказывая персидскому правительству в выдаче новых авансов, стало требовать предоставления России концес-

¹⁷⁰ Там же, л. 186—187.

¹⁷¹ Там же.

сий. В мае 1912 г. Учетно-ссудный банк Персии открыл специальный счет на сумму в 2 млн кран бывшему директору персидских таможен, назначенному после отъезда Шустера на должность главного казначея. Счет был открыт «под обеспечение государственных доходов (кроме таможенных) в главных городах Северной Персии».¹⁷² Летом 1912 г. персидскому правительству было заявлено, что оно получит авансы в размере «до 100 000 фунтов стерлингов», если предоставит России концессию на постройку Джульфа—Тавризской железной дороги и ветви от нее к Урмийскому озеру. Персидскому правительству была обещана половина «чистой прибыли с проектируемой железной дороги в том случае, если эта прибыль превысит 12% на затраченный капитал».¹⁷³

В первых числах августа 1912 г. персидское правительство согласилось начать переговоры о концессии и вслед за этим сразу же получило в Учетно-ссудном банке русскую часть аванса в 25 тыс. фунтов стерлингов. В этом же месяце персидское правительство опять обратилось к правительствам Англии и России об авансе в 200 тыс. фунтов стерлингов. После подписания соглашения о концессии на постройку Джульфа—Тавризской железной дороги в начале 1913 г. русское Министерство финансов признало эту операцию возможной. А вслед за тем, когда персидское правительство предоставило России концессию на судоходство по Урмийскому озеру, весной 1913 г. ему были выданы и деньги, причем на льготных условиях.¹⁷⁴ Концессия персидского правительства Учетно-ссудному банку Персии на постройку железной дороги Джульфа—Тавриз с ветвью к Урмийскому озеру была оформлена в виде договора, подписанного персидским министром иностранных дел Восут эд-Доуле и председателем правлений обществ Энзели-Тегеранской и Тавризской дорог и Персидского страхового и транспортного общества инженером С. К. Подгурским. Решением Совета министров, утвержденным Николаем II 30 ноября (13 декабря) 1913 г., был изменен и дополнен устав Общества Тавризской дороги, переименованного в Общество

¹⁷² Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 10.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, л. 11.

Тавризской железной дороги. Находившийся в распоряжении общества акционерный капитал в размере 4 690 200 руб. был истрачен на строительство колесной дороги.¹⁷⁵ Поэтому постройка железной дороги осуществлялась за счет 5-процентного облигационного капитала на сумму 14 440 500 руб. нарицательных, разделенного на 77 016 облигаций по 187 р. 50 к. (= 500 франков) каждая. Капитал этот должен был быть реализован по договору с Лион-Марсельским банком. Однако война этому помешала, и было размещено всего 65 316 облигаций на нарицательную сумму 12 246 750 руб., что соответствовало 10 685 289 руб. действительным.¹⁷⁶

Строительство Тавризской железной дороги велось уже в годы войны. 21 февраля 1916 г. жители Тавриза встретили первый поезд, прибывший на станцию, а в апреле состоялось торжественное открытие дороги. Она еще нуждалась в достройке, однако окончательное завершение строительных работ было отложено до конца войны.

Тавризская дорога находилась в ведении Министерства финансов, а точнее Государственного банка. Поскольку концессия на строительство дороги была выдана Учетно-ссудному банку Персии, в его распоряжении находились: эксплуатация горных богатств в районе 60-верстной полосы по обе стороны от дороги, эксплуатация пароходства на Урмийском озере, словом, все, что было в ведении Общества Тавризской железной дороги. Акции же общества принадлежали «Государственному банку по портфелю Государственного казначейства».¹⁷⁷

¹⁷⁵ Там же, л. 189.

¹⁷⁶ К началу 1917 г. весь строительный капитал общества составлял: акционерный капитал, израсходованный на устройство колесной дороги Джульфа—Тавриз, — 4 690 200 руб., реализованная часть облигационного капитала — 10 685 289 руб., кроме того, по журналу Совета министров, утвержденному Николаем II 2 (15) сентября 1916 г., было отпущено в связи с увеличением стоимости материалов и рабочей силы из средств Государственного казначейства в виде беспроцентной ссуды 5 398 060 руб. (Справка С. К. Подгурского «Русские дорожные предприятия в Северной Персии», 8 (21) марта 1917 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 498, л. 189—190).

¹⁷⁷ Справка С. К. Подгурского «Русские дорожные предприятия в Северной Персии», 8 (21) марта 1917 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 498, л. 189—190.

К концу 1913 г. Учетно-ссудный банк Персии в очередной раз оказался в кризисном состоянии. В ноябре 1913 г. В. Н. Коковцов забил тревогу и обратился со специальным письмом к С. Д. Сазонову, потребовав, чтобы Министерство иностранных дел оказало банку необходимую поддержку.¹⁷⁸ 2 (15) декабря было создано специальное «Совещание для обсуждения некоторых вопросов, связанных с деятельностью Учетно-ссудного банка Персии» под председательством В. Н. Коковцова.

Участники совещания подвергли обсуждению государственный характер банка и особенности проводившейся им политики, так как было признано, что именно они и явились причиной кризиса предприятия. На совещании было отмечено, что деятельность банка с момента его возникновения «получила яркую политическую окраску», ибо «как учреждение, организованное на русские государственные средства, банк являлся одним из главных орудий Министерства иностранных дел в его политике соревнования с англичанами в Персии». Однако на этот раз государственный характер экономической политики, проводившейся в Персии, объяснялся не слабо развитой в России частной инициативой, а особенностями экономического положения самой Персии. «Когда в 90-х годах минувшего столетия, — подчеркивалось в журнале совещания, — у нас созрел план упрочения русского влияния в Персии, примитивность форм экономического быта этой страны и патриархальность ее общественного и политического строя не позволяли рассчитывать на то, чтобы этот план мог быть осуществлен при содействии частной инициативы, поэтому, решив не останавливаться перед затратой на это дело казенных средств, правительство тогда же купило учрежденный Поляковым в Персии незадолго перед тем банк».¹⁷⁹

Участники совещания отдавали себе отчет в том, что именно особенность задач, стоявших перед банком, и

¹⁷⁸ Коковцов — Сазонову, 10 (23) ноября 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 136—145.

¹⁷⁹ Журнал «Совещания для обсуждения некоторых вопросов, связанных с деятельностью Учетно-ссудного банка Персии», 2 (15) декабря 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 146 об.—147.

привела его как финансовое утреждение к очередному кризису. Прежде всего «весьма крупная доля ресурсов банка оказалась иммобилизованною в политических долгосрочных ссудах и займах». Кроме того, банк поместил довольно значительные суммы в коммерческие операции. Причем выбор клиентов «преимущественно среди влиятельных классов населения — помещиков, высокопоставленных лиц, крупных коммерсантов» был продиктован не деловыми, а политическими соображениями.¹⁸⁰ Необеспеченность сделок не беспокоила правление банка, ибо оно считало, что всегда сумеет взыскать со своих клиентов предоставленные им суммы, прибегнув в крайнем случае к помощи центрального персидского правительства. Однако революционное движение в стране ослабило влияние центрального правительства.

После 1905 г. русская миссия в Тегеране и правление банка потеряли последнюю возможность воздействовать на своих должников. Более того, некоторые «высокопоставленные клиенты банка» оказались у власти и постарались использовать свое положение для того, чтобы «всячески затягивать свои расчеты с банком». В течение семи лет они «упорно отказывались расплачиваться по своим обязательствам», и «в лучшем случае в руки банка» перешли «их недвижимые имущества», которые банк не мог реализовать «ввиду противодействия персидского правительства».

В результате «создалось положение, при котором почти все капиталы Учетно-ссудного банка Персии, равно и часть местных средств, привлеченных банком к его пассивным операциям, оказались закрепощенными в недвижимые активы, и все усилия, прилагаемые банком, вернуть себе хотя бы часть этих средств и капиталов» оставались «безрезультатными, встречая пассивное или даже прямое противодействие со стороны персидских властей».¹⁸¹

Банк оказался лишенным каких бы то ни было средств «для побуждения должников к расплатам», ибо в Персии не было вексельного права, обращение к суду не оказывало «никакого влияния на неисправных должников», сама система судопроизводства давала беско-

¹⁸⁰ Там же, л. 147 и об.

¹⁸¹ Там же.

печное количество возможностей для всяких проволочек и судьи сочувственно относились к своим соотечественникам. Даже если кредитор добивался благоприятного решения суда, власти оказывались «бессильными привести в исполнение судебное постановление», а должник всегда имел для себя крайнее средство избежать расчетов — сесть в бест.¹⁸² Наконец, банк не мог распорядиться недвижимостью должника, если она даже поступала в его распоряжение, ибо персидское правительство толковало 5-ю статью Особого акта Туркманчайского трактата как лишавшую русских подданных права владеть недвижимой собственностью в Персии и возражало против совершения на имя Учетно-ссудного банка Персии закладных, ссылаясь на § 2 концессии банка, запрещавший ему выдачу ссуд под залог недвижимости.¹⁸³

В то время как Учетно-ссудный банк, заморозив свои активы в «политических» долгосрочных ссудах и займах и необеспеченных коммерческих сделках, переживал кризис, его конкурент — английский Шахиншахский банк — добился господствующего положения на персидском денежном рынке.

Учетно-ссудный банк Персии испытывал постоянный недостаток в местной валюте — крахах. В учреждения банка поступали доходы персидских таможен. В июне 1912 г., после удаления из Персии Моргана Шустера, назначенный на его пост бельгиец Морнар предоставил Учетно-ссудному банку право инкассировать не только доходы северных таможен, но и внутренние сборы (малиат) в областях Северной Персии, включая Бирджанд. Это увеличило приток валюты в банк, в свою очередь открывший Морнару кредит в 2 млн крап. В период между инкассированием таможенных доходов и малиата и «расчетами по ним с персидским правительством банк мог до известной степени удовлетворять свою нужду

¹⁸² Коковцов — Сазонову, 10 (23) ноября 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 136—137.

¹⁸³ Там же. — Один из параграфов Особого акта предусматривал в случае смерти русских подданных передачу принадлежавшего им движимого и недвижимого имущества родственникам покойных. В. Н. Коковцов считал наличие этого параграфа достаточным для признания права русских подданных на владение недвижимым имуществом в Персии (там же, л. 138).

в краповой паличности», по поскольку банк получал та-
моженные доходы и малиат в свое распоряжение лишь
на короткое время, то он выпужден был «постоянно для
поддержания своих краповых касс прибегать к продаже
золотой валюты, не находя иногда иного покупателя,
кроме того же Шахиншахского банка».¹⁸⁴ Эта зависи-
мость от английского конкурента пагубно отразилась на
положении Учетно-ссудного банка в 1913 г. Соглашение
с Морнаром об инкассировании малиата оказалось не-
прочным. Прежде всего оно не получило распростра-
нения на Бирджанский округ, как входивший в сферу
влияния Англии, а главное, в 1913 г. совершенно неопе-
данно для Учетно-ссудного банка Персии Морнар пере-
дал право инкассирования внутренних сборов в Север-
ной Персии, за исключением Азербайджана, Шахипшах-
скому бапку.¹⁸⁵ Английский банк сделался «хозяином
денежного рынка в Персии». Еще с момента возникно-
вения ему принадлежало монопольное право выпуска
бапкнот. В 1909 г. он стал поставлять серебро для че-
канки крапов, а теперь благодаря Морнару получил
возможность контролировать основные источники посту-
пления валюты. В 1913 г. Шахиншахский бапк сократил
выпуск бапкнот, перестал чеканить новые крапы, взви-
тив тем самым курс их «до небывалой высоты», и ис-
пользовал создавшееся положение для денежных расче-
тов с Учетно-ссудным банком Персии, у которого начал
скупать по низкой цене рубли.¹⁸⁶

Учетно-ссудный бапк Персии оказался бессильным
противостоять начатой Шахиншахским банком игре на
понижение рубля по отношению к крапу. «Учетно-ссуд-
ный бапк Персии переживает весьма тяжелый кризис,
угрожающий его дальнейшему существованию, — писал
в октябре 1913 г. председатель правления бапка. — Труд-
ное положение бапка вызывается отсутствием оборотных

¹⁸⁴ Журнал «Совещания для обсуждения некоторых вопросов,
связанных с деятельностью Учетно-ссудного бапка Персии»,
2 (15) декабря 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 148.

¹⁸⁵ Вебер — Сазонову, 1 (14) ноября 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560,
оп. 28, д. 465, л. 43—45 об. — В правлении Учетно-ссудного бапка
Персии имелись сведения, что Морнар являлся акционером Ша-
хиншахского бапка и состоял «с ним в особом тайном соглаше-
нии» (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 465, л. 41).

¹⁸⁶ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 465, л. 41.

денежных средств и полной невозможностью при настоящих обстоятельствах конкурировать с английским Шахиншахским банком, который является полновластным хозяином денежного обращения в Персии и стремится совершенно вытеснить русский банк даже из северных, соседних с нами персидских областей».¹⁸⁷

В связи с валютными операциями английского банка Коковцов еще в мае, а затем июне 1913 г. обращался к министру иностранных дел с просьбой оказать поддержку Учетно-ссудному банку Персии по каналам Министерства иностранных дел и, в частности, добиться того, чтобы русскому банку было возвращено право инкассирования внутренних сборов в Северной Персии, хотя бы после того как истечет срок соглашения Морпара с английским банком.¹⁸⁸

На декабрьском совещании 1913 г. представители Министерства финансов потребовали уже в самой решительной форме, чтобы Министерство иностранных дел оказало помощь деятельности банка, заявив, что «если она по тем или другим причинам не может быть оказана, тогда необходимо принять логически и неизбежно вытекающее из этого решение: ликвидировать банк и предоставить проведение русского дела в Персии силам одного только дипломатического ведомства».¹⁸⁹

Однако министр иностранных дел С. Д. Сазонов выступил против ликвидации банка или передачи его в чужие руки, подчеркнув, что «такой шаг отдал бы всю Персию в руки англичан, а также немцев и повлек бы за собой экономическое порабощение ее... конкурентами» России.¹⁹⁰

Русское Министерство иностранных дел еще до открытия совещания начало переговоры с английской стороной, требуя предоставления Учетно-ссудному банку равных прав с Шахиншахским в операциях, связанных

¹⁸⁷ Там же, л. 39.

¹⁸⁸ Вебер — Сазонову, 1 (14) ноября 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 465, л. 43 и об. — Срок соглашения Морпара с английским банком истекал в марте 1914 г.

¹⁸⁹ Журнал «Совещания для обсуждения некоторых вопросов, связанных с деятельностью Учетно-ссудного банка Персии», 2 (15) декабря 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 148 и об.

¹⁹⁰ Там же, л. 149.

с инкассированием внутренних доходов и поставкой серебра для Тегеранского монетного двора. Совещание приняло специальное решение об оказании самой энергичной поддержки банку со стороны Министерства иностранных дел, видя в этом единственное средство для спасения банка от кризиса.¹⁹¹

Примечательно то, что решения декабрьского совещания предусматривали только один способ выведения из кризисного состояния Учетно-судного банка Персии — оказание ему помощи со стороны Министерства иностранных дел. Именно русское дипломатическое ве-

¹⁹¹ Решение совещания сводилось к следующему: «1. Правление Учетно-судного банка Персии составит записку с изложением а) фактического положения дел по взысканию долгов с неисправных клиентов и соображений о дальнейшем направлении этих дел и б) принципиальных вопросов, решение коих, по мнению банка, желательно для успешной ликвидации старых претензий и развития деятельности в будущем. 2. По получении указанной в предыдущем пункте записки и обсуждении совместно с представителем банка порядка дальнейших действий миссия в Тегеране окажет содействие к скорейшей ликвидации долгов и разрешению важнейших для банка принципиальных вопросов. 3. Не задаваясь целью добиться теперь же разрешения общего вопроса о праве русских подданных владеть недвижимостями в Персии, миссия окажет содействие а) к предоставлению русским подданным и учреждениям принимать в обеспечение долгов неисправных клиентов их недвижимые имущества и вступать во владение ими с обязательством подать такие имущества в течение определенного срока и б) к дополнению в этом смысле концессии банка. 4. Миссия в Тегеране примет меры к тому, чтобы с начала будущего персидского года инкассирование всех внутренних сборов в сфере русского влияния было предоставлено Учетно-судному банку Персии. В случае необходимости Министерство иностранных дел окажет в этом деле содействие путем дипломатических переговоров с великобританским правительством. 5. Учетно-судный банк Персии при содействии миссии в Тегеране примет меры к привлечению Морнара на свою сторону; в случае же неуспеха попытки в этом направлении Министерство иностранных дел озабочится изысканием способа к замене Морнара другим лицом. 6. Министерство иностранных дел продолжит начатые с великобританским правительством переговоры о привлечении Учетно-судного банка Персии к делу поставки серебра для Тегеранского монетного двора на равных с Шахшпахским банком основаниях, причем подробности будут установлены по соглашению между русским и английским банками» (Журнал «Совещания для обсуждения некоторых вопросов, связавших с деятельностью Учетно-судного банка Персии», 2 (15) декабря 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 407, л. 154 и об.).

домство должно было в результате переговоров с английской стороной и давления на персидское правительство добиться предоставления русскому банку равного положения с его английским соперником. Хотя участники совещания и отдавали себе отчет в том, что причина кризиса банка в значительной степени лежит в его природе и политике, оно не приняло никаких решений о дальнейшей реорганизации банка. Очевидно, в министерствах финансов и иностранных дел не намерены были вносить какие бы то ни было изменения в деятельность этого финансового учреждения, продолжавшего оставаться филиалом Государственного банка.

Решение совещания свидетельствовало о том, что банк в значительной мере утратил свою конкурентоспособность и претендовал всего лишь на роль равного партнера с Шахиншахским банком. В конце 1913—начале 1914 г. члены правления Учетно-ссудного банка всеми силами стремились освободить замороженные в займах активы и вернуть утраченный источник поступления валюты.

В начале июля 1914 г. персидский министр иностранных дел Али-Гули-хан обратился к русскому посланнику в Тегеране Коростовцу с просьбой «устроить» совместно с Англией главному казначейству, оказавшемуся без денег (ввиду чего Морнар даже подал в отставку), ссуду в размере 300 тыс. туманов. В ответ на эту просьбу временно управляющий Учетно-ссудным банком Персии Видеман выдвинул целый ряд условий: 1) взнос малиата на севере страны производится в русские учреждения; 2) Учетно-ссудный банк наряду с Шахиншахским получает право ввоза и чеканки персидской серебряной монеты; 3) урегулируются вопросы о долгах Мохаммеда-Али-шаха, не вошедших в конверсию 1910 г., и о долгах других лиц, «имевших правительственный характер»; 4) заканчивается дело о долгах Эмин эс-Зарба;¹⁹² 5) упо-

¹⁹² Гусейн Эмин эс-Зарба — персидский купец, занимавшийся также концессионной деятельностью, — в течение многих лет состоял в числе крупных и неоплатных должников Учетно-ссудного банка Персии (ЦГИА СССР, ф. 23, оп. 8, д. 24, л. 6 об.; Сендов Р. А. Иранская буржуазия в конце XIX—начале XX века. М., 1974, с. 129—130).

рядочивается судопроизводство и исполнение приговоров, а балку предоставляет право удерживать из капиталов, принадлежащих персидскому правительству, суммы по непроведенным в течение года судебным исполнениям.¹⁹³

Эти условия управляющего Учетно-ссудным банком Персии были сочтены чрезмерными даже в русском Министерстве иностранных дел, где нашли возможным сократить их до двух и требовать вноса малиата в русские учреждения и погашения некоторых долгов, в том числе окончания дела Эмин эс-Зарба.¹⁹⁴ Поскольку английская сторона намерена была потребовать за свою долю ссуды предоставления концессий, невыгодных для персидского правительства, то сделка не состоялась.¹⁹⁵

Русское правительство сделало попытку договориться о ссуде без участия Англии, выдвинув только одно условие — предоставление Муганской концессии.¹⁹⁶ Од-

¹⁹³ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 2; Видеман — правлению Учетно-ссудного банка Персии, 5 (18) июля 1914 г. — Международные отношения. . . , серия третья, т. IV, с. 333.

¹⁹⁴ Клемм — Коростовцу, 8 (21) июля 1914 г. — Международные отношения. . . , серия третья, т. IV, с. 360.

¹⁹⁵ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 13.

¹⁹⁶ Русское правительство было заинтересовано в получении концессии на право пользования частью территории персидской Мугани в связи с проектами строительства пригационных каналов из Аракса и орошения плодородной Муганской степи. Вопрос об этом обсуждался неоднократно и до 1914 г. Так, в 1912 г. наместник Кавказа И. И. Воронцов-Дашков предложил «домогаться» уступки части персидской Мугани взамен причитавшегося России от Персии возмещения расходов по отправке русского военного отряда в Казвин (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 487, л. 1—2 об.). В 1913 г. главноуправляющий земледелием и землеустройством А. В. Кривошеин представил всенодданнейшую записку о необходимости орошения Муганской степи (Кривошеин А. А. В. Кривошеин (1857—1921). Его значение в истории России начала XX века. Париж, 1973, с. 143—144). Ознакомившись с ней, В. Н. Коковцов высказался за то, чтобы «поручить» Учетно-ссудному банку Персии возбудить перед персидским правительством ходатайство о предоставлении банку концессии на орошение Муганской степи «в пределах Персии». В. Н. Коковцов считал наиболее целесообразным для получения концессии использование

нако в Тегеране на это не пошли, а в сентябре 1914 г. обратились с просьбой о крупной ссуде к английскому посланнику. Таунлей «дал понять», что заем возможен «за уступку некоторых островов в Персидском заливе».¹⁹⁷ Персидское правительство сделало попытку уклониться от этого предложения и направило в Лондон и Петербург своего представителя для переговоров о крупном займе. Но осенью 1914 г. в Петербурге отнеслись несочувственно к мысли о предоставлении Персии сразу большой суммы, и Видеман обратился в главное правление банка «с предупреждением, что выдача крупного займа Персии не в интересах ни банка, ни России», ибо «русская миссия и банк на долгое время будут лишены главного своего оружия для принуждения персов к выполнению своих законных требований».¹⁹⁸

В Лондоне опять возбудили вопрос о продаже Англии группы островов в Персидском заливе за 1 млн фунтов стерлингов. Из них после погашения авансов и долгов по индийским займам персидское правительство должно было получить наличными около 300 тыс. фунтов стерлингов.¹⁹⁹ Несмотря на тяжелое финансовое положение в стране, персидское правительство стремилось укло-

Учетно-ссудного банка, «находящегося в полном распоряжении русского правительства», являющегося «точным исполнителем его предначертаний» и в то же время организованного «по образцу частных акционерных предприятий». В. Н. Коковцов рекомендовал банк как учреждение, только что получившее в январе 1913 г. концессию на первую железную дорогу в стране — Джульфа — Тавриз, имеющее благодаря продолжительной и разносторонней деятельности в Персии «значительный деловой опыт и связи». Он призывал спешить с получением концессии, не дожидаясь, пока в связи с повышенным интересом «к ирригационным предприятиям в Передней Азии» не появятся «иностранные претенденты» на Муганскую концессию (Коковцов — Кривошеину, 7—8 (20—21) августа 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 487, л. 57—59). В результате был подготовлен проект, предусматривавший предоставление персидским правительством Учетно-ссудному банку концессии на пользование в течение 99 лет частью персидской территории.

¹⁹⁷ Справка «Выдача совместно с Англией авансов в 1911, 1912 и 1913 гг. (1910—1914 гг.)». ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 8, д. 9, л. 12.

¹⁹⁸ Там же, л. 13.

¹⁹⁹ Там же.

ниться от продажи части своей территории, рассматривая эту операцию как самое крайнее средство. В связи с этим оно в октябре 1914 г. вновь обратилось к России с просьбой «в виду затруднений, причиненных войной персидской торговле, ввести с 1 октября 1914 г. годичный мораторий по обязательствам займов 1900 и 1902 гг. и предоставить, таким образом, в распоряжение персидского казначейства все доходы с северных таможен, за исключением расходов по содержанию казачьей бригады». Одновременно, отчаявшись получить крупный заем, персидское правительство возбудило ходатайство о выдаче ему совместного англо-русского аванса в 3 млн туманов для покрытия казначейского дефицита и для обеспечения «правильного функционирования государственного управления».²⁰⁰

Однако эта новая попытка обратиться к англо-русскому кредиту натолкнулась на территориальные претензии кредиторов. Английское правительство продолжало настаивать на продаже ему группы островов в Ормузском проливе. Английский посланник в Тегеране Тауплей вновь выдвинул это требование, несмотря на то что ему было заявлено, что «никакое министерство» в Персии «не откажется на отчуждение государственной территории».²⁰¹ Русский посланник в Тегеране Коростовец под впечатлением требовавший английского коллеги поставил перед своим правительством вопрос: не стоит ли и России последовать примеру Англии и выступить с претензиями подобного же рода. Предполагалось, что «этот поступок можно было бы мотивировать необходимостью упорядочить русско-персидские финансовые отношения», так как «компенсацией для Персии явилось бы сложение части ее долговых обязательств».²⁰²

Таким образом, к началу первой мировой войны Англия и Россия начинают открыто требовать от персидского правительства за предоставляемые ему кредиты территориальные уступки. Они не делают уже более попыток прикрыть свою финансовую политику в отношении Персии рассуждениями о необходимости предоставления Персии крупного займа или значительных

²⁰⁰ Там же, л. 13—14.

²⁰¹ Там же, л. 14.

²⁰² Там же.

суд для развития производительных сил страны. Вместе с тем в преддверии военного столкновения с Германией политика Англии и России в Персии становится все более согласованной, а с началом военных действий приобретает характер сотрудничества, несмотря на сохраняющиеся противоречия.

С началом первой мировой войны борьба Англии и России за экономическое и политическое влияние в Персии переходит в новую стадию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В двадцатилетней истории деятельности Учетно-ссудного банка Персии, несмотря на особенности этого фипапсового учреждения, нашел отражение общий характер проводившейся русским самодержавием политики в связи с вывозом капиталов из страны. Именно вывоз капиталов через Учетно-ссудный банк Персии как филиал Государственного банка дает возможность представить себе, насколько значительна в этой операции была роль государства.

В конце XIX—начале XX в. русское самодержавие вывозило преимущественно государственные капиталы по целому ряду причин. Россия сама пуждалась в свободных капиталах, и на всем протяжении интересующего нас периода времени на российском денежном рынке поддерживался высокий учетный процент. Спрос на капиталы в самой России сочетался со сравнительно слабой частной инициативой, не способной без значительной государственной поддержки конкурировать на восточных рынках со своими западноевропейскими партнерами.

Как мы видели, на совещании в декабре 1913 г., обсуждавшем деятельность Учетно-ссудного банка Персии, подчеркивалось, что «план упрочения русского влияния в Персии» не мог «быть осуществлен при содействии частной инициативы» из-за примитивных «форм экономического быта этой страны» и патриархальности «ее общественного и политического строя» (см. с. 185). Однако не экономическая отсталость Персии и архаич-

пость ее политического строя явились основной причиной того, что в вывозе из России капиталов в эту страну такая роль принадлежала государству. Явление это было вызвано прежде всего недостаточной еще развитостью на рубеже двадцатого столетия российского монополистического капитализма. Не случайно общая экономическая программа, выдвинутая С. Ю. Витте в конце 90-х годов XIX в., предусматривала освоение рынков за пределами восточных окраин России впрок для развивавшейся русской промышленности.¹

Русское самодержавие сужало своим должникам на Востоке деньги под довольно высокий процент, а занимало их у своих западных кредиторов на более выгодных условиях. Однако предоставление займов Россией другим странам продиктовано было прежде всего не стремлением «заработать» на высоком проценте, а политическими соображениями. Поскольку Россия сама пуждалась в капиталах, русское правительство, преследуя определенные политические интересы, непрочь было использовать для предоставления займов другим государствам и иностранные капиталы, уступив их владельцам финансовую прибыль от операций. Разумеется, русское правительство стремилось привлекать в таких случаях «нейтральные» капиталы. Чаще всего это были французские и бельгийские капиталы. Займы подобного рода осуществлялись русским правительством и на Дальнем Востоке, и на Балканах. Так, в 1895 г. русские банки приняли участие в 4-процентном займе Китаю на 100 млн руб. золотом. Основную сумму займа взяли на себя французские банки, в то время как Россия выступила гарантом.² На протяжении 1900—1902 гг. русское Министерство финансов вело переговоры с болгарским правительством об оказании ему финансовой помощи. Несмотря на то что в Петербурге придавали большое политическое значение этой операции, Витте считал предоставление займа Болгарии невозможным без содействия иностранных денежных рынков и заявлял, что в России «нет достаточных средств для собственных... потребностей».³

¹ Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970, с. 25—26.

² Романов Б. А. Россия в Мальбэжурии. Л., 1928, с. 90.

³ Резолюция С. Ю. Витте на письме к нему М. П. Муравьева, 4 (17) февраля 1900 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 237, л. 1. —

В конечном счете болгарский заем состоялся после того, как русское правительство сумело в 1902 г. вовлечь в дело французские капиталы. Основными устроителями займа явились Парижско-Нидерландский и русский Государственный банки. Заем был выпущен на сумму в 106 млн франков. Доля участия Государственного банка в займе составила всего 14 млн франков. Поскольку участие Государственного банка в операции было «обусловлено политическими соображениями, а не коммерческим расчетом», то русское правительство пошло на то, чтобы передать болгарскому правительству (факт чрезвычайный в финансовой практике) банкирскую прибыль, полученную от реализации займа.⁴

Витте сокрушался об утечке золота из России. «Расходы, производимые в Китае на сооружение железной дороги, оборудование Порт-Артура и Дальнего, содержание военных сил на Квантуне и усиление эскадры в Тихом океане, расход по управлению Криму, по персидскому займу, на вспомоществование Черногории, на постройку военных судов за границей, на содержание наших дипломатических агентов и пр., — писал он в 1900 г. в проекте всеподданнейшего доклада по поводу болгарского займа, — все эти расходы ныне достигают весьма крупных размеров, представляют большую тяжесть и служат причиной значительного в последние три года отлива золота из России, осложнения же в Китае заставляют опасаться новых совершенно непредвиденных затрат. Всякое дальнейшее развитие внешних расходов является поэтому весьма опасным, и существенно необходимо принимать меры к удержанию золота в стране» (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 22, д. 237, л. 56 и об.).

⁴ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О предоставлении в распоряжение болгарского правительства прибыли от реализации болгарского займа в 106 млн франков, упдающей на долю Государственного банка». ЦГИА СССР, ф. 588, оп. 3, д. 1104, л. 139 и об.; Мартыненко А. К. Русско-болгарские отношения в 1894—1902 гг. Киев, 1967, с. 268—269. — Нельзя, разумеется, делать вывод, что доля участия России в совместных займах с другими европейскими державами непременно была ничтожной. Россия как равный финансовый партнер выступала в международном займе Греции. В марте 1898 г. между правительствами России, Великобритании и Франции была подписана конвенция о совокупной гарантии греческого займа на 170 млн франков. В апреле 1898 г. банкиры трех стран реализовали первую часть 2,5-процентного займа на 124 500 000 франков (=46 687 500 руб.). Группа русских банков взяла на себя третью часть всей суммы, поделив ее между собой в следующей пропорции: Государственный банк — 2/7, Волжско-Камский — 1/7, Русско-Китайский — 1/7, Русский для внешней торговли — 1/7, С.-Петербургский международный коммерческий — 1/7 и С.-Петербургский учетный и ссудный банк — 1/7. В результате последовавшего затем отдельного соглашения Госу-

Но если, предоставляя займы странам Балканского полуострова или Китаю, русское правительство пользовалось поддержкой французских банков, то в Персию, несмотря на финансовые трудности и нехватку капиталов в России, оно вплоть до конца русско-японской войны стремилось не привлекать не только иностранные, но и частные капиталы. Это объясняется в значительной мере тем, что на экономическую политику самодержавия в Персии большое влияние оказывало англо-русское соперничество.

После того как в 1898—1899 гг. сорвались проекты совместного англо-франко-русского и франко-русского займов Персии, а соперничество с Англией приняло еще более острый характер, русское самодержавие сосредоточило в руках государства вывоз капитала в Персию во всех его формах, потеснив даже частные капиталы из дорожных, страховых и транспортных предприятий. Накануне русско-японской войны Учетно-ссудный банк Персии стал играть значительную роль и в регулировании торговых отношений России с Персией.

Политика вывоза именно государственных капиталов нашла свое яркое проявление в предоставленных Персии в 1901 и 1902 гг. 5-процентных золотых займах. Они были реализованы постепенно, путем зачисления частями в фонд сберегательных касс и распределения между особами императорской фамилии по цене 90%. Держатели обязались возвратить приобретенные части займов по той же цене, если Министерство финансов признает необходимым выпустить займы на рынок. Тот факт, что займы в момент их выпуска были размещены таким необычным образом, еще ничего не означал, ибо российский денежный рынок не обладал достаточным количеством свободных капиталов и правительство не могло быть уверено в успешном размещении займов обычным путем. Однако в данном случае правительство, видимо, не очень стремилось выпустить облигации персидского займа в обращение, ибо не делало таких попыток вплоть до 1914 г., несмотря на менявшуюся конъюнктуру на внутреннем денежном рынке. Держателями займов так и оставались

государственного банка с Петербургским частным коммерческим банком, последний приобрел долю участия Государственного банка (ЦГИА СССР, ф. 588, оп. 2, д. 1117, л. 76—78).

лица императорской фамилии. В 1902 г. в связи с вступлением в брак великой княжны Елены Владимировны (дочери великого князя Владимира Александровича и внучки Александра II) «высочайшим повелением» ей было назначено приданое в размере 1 млн руб. Почти одновременно С. Ю. Витте получил согласие Николая II вложить всю сумму приданого в персидский 5-процентный заем 1902 г. Помимо Елены Владимировны, держателями персидского займа были великие князья Владимир Александрович, Андрей Владимирович, Кирилл Владимирович, принц А. П. Ольденбургский. Примечательно, что Кирилл Владимирович, после того как потратил почти полмиллиона рублей на приобретение персидского 5-процентного займа 1900 г., в 1903 г. вместе с другими ценными бумагами заложил обязательства этого займа на четверть миллиона рублей в Государственный банк в качестве обеспечения под кредит. К 1914 г. основные суммы займов осели в фонде сберегательных касс, главном управлении уделов и Кабинете е. и. величества (см. табл. 1 и 2). Однако это явление, видимо, не беспокоило правительство.

Некоторая перемена по отношению к частным и иностранным капиталам произошла в Учетно-ссудном банке только после русско-японской войны. Финансовый кризис самодержавия, вызванный военными поражениями и революционными событиями в стране, вынудил его отказаться от проведения активной экономической политики в Персии за счет государственных капиталов. Кроме того, в конце 1905 г. уже наметились возможности для сближения с Англией. Летом 1906 г. Комитет финансов принял решение о разработке русского устава Учетно-ссудного банка, который позволил бы ему развивать свои операции при участии частного капитала. Одновременно в русском финансовом ведомстве был поставлен вопрос и о возможности привлечения в Персию «нейтральных» иностранных капиталов. В результате после 1906 г. Учетно-ссудный банк Персии изменил свой характер и приблизился по своему типу к обычным коммерческим банкам.⁵

⁵ По сравнению с уставами обычных коммерческих банков устав Учетно-ссудного банка Персии содержал целый ряд ограничений. Из программы деятельности банка были исключены: 1) комиссионная продажа товаров; 2) комиссионная покупка то-

После подписания в августе 1907 г. англо-русского соглашения банк вступает на путь сотрудничества с английскими финансовыми учреждениями в Персии и вместе с Шахиншахским банком принимает участие в субсидировании персидского правительства, не предоставляя ему, однако, крупных займов. Англо-русское финансовое сотрудничество в Персии, несмотря на сохранившиеся и после 1907 г. признаки соперничества и конкуренции, крепло под влиянием угрозы вторжения на персидский рынок немецких капиталов. Вместе с тем Учетно-ссудный банк начал сотрудничать с французскими банками в связи с сооружением железнодорожной линии Джульфа—Тавриз, открытой в 1916 г., и выработкой проектов строительства Трансперсидской железнодорожной магистрали.

После 1906 г. развитие революционного движения в Персии вынудило Учетно-ссудный банк сократить там свои операции. Одновременно на основании русского устава он развил свои операции в России, обслуживая русско-персидскую торговлю. Это способствовало притоку в банк средств, особенно после 1909 г., когда значительно улучшилось финансовое положение России. К апрелю 1913 г. Учетно-ссудный банк Персии имел четыре отделения в России (в том числе в Москве и Баку), не считая операционного отделения при правлении банка в С.-Петербурге. «Сумма привлеченных ими вкладов и текущих счетов составляла по балансу 15 368 тыс. руб., а учетно-ссудный портфель достигал 7 792 тыс. руб.»⁶

Впрочем привлечению в банк частных капиталов пре-

варов в пределах 1/5 части основного капитала; 3) выдача ссуд под товары и товарные документы в размере 80% стоимости обеспечений при сроках ссуд до 2 месяцев; 4) соло-вексельная операция под обеспечение сельскохозяйственными имениями; 5) покупка за свой счет частных процентных бумаг: паев и акций, не гарантированных правительством; 6) прием процентных бумаг на хранение и отдача в паем безопасных ящиков; 7) принятие в залог от неисправных должников недвижимого имущества; и некоторые другие права, обычные всем коммерческим банкам. С другой стороны, из русского устава для устранения казавшихся в 1906—1907 гг. возможными осложнений с персидским правительством исключены положения, регулирующие с точки зрения русского закона деятельность банка как русского учреждения в Персии» (ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 71, л. 4—8).

⁶ ЦГИА СССР, ф. 600, оп. 10, д. 71, л. 7—8.

пятствовало то, что русский устав банка оставался нераспубликованным и в связи с этим банк не печатал своих отчетов и балансов.

Активное развитие Учетно-ссудным банком Персии операций в России совпало с реорганизацией Русско-Китайского банка. В 1910 г. Русско-Китайский банк был слит с Северным банком и на их основе учрежден Русско-Азиатский банк, значительно увеличивший по сравнению с Русско-Китайским банком свои обороты внутри империи. В новом банке возросла роль французских капиталов. В 1913 г. в Министерстве финансов вновь был возобновлен вопрос об очередном изменении устава Учетно-ссудного банка Персии. Говорилось о необходимости распубликования устава и еще большего приближения его к уставам Русско-Китайского и даже Русско-Азиатского банков.

Реорганизация Русско-Китайского банка, перемелы в уставе и деятельности Учетно-ссудного банка Персии, казалось, свидетельствовали о том, что в канун первой мировой войны русское Министерство финансов, уступая дорогу свободной частной инициативе, намерено было отказаться или постепенно отказывалось от практики использования для осуществления экономической политики на Востоке банков, работавших на государственных капиталах.

Однако такому предположению противоречит разработанный в Министерстве финансов как раз в самый канун войны проект Монгольского национального банка, предназначенного для развития экономических отношений с Монголией.

Вопрос о необходимости создания в Урге русского кредитного учреждения был поставлен в заседании Совета министров 11 (24) января 1913 г. при обсуждении просьбы монгольского правительства о предоставлении ему 2-миллионной ссуды.⁷ В первых числах сентября 1913 г. Совет министров уже одобрил проект нового банка.

Первоначально предполагалось, что какой-нибудь из русских банков, предпочтительно Русско-Азиатский, от-

⁷ Особый журнал Совета министров 11 (24) января 1913 г. «О выдаче монгольскому правительству ссуды». ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 63, л. 26—29.

кроет свое отделение в Урге и оно будет служить прикрытием для Государственного банка. Однако от этой затеи пришлось отказаться, так как частные банки не проявили интереса к операциям в Монголии, а правление Русско-Азиатского банка опасалось, что открытие отделения банка в Монголии повлечет за собой бойкот его отделений в Китае.⁸ Тогда Министерство финансов решило воспользоваться предоставленной монгольским правительством действительному статскому советнику камергеру Д. В. Юферову концессией на открытие в Монголии эмиссионного банка.

Русские частные банки отказались финансировать предприятие Д. В. Юфорова. В финансовом ведомстве опасались, что концессионер может обратиться за помощью к английским капиталистам, и добились от Юфорова согласия уступить принадлежавшие ему права на концессию за 200 тыс. руб. В сделку с Юфоровым должен был вступить консорциум, образованный по поручению Государственного банка из Русско-Азиатского и С.-Петербургского международного коммерческого банков и представителя Учетного и Ссудного банка. Купив концессию Юфорова, консорциум должен был отказаться от своих прав на нее в пользу Государственного банка. После этого Государственному банку только оставалось открыть свое отделение в Урге под видом Монгольского национального банка.⁹

Новый банк учреждался прежде всего «по политическим соображениям — для укрепления русского влияния в Монголии».¹⁰ Имея за плечами многолетнюю практику деятельности подобного рода предприятий, Министерство финансов было озабочено тем, чтобы банк, начав свои операции на государственные средства, обеспечил себе в дальнейшем достаточную прибыль.

«В своей деятельности Монгольскому банку, — писал в июне 1913 г. В. Н. Коковцов министру иностранных дел С. Д. Сазопову, — надлежало бы руководствоваться главным образом коммерческими соображениями, так как

⁸ Особый журнал Совета министров 4 (17) сентября 1913 г. «Об учреждении Монгольского национального банка». ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 67, л. 67—81.

⁹ Там же.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 20, д. 67, л. 70—71.

опыт Русско-Китайского банка и Учетно-ссудного банка Персии с достаточной ясностью показал, что навязывание кредитным учреждениям политической роли приводит к отрицательным результатам как в коммерческом, так и в политическом отношении». ¹¹ Эта оценка деятельности Русско-Китайского банка и Учетно-ссудного банка Персии в устах Коковцова, в течение многих лет направлявшего русскую экономическую политику на Востоке, а теперь озабоченного созданием еще одного предприятия подобного же типа, звучала как злая ирония.

Летом 1913 г. предполагалось, что организация частного по форме, по находящегося «в полном заведовании правительства» Монгольского национального банка будет осуществлена «при содействии небольшого числа клиентов Государственного банка», расходы, связанные с приобретением концессии, будут покрыты за счет акционерного капитала, а операционные средства Монгольский национальный банк получит в виде кредита от Государственного банка. Имелось в виду также открыть в Кяхте отделение Государственного банка и по его счетам проводить «убытки Монгольского банка». ¹²

Однако русское правительство по каким-то обстоятельствам вынуждено было отказаться от первоначально задуманного плана создания Монгольского национального банка. Возможно, это было связано с отставкой В. Н. Коковцова и «повым курсом» П. Л. Барка, но скорее всего — с переменами в финансовом положении России, вызванными началом первой мировой войны. Концессия у Д. В. Юферова была куплена, как это и намечалось, представителями С.-Петербургского международного коммерческого (А. Вышнеградский, Ф. Пфейфер) и Русско-Азиатского (М. Верстрат, В. Давыдов) банков, а также выступившим в качестве частного лица швейцарским гражданином Ю. И. Ромсейером. ¹³ 26 октября (8 ноября) 1913 г. покупатели в свою очередь передали приобретен-

¹¹ Коковцов — Сазонову, 25 июня (8 июля) 1913 г. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 102, л. 50—53.

¹² Предположения о создании Монгольского национального банка, представленные министру финансов 15 (28) июня 1913 г. Е. Львовым, Л. Давыдовым, Д. Никитиным. ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 102, л. 77 п. об.

¹³ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 102, л. 66 п. об.

ные ими права на концессию Министерству финансов на основании выдавшей ими Государственному банку расписки.¹⁴ Однако организацию Монгольского национального банка Министерство финансов передало затем целиком Сибирскому торговому банку.

В октябре 1914 г. учредителями Монгольского национального банка выступили: директор-распорядитель и член правления Сибирского торгового банка А. А. Соловейчик, чиновник особых поручений Министерства финансов Э. К. Грубе (в разное время состоявший в правлениях Русско-Китайского, С.-Петербургского международного банков и Учетно-судного банка Персии) и действительный статский советник В. В. Андреев. Основанием для создания нового банка послужило заявление учредителей в Особенную канцелярию по кредитной части 18 сентября (1 октября) 1914 г. В заявлении отмечалось, что банк открывается «в целях распространения действий Сибирского торгового банка на Монголию».¹⁵ Первоначальный складочный капитал Монгольского национального банка составлял 1 млн руб. Из этой суммы учредители обязались передать Министерству финансов акции на 200 тыс. руб. номинальных в уплату за концессию. Остальные акции на 80 тыс. руб. по номинальной цене передавались Сибирскому торговому банку. Из чистой годовой прибыли Монгольский национальный банк должен был отчислять 10% в запасной капитал, 15% — в пользу Монгольского правительства, а остальная сумма распределялась как дивиденд между акционерами. Управление банком устанавливалось по правилам акционерных предприятий и согласно уставу Сибирского банка. При учреждении банка открывались его центральная контора в Урге и отделения в Уliasуте и Кобдо.

Хотя в окончательном своем виде Монгольский национальный банк был учрежден как отделение Сибирского торгового банка, это не отразилось на характере поставленных перед ним задач. Его зависимость от Министерства финансов оставалась очень значительной. Всякое увеличение складочного капитала банка могло произво-

¹⁴ Протокол первого общего собрания акционеров Монгольского национального банка, 6 (19) октября 1914 г. ЦГИА СССР, ф. 638, оп. 1, д. 20, л. 7 об.

¹⁵ Там же, л. 7.

даться только с разрешения министра финансов. Для наблюдения за деятельностью банка министр финансов имел право назначить своего уполномоченного как в правление банка, так и в его центральную контору. Ежемесячно балансы банка и его отчеты должны были представляться в Министерство финансов. Наконец, если бы акционеры банка приняли решение о прекращении дела, то по требованию министра финансов ликвидация банка могла быть заменена передачей всего дела «Министерству финансов или указанным им лицам».¹⁶

Таким образом, Монгольский национальный банк по своей зависимости от Министерства финансов весьма походил на Учетно-ссудный банк Персии. Последний же, несмотря на происшедшие в его деятельности и уставе перемены, до конца своих дней оставался предприятием государственного типа, а русское Министерство финансов цепко и до последнего держалось за свое детище, не желая переуступать его в частные руки, хотя в связи с развивавшимся в Персии русским частным предпринимательством и торговлей накапуне и в годы войны в Министерство стали поступать заявления различных предпринимателей о готовности приобрести банк.¹⁷

¹⁶ Там же, л. 7—10.

¹⁷ Правление Учетно-ссудного банка Персии состояло из крупных чиновников русского финансового ведомства, связанных с Государственным банком, либо с Русско-Китайским и С.-Петербургским международными банками. В 1905 г. председателем правления Учетно-ссудного банка Персии был П. Л. Барк, одновременно занимавший пост управляющего Петербургской конторой Государственного банка, кроме того, П. Л. Барк был директором обществ Тавризской и Энзели-Тегеранской дорог и Персидского страхового и транспортного общества. Помимо П. Л. Барка, в состав правления Учетно-ссудного банка входили: И. А. Вышнеградский, в течение нескольких лет состоявший вице-директором Особой канцелярии по кредитной части Министерства финансов и входивший в состав правлений Русско-Китайского и С.-Петербургского международных банков; Э. К. Грубе, в начале девяностых годов выполнявший обязанности агента Министерства финансов в Персии и входивший в состав дирекций Русско-Китайского и С.-Петербургского международных банков; С. С. Сольский — директор Петербургской конторы Государственного банка и член правления Русско-Китайского банка; В. Б. Винденбадт — директор Петербургской конторы Государственного банка.

Десять лет спустя, в 1915 г., когда П. Л. Барк был уже министром финансов, правление Учетно-ссудного банка Персии полностью обновилось. Однако его по-прежнему составляли лица, на-

Не изменилось положение банка и после февраля 1917 г. В начале июля 1917 г. в Министерство финансов поступило прошение группы крупных предпринимателей — С. Г. Лиапозова, А. М. Хоптария и Э. А. Ватаци — о продаже им не менее 60% складочного капитала Учетно-ссудного банка Персии. Как указывалось в прошении, С. Г. Лиапозов, А. М. Хоптария и Э. А. Ватаци имели серьезные деловые интересы в Северной Персии. Этой группе принадлежали Русско-Персидское лесопромышленное общество с основным капиталом в 20 млн руб., арендовавшее сроком на 30—50 лет 180 тыс. десятин леса и построившее лесопильный завод; Товарищество на вере «Персидский хлопок», арендовавшее 5300 десятин земли; железная дорога Пир-Базар—Решт. Группа контролировала перевозки на моторных лодках и баркасах между Энзели и Пир-Базаром. Товариществу на вере С. Г. Лиапозова принадлежало рыбное дело в Тегеране. Кроме того, группа получила нефтяную концессию, а также концессию на разработку ископаемых в Астрабадской, Мазандеранской, Гилянской провинциях и в Ардебильском округе и, наконец, арендовала на 50 лет п-ов Миап-Кале для разведения хлопка.¹⁸ В прошении было сказано, что в связи с предоставлением русским предпринимателям в северных провинциях Персии концессий «возникает вопрос о приливе в эти провинции русского капитала и правильной постановке здесь здорового экономического кредитования». Просители заявляли, что Учетно-ссудный банк совершенно не соответствует «ни объему, ни содержанию русских экономических интересов» в Персии, что «он не в состоянии вести коммерческую банковскую деятельность», «лишен инициативы и того особого уклада коммерческой деловитости и умения в ведении операций, которыми отличаются частные коммерческие предприятия от казенных». «Жертвенность и коммерческая неумелость

ходившиеся на государственной службе. Председатель правления и директор Учетно-ссудного банка Р. Г. Менсбир одновременно являлся младшим инспектором Государственного банка. Кроме того, в состав правления входили директор Государственного банка А. Ф. Вестфаль и три чиновника особых поручений V класса Министерства финансов — И. О. Гейман, В. Ф. Покровский, А. Д. Полубояринов (ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 435, л. 232).

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 28, д. 435, л. 331—334.

в деятельности Учетно-ссудного банка Персии, — утверждалось в прошении, — привела к совершенной непопулярности этого учреждения в Персии, граничащей с враждебным к нему отношением». ¹⁹

Почти одновременно с группой С. Г. Лианозова, А. М. Хоптария и Э. А. Ватацци о своей готовности приобрести Учетно-ссудный банк Персии заявило Торгово-промышленное товарищество «Иван Стахеев и К^о». ²⁰ Наконец, в последних числах июля 1917 г. с предложением приобрести от 60 до 85% складочного капитала Учетно-ссудного банка Персии выступили товарищества Петроградской ниточной мануфактуры, Охтинской бумагопрядильни и Акционерное общество «Кавказский хлопок». Эта группа, в течение многих лет связанная торговыми отношениями с Персией, поставлявшая на персидский рынок швейные нитки и покупавшая персидский хлопок, намерена была расширить свои операции в Персии и хотела использовать для этой цели Учетно-ссудный банк.

Все эти предложения свидетельствовали о возросшей роли частной инициативы в русско-персидских экономических отношениях и о том, что различные промышленные группы, заинтересованные в развитии торговых отношений с Персией и вывозе капиталов в эту страну, тяготились уже государственной опекой, осуществлявшейся через Учетно-ссудный банк Персии. Однако за двадцать с лишним лет своего существования банк настолько развился в Персии свое государственное хозяйство, что правительство не склонно было передавать его в частные руки. Поступившие в Министерство финансов в 1917 г. ходатайства о продаже банка были направлены на заключение в Учетно-ссудный банк Персии. В правлении банка уклонились от того, чтобы дать о них какой-то определенный отзыв. Там признавали, что из-за «правительственного характера банка» «официальные персидские круги» относятся к нему «с недоверием, заподозривая его в стремлении к русификации и экономическому порабощению страны», а «представители некоторых русских фирм усматривают в нем нежелательного конкурента по тор-

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, л. 349.

говле». Однако в правлении подчеркивали трудности, которые возникли бы при передаче банка в частные руки. Должна была «парушиться связь» его с действовавшими в Персии русскими предприятиями, акции которых принадлежали казне, но были переданы банку. Кроме того, банк приобрел крупные лесные концессии в Астрабадской и Мазандеранской провинциях, и, по мнению правления, «эксплуатация» их «в пользу казны имела бы серьезное значение».

В правлении обращали внимание Министерства финансов на отношения Учетно-ссудного банка с английским Шахиншахским банком, основанные на принципах англо-русского соглашения 1907 г., и, наконец, на задолженность персидского правительства Учетно-ссудному банку и права банка в случае неисправности платежей по долгам установить контроль над таможенными страны.²¹

Последняя страница в истории Учетно-ссудного банка Персии как учреждения, представлявшего интересы Министерства финансов и Государственного банка, закрылась только в октябре 1917 г.

В истории Учетно-ссудного банка Персии в какой-то мере нашло отражение развитие российского монополистического капитализма, достигшего к началу первой мировой войны полной зрелости. У истоков возникновения этого учреждения стоял Я. Поляков, олицетворявший собой характерный для 80-х годов XIX в. тип русского бапкира, порожденного железнодорожным грюндерством, разбогатевшего на государственных железнодорожных подрядах, окрепшего и набравшего силу в значительной степени благодаря государственной опеке. Этот тип русского бан-

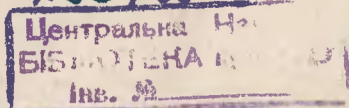
²¹ Там же, л. 341—342. — По мнению правления в случае продажи банка следовало учитывать задолженность ему персидского правительства, состоявшую из 32,5 млн руб. по займам 1900 и 1902 гг., унифицированных в 1910 г. мелких долгов на сумму в 60 млн кран и выданного в 1913 г. аванса в счет займа в 200 тыс. фунтов стерлингов. Кроме того, в банке значились крупные долги персидских подданных на 13 млн кран. Должны были быть возмещены также суммы, полученные Учетно-ссудным банком от Государственного банка в виде 10-миллионного кредита от Государственного казначейства «на усиление средств банка в целях совместного с Англией оказания Персии денежной помощи» в размере 3 937 500 руб. (там же).

кира с робкими, особенно перед лицом государственной экспансии, попытками вести операции за пределами империи не шел ни в какое сравнение с представителем русского финансового капитала периода мировой войны. К этому времени делец из русского предпринимательского мира уже сочетал концессионное дело с торговлей, был связан не только с банками, но и с крупными промышленными предприятиями в России и открыто противопоставлял свою предприимчивость косным и чиновным методам введения правительственной экономической политики.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая	
Учетно-ссудный банк Персии в 1895—1905 гг.	10
Англо-русское соперничество на Среднем Востоке в конце XIX в. Учреждение Учетно-ссудного банка Персии. Роль банка в организации займов, в концессионной и торговой политике царского правительства	10
Экономическая политика самодержавия и реорганизация Учетно-ссудного банка Персии в 1903 г. Развитие торговых операций банка. Роль банка в дорожном строительстве и организации страховых и транспортных обществ	48
Англо-русские отношения накануне русско-японской войны. Вопрос о дальнейшем направлении экономической политики царского правительства в Персии в связи с началом военных действий. Кризис русской экономической политики в Персии в годы русско-японской войны	79
Глава вторая	
Учетно-ссудный банк Персии в 1906—1914 гг.	122
Англо-русские отношения после русско-японской войны. Изменение устава Учетно-ссудного банка Персии. От переговоров об англо-русском займе Персии к англо-русскому соглашению	122
Переговоры о совместных англо-русских кредитах персидскому правительству. Проект соглашения с бакирским домом «Братья Зелигман»	148
Англо-русские отношения в Персии после 1907 г. и экономическая экспансия Германии. Учетно-ссудный банк и железнодорожное строительство. Кризис банка накануне первой мировой войны	175
Заключение	196

H83768

Kharkov University

0 004538 4 0

Борис Васильевич Апаньич

**РОССИЙСКОЕ САМОДЕРЖАВИЕ И ВЫВОЗ КАПИТАЛОВ.
1895—1914 гг.**

(По материалам Учетно-судного банка Персии)

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства Г. А. Альбова
Художник М. И. Разулевич
Технический редактор И. М. Кашеварова
Корректоры Ж. Д. Андропова и Е. В. Шестакова

Сдано в набор 20/1 1975 г. Подписано к печати 22/X
1975 г. Формат бумаги $84 \times 108^{1/32}$. Печ. л. $6^{5/8} =$
 $= 11,12$ усл. печ. л. Уч.-изд. л. 11,59. Изд.
№ 5893. Тип. вак. № 38. М-26852. Тираж 2550. Бумага
№ 1. Цена 73 коп.

Ленинградское отделение издательства «Наука»
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, Ленинград,
В-34, 9 линия, д. 12